

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLVI

№ 1
январь-март 2018

ТАШКЕНТ
2018

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Св. преп. Венедикт Нурсийский и Схоластика Нурсийская. Страница из Устава преп. Венедикта (С. 6-12).

Стр. 3: Аниковское блюдо из Согда (С. 23-27).

Восток Свыше. 2018, № 1 (XLVI)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Ксения РОГОЖНИКОВА. Мои руки становятся крыльями... 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Близнецы. 1475 лет преставления преподобного Венедикта
Нурсийского (14 марта 543 года) 6

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*

145-летие со дня основания епархии и другие события 13

ХРИСТИАНСКИЕ СИМВОЛЫ В ИСКУССТВЕ

*Владимир БАРАНОВ: «И иконоборцы, и иконопочитатели использовали
античную философию...»* 16

*Елена ПОТОРОЧИНА. Образ Небесного Иерусалима на серебряных
блюдах из Согда?* 23

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

*Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний
«По волнам жизни». Публикация, предисловие и примечания
Татьяны Котюковой* 28

*Бахтиёр АЛИМДЖАНОВ. Взлет и падение туркестанского
купца Николая Иванова* 51

*Борис ЛОНГОБАРДИ. Путевые впечатления невольного
путешественника. Публикация Михаила Талалая* 59

ДИСКУССИЯ

*Бахтияр БАБАДЖАНОВ. «Научное самоубийство»: взгляд из
прошлого и будущего* 78

ОЙКУМЕНА

Вадим МУРАТХАНОВ. По ту сторону гор 85

ПРОЗА

Ольга ПИНЧУК. Какая же я матушка? 88

ПЕРЕВОДЫ

Слово свт. Иоанна Златоуста о целомудрии. *Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума* 93

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О смирении 99

Размышления над Евангелием: страницы *протоиерея Сергия СТАЦЕНКО*
Первосвященство Христово и наше призвание 103

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет 106

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Мария БУБНОВА. Слышать и говорить 117

Виктор МОИСЕЕНКО. От Сырдарьи до Калинина. Сырдарьинские этюды 130

Авторы номера 141

Информация для авторов 142

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Ксения РОГОЖНИКОВА

Мои руки становятся крыльями,
когда думаю о Тебе.
Прикоснись ко лбу тыльной
стороной ладони; робеть

перестану. Жду малейшего знака,
что Ты со мной.
Будет утро греметь и звякать,
повторяя вопрос простой –

отчего грустит поваренок
с пустой тарелкой в руках?
Смотреть влюбленно, слушать влюбленно,
как плещутся три кита

далеко в основании планеты,
и аисты клином летят,
слишком много всего – где Ты?
Мне опять никуда без Тебя.

Календарные страницы *главного редактора*

Близнецы

*1475 лет преставления преподобного Венедикта Нурсийского
(14 марта 543 года)*

В 475 году римский военачальник Орест Флавий вынудил императора Корнелия Непота скрыться в Далмацию, а на престол посадил своего юного сына Ромула Августа.

Правил Ромул Август всего десять месяцев.

Точнее, правил его отец, Орест Флавий. Ромул лишь сидел на императорском престоле и улыбался.

В августе 476 года Орест был казнен восставшим войском. Равенна, последняя столица Империи, была взята; Ромул Август – свергнут; знаки императорской власти – отосланы в Константинополь.

Историки считают это концом Западной Римской империи.

Некоторые, правда, переносят его на четыре года позже, в 480-й, когда был убит засевший в Далмации Корнелий Непот. Точная дата здесь не так важна. Современникам, уставшим от постоянных войн и нашествий, было уже, по большому счету, все равно – живут ли они в империи, в королевстве или где-то еще.

В эти годы, в сотне километров к северо-востоку от Рима, в городе Нурсия (в наши дни – Норча) у благородных родителей родилась двойня – мальчик и девочка.

Мальчика назвали Венедиктом.

Девочке дали имя Схоластика.

Венедикт – «Благословенный». Схоластика – «Ученость».

Про деянья или про дух.
Про страданья или про страх.
Вот и вся сказка про двух:
жили-были брат и сестра...*

* Здесь и далее – цитаты из стихотворения Виктора Сосноры.

Итак, жили-были брат и сестра.

О детстве их ничего не известно. Только то, что у них была кормилица, которая присматривала за ними и после того, как они вышли из младенчества. Остальное можно додумать. Был родительский дом и легкий запах чада и стряпни из кухни. Была церковь: родители были набожными. Были детские игры, в которые дети играют во все времена; и когда исчезают империи – тоже. Были изумрудные травы и стекающие с гор ручьи весной. Холодный ветер осенью.

Дети росли.

Сыну родители решили дать светское образование: это позволило бы ему занять со временем высокую должность. А дочь решили посвятить Богу.

Схоластика останется жить в родительском доме в Нурсии, приняв обет безбрачия: женские монастыри тогда только создавались. А юный Венедикт, простившись с сестрой и родителями, отправится на учение в Рим.

Чтобы кто-то заботился о нем, родители снарядили с ним и кормилицу.

Венедикт ехал на север, в потерявший былую славу, но все еще великий Вечный город.

За несколько лет до этого, в 493 году, Италию завоевали остготы Теодориха. На два десятилетия в стране установилось затишье. Теодорих покровительствовал латинской культуре и ученым занятиям; при нем возшла звезда философа Боэция – сверстника Венедикта. В Рим стекались молодые люди, чтобы пройти классический курс обучения – сначала в грамматической школе, затем в риторической.

В отличие от Боэция, Венедикт не стал философом.

Столичная жизнь, шумная и полная искушений, смутила провинциального юношу. Науки, которые изучал Венедикт, также не вызвали в нем рвения. Преподавание не слишком отличалось от того, какое столетием ранее описал в своей «Исповеди» Августин Блаженный: оно оставалось языческим.

Как пишет его биограф, святитель Григорий Двоеслов, Венедикт скоро «понял, что от наук многие впадают в пороки».

Вскоре он покинул Рим, чтобы посвятить себя служению Богу – как и его сестра, оставшаяся в Нурсии, о которой он не забывал.

Дороги близнецов, даже расходясь, повторяются.

Венедикт отправился на восток вместе с кормилицей, которая не пожелала оставлять его. Пересек Римскую Кампанию, добрался до Тибра и поднялся вверх по течению притока Тибра Анио. Немного южнее Анио находилась деревня Эффиде (ныне Аффиле). Здесь, при церкви апостола Петра, как сообщает святитель Григорий, жили общиной «многие славные мужи, привлекаемые туда ревностью о спасении».

Здесь Венедикт стал учиться монашеской жизни.

Однажды кормилица его выпросила себе у соседских женщин сито; сито случайно расколосось пополам. Заметив огорчение кормилицы, Венедикт сложил половинки вместе и стал со слезами молиться.

По окончании молитвы сито оказалось целым.

Молва о юном чудотворце разнеслась по Эффиде. Но Венедикту была она в тягость: не ради мирской славы покидал он шумный Рим. Он снова бежал – на этот раз уже один, тайно от кормилицы. Целое сито долго висело у церковных дверей.

А что сестра?

От вернувшейся домой кормилицы она должна была узнать о бегстве брата. Она все еще жила в родительском доме, в обществе нескольких девушек, так же, как и она, посвятивших себя Богу. Пряла пряжу и молилась за брата.

Темнота, тихо кругом,
лает пес, теплится час,
невидимка-ангел крылом
овекает небо и нас...

Лаял пес, за невысокой каменной оградой кудахтали куры. На маленьком огороде хорошо взошел горох, а вот капуста в том году не уродилась. По вечерам зажигался масляный светильник и читались жития святых.

На этот раз Венедикт бежал на север.

Недалеко в горах он встретил озеро с пришедшей в запустение императорской виллой. Озеро возникло по повелению Нерона, пожелавшего соорудить здесь дамбу. Местность называлась Сублаквем – «под озером» (ныне Субьякко). Чуть выше виллы располагался маленький монастырь. Но Венедикт направился не туда, он облюбовал себе небольшой грот пониже монастырских стен, на отвесной скале.

Три года прожил он там, никем не замеченный.

Снедь ему спускал сверху на веревке некий монах Роман, с которым Венедикт познакомился по дороге в Сублаквем. Роман, насельник здешнего монастыря, раздобыл для него монашеское одеяние.

Хлеб Роман уделял Венедикту тайно из своего скудного пайка. О спуске возвещал глиняный колокольчик, привязанный к концу веревки. Услышав звон, Венедикт выходил из пещеры и ловил хлеб.

Однажды враг рода человеческого бросил камень, и колокольчик разбился.

В другой раз в пещерку к Венедикту влетел черный дрозд и принялся кружить вокруг него, отвлекая от молитвы. Венедикт сотворил крестное знамение, и птица вылетела.

«Вдруг, – сообщает святитель Григорий, – он видит женщину, которую злой дух привел пред очи его ума: при виде ее сердце раба Божия воспыало таким огнем, что пламень страсти едва уместился в нем». Венедикт уже выбежал из пещерки, помышляя вернуться в мир, но тут увидел куст дикой ежевики. Сорвав одежду, он бросился в него и валялся до тех пор, пока не изъязвил все тело. Огонь похоти был угашен кипятком боли.

Шло время. Об отшельнике стало известно, к гроту потянулись местные

жители. А монахи из Вари (ныне Виковаро), лежавшей в тридцати верстах от Сублаквема, даже пожелали сделать Венедикта своим настоятелем. Святой долго отказывался, видя их недоброту, но в конце концов дал согласие. Настоятельство Венедикта было недолгим: монахи возроптали на его строгие правила. На трапезе они поднесли ему кувшин с отравленным вином.

Венедикт по своему обычаю перекрестил сосуд, и тот тут же разлетелся на куски.

«Да помилует вас, братия, всемогущий Бог! За что вы хотели сделать со мной это?»

Монахи молчали. Вино растекалось среди осколков по полу.

«Не говорил ли я вам прежде, что мои обычаи не сходны с вашими? Идите и ищите себе настоятеля по своим обычаям...»

Венедикт возвратился обратно к себе в Сублаквем. Грот встретил его привычной тишиной и сумраком.

Долго пробыть в тишине не удалось. Снова стали стекаться люди, желавшие истинной монашеской жизни. Число их вскоре было уже более полутора сотен. Венедикт медленно вглядывался в их лица.

Склоны над озером были отвесными и не располагали к строительству больших монастырей. Вместо одного большого монастыря Венедикт закладывает двенадцать малых.

Вскоре у Венедикта появляется новый недоброжелатель: некто Флоренций, настоятель небольшого прихода неподалеку. Флоренций подкарауливал путников, уговаривая их не ходить к Венедикту и возводя на него разные клеветы. Попробовал даже извести Венедикта, послав ему отравленный хлебец... Народ продолжал идти к святому, а хлебец с ядом выхватил из рук Венедикта и унес ворон.

Тогда Флоренций нанял семь нескромных дев. Обнажившись, они ворвались в монастырский сад и стали водить хороводы перед монахами.

Неуместных плясуний изгнали, но Венедикт, устав от вражды, решил покинуть Сублаквем – так же, как прежде покинул Варию. Дав наставления братии монастырей, он с немногими своими споспешниками снова отправился в путь.

Через полдня его настиг гонец из Сублаквема. «Возвратись, учитель! Преследовавший тебя погиб! На Флоренция обрушилась теплица!»

Венедикт остановился, но назад не повернул, а заплакал. А на гонца наложил епитимью – за то, что радовался смерти врага.

А что Схоластика?

Она, верно, издали следила за восходившей звездой своего брата. Была ли между ними переписка? Судя по тому, с какой строгостью Венедикт запрещал монахам переписываться с родней, ее не было. Но была еще молва, чьи волны доносили до Нурсии слухи о чудесах, происходивших в Сублаквеме. Слушая эти рассказы, Схоластика тихо кивала. И снова бралась за пряжу. Или за молитво_) слов. Так день за днем пряла она нити молитвы и нити пряжи.

...В нашем саду
лишь пчела с птицей поют,
лишь цветы, лишь на свету
паучки что-то плетут...

Дом ветшал, родители старели. Зимы становились особенно долгими, дожди затяжными и холодными. Только псы лаяли так же звонко, как и прежде.

Родители незаметно ушли. Схоластика тихо поплакала над ними; в солнечные дни навещала их могилы. Что удерживало ее в Нурсии? Дом в двух местах дал трещину, огородик заглушали дикие травы. Только древо ее молитвы все росло и зеленело, расцветая белыми цветами.

Венедикт шел на юг.

Остановился он у вершины горы Кассинум (ныне Монте-Кассино), в ста двадцати верстах от Рима. На востоке синела горная цепь, на западе лежала плодородная долина, за ней – другие горы, вдалеке виднелось море. На вершине Кассинума находилось языческое капище: крестьяне из окрестных деревень были еще язычниками.

«Здесь мы и остановимся», – сказал Венедикт.

Было это где-то в 529 году от Рождества Христова. Венедикту – около пятидесяти. Предыдущие тридцать были годами странствий. Нурсия. Рим. Эффиде. Сублаквем. Вариа. Снова Сублаквем... Последующие тридцать лет он проведет безвыездно в Кассинуме. Капище будет снесено, на его фундаменте вырастет монастырь. Монастырь будет неоднократно разрушен – в последний раз во Вторую мировую войну, англо-американской авиацией. И каждый раз будет восстанавливаться из руин.

Но главное – здесь, в Кассинуме, Венедикт возведет храмину, которую не разрушат века: свой «Устав».

«Устав» – не просто набор монастырских предписаний. Это модель идеального христианского общества.

...Не любить слишком часто и громко смеяться. Не стараться прослыть святым. Во зле всегда обвинять самого себя, а все доброе приписывать Богу. До захода солнца мириться с теми, с кем разделила тебя распря. Никогда не отчаиваться в милосердии Божиим...

Монастырь в Кассинуме строился, «Устав» писался, а Италию сотрясали войны. Вначале честолюбивый Юстиниан пожелал возродить Римскую империю в былом ее величии и под своей властью. Его войска отвоевали полуостров у остготов, взяли Рим и Равенну. Но вскоре готы под водительством Тотилы начали новый натиск и свели завоевания Юстиниана на нет. Армия готов, шедшая на Рим, проходила мимо Кассинума: Тотиле даже вздумалось «испытать» Венедикта. Сообщив, что желает посетить святого, он отправил к нему вместо себя одного из своих конюших, одетого в королевские одежды, со знаками власти и целой свитой. Однако Венедикт, увидев лже-Тотилу, крикнул ему: «Сними, сын мой, сними то, что на тебе, – это не твое!» После этого Тотила лично явился в Кассинум и простерся перед святым.

В Кассинуме в жизни Венедикта произошло и еще одно событие. Сюда, поближе к брату, перебралась Схоластика. Монастырь Венедикта был на вершине горы, – Схоластика со своими монахинями поселилась у ее подножья.

Они встречались раз в год. Неподалеку была усадьба, он приходил туда со своими учениками; туда же приходила и она. Целый день проводили они вместе, в беседах и молитвах; вечером прощались и уходили каждый в свой монастырь.

Так повторялось из года в год. Вплоть до того безоблачного дня.

«Целый день, – пишет святитель Григорий, – они провели в хвале Богу и в святых беседах, когда же наступила ночная тьма, вместе совершили трапезу.

Они еще сидели за столом, и между святыми разговорами время тянулось медленнее, когда эта блаженная жена, сестра его, стала упрашивать: “Пожалуйста, не оставляй меня в эту ночь; проговорим до утра о радостях небесной жизни”.

Он же отвечал ей: “Что это ты говоришь, сестра? Я никак не могу оставаться на ночь вне стен монастыря”.

А небо было такое ясное, что не видно было ни одного облака.

Блаженная же жена, услышав отказ брата, положила ладони со сцепленными пальцами на стол и склонила на руки голову для молитвы всемогущему Богу.

Когда же подняла она со стола голову, засверкали молнии, загрели громы и пролился столь изобильный дождь, что ни уважаемый Венедикт, ни братия, бывшие с ним, не могли и шагу сделать с того места...

Тогда муж Божий... стал горько жаловаться: “Да пощадит тебя всемогущий Бог, сестра моя; что ты сделала?”.

Та отвечала ему: “Се, просила я тебя, но ты не пожелал меня слушать; попросила Господа моего – и Он услышал меня...”».

Дождь лил до утра.

Всю ночь брат и сестра провели в разговорах, насыщая друг друга беседой о жизни вечной. Вспоминали ли они при этом о своем детстве, о старом родительском доме в Нурсии? Бог весть. Монахи и монахини сидели на лавках у стен, кто слушал их тихую речь, кто молился, кто дремал.

До зари звезды дрожат,
вся цена жизни – конец.
Ты послушай: дышит душа,
бьется, бьется в теле птенец.

Он совершил множество чудес в своей жизни. Но тут, как пишет святитель Григорий, святой «встретил чудо, совершенное силою всемогущего Бога из сердца жены. И большее чудо могла тогда совершить сия жена, которая давно желала видеть своего брата. Ибо, как сказал Иоанн: “Бог есть любовь”, и еще, как справедливо говорят: кто больше любит – тот больше может».

На следующий день они расстались. Схоластика вернулась вниз, в свою келью; Венедикт поднялся наверх.

Еще через два дня, глядя в окно, он увидел белую голубку, поднимающуюся в небо – как раз с того места, где жила Схоластика.

Опустившись на колени, он стал молиться.

Затем, призвав братьев, объявил им о кончине Схоластики.

«Потом, – сообщает святитель Григорий, – тотчас послал их, чтобы принесли тело ее в монастырь и положили в гроб, который он для себя приготовил. Таким образом, и тела тех не были разлучены погребением, чьи души всегда были соединены в Боге»*.

Он пережил ее ненамного.

Уплывем завтра, сестра,
в ту страну, где благодать!

Незадолго до смерти у него было видение, похожее на то, какое описал Борхес в своем «Алефе».

Венедикт, как пишет святитель Григорий, увидел «весь мир, как бы собранный в единый луч солнца».

Весенние травы в Нурсии.

Узкие улицы Рима, по которым он бродил в плаще студента.

Разбитое сито в Эффиде. Веревка, на которой добрый Роман спускал ему хлеб...

Шумный ливень в Кассинуме и лицо сестры, которая пыталась, но так и не могла скрыть своей торжествующей улыбки...

* Схоластика является местночтимой святой ряда православных западноевропейских епархий.

Новостные страницы иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)

145-летие со дня основания епархии и другие события

Одним из главных событий конца минувшего года – начала нынешнего стало празднование 145-летия со дня образования Ташкентской и Туркестанской епархии и начала активной церковной жизни, связанного с приездом первого правящего архиерея епархии епископа Софонии (Сокольского). Итоговыми мероприятиями стали проведение 9–10 декабря 2017 года совместного Синода Казахстанского и Среднеазиатского митрополичьих округов и торжественное богослужение в Свято-Успенском кафедральном соборе города Ташкента с участием 13 архиереев двух округов. Заседание Синода и богослужение возглавили глава митрополичьего округа в Казахстане митрополит Астанайский и Казахстанский Александр и глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий.

На совместном Синоде состоялось обсуждение и подписание трех журналов, в которых отразились наиболее важные мероприятия епархий обоих Округов, посвященные 145-летию Туркестанской епархии. Главным итогом стало принятие Совместного послания архипастырей Казахстанского и Среднеазиатского митрополичьих округов, посвященного юбилейной дате. Текст послания был зачитан 10 декабря 2017 года за Божественной литургией в ташкентском кафедральном соборе Успения Пресвятой Богородицы и в кафедральных храмах епархий Округа, а затем, 17 декабря, за Божественной литургией во всех храмах митрополичьего округа в Республике Казахстан. В память о торжествах в Ташкенте митрополит Астанайский и Казахстанский Александр вручил архиереям Среднеазиатского митрополичьего округа юбилейные медали.

Очередная сессия Синода Среднеазиатского митрополичьего округа прошла 17 марта 2018 года. В заседании под председательством главы Округа митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия приняли участие правящие архиереи епархий Округа: временно управляющий Патриаршими приходами Русской Православной Церкви в Туркменистане архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофи-

лакт, епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим, епископ Бишкекский и Кыргызстанский Даниил. На сессии был рассмотрен ряд вопросов, в частности, обсуждены Положение о церковных наградах и учреждение Церковного суда Среднеазиатского митрополичьего округа.

«Туркестанская епархия в документах и комментариях. 1867–1918» – так называется первый сборник архивных документов, который был выпущен в конце 2017 года издательством «GLOSSA» по благословению митрополита Викентия. В этот сборник вошли документы, посвященные истории Ташкентской епархии, охватывающие период от 1867 до 1918 годов. Публикуемые документы освещают многие малоизученные аспекты истории Православия в Средней Азии. Особое внимание уделено переписке, сопутствующей открытию в Туркестане архиерейской кафедры, а также длительному и трудному процессу перемещения центра епархии из Верного (ныне Алма-Ата) в Ташкент. Он заинтересует не только ученых – историков, религиоведов, но и самый широкий круг общественности. Составители сборника – постоянные авторы журнала «Восток Свыше» Р.В. Дорофеев, О.А. Илюшкина и Т.К. Стеклова*.

4 октября 2017 года митрополит Викентий совершил рукоположение руководителя канцелярии Ташкентской и Узбекистанской епархии Василия Шивалдова в сан диакона.

19 ноября после Божественной литургии в кафедральном соборе Успения Пресвятой Богородицы впервые был совершен чин поставления звонаря. Митрополит Викентий благословил несколько человек из числа алтарников нести послушание на колокольне.

Сразу две награды – церковную и светскую – получил в конце прошлого года митрополит Викентий. 4 декабря, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл удостоил правящего архиерея Ташкентской и Узбекистанской епархии права ношения двух паннагий в пределах Среднеазиатского митрополичьего округа. А 7 декабря владыка Викентий получил от имени президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева почетный орден в честь 25-летнего юбилея принятия Конституции Узбекистана. В поздравительной речи Председатель Комитета по делам религий О.О. Юсупов отметил: «Наш президент высоко оценивает деятельность митрополита Викентия в Узбекистане. И подтверждением этого является то, что мы сегодня вручаем Вам этот почетный наградной знак в честь 25-летия Конституции Узбекистана... Благодарю Вас за Ваш вклад в дело межконфессионального диалога в Республике Узбекистан».

В конце 2017 года из числа активных прихожан Свято-Успенского собора образовалась православная молодежная инициативная группа «Твори Добро». Она уже

* Журнал планирует откликнуться на этот сборник в ближайших номерах. (Прим. ВС.)

Новостные страницы иеромонаха *Михаила (СТОЛЯРОВА)*. 145-летие со дня основания епархии и другие события

успела провести ряд благотворительных акций по оказанию помощи онкобольным детям; на попечении группы находятся несколько малоимущих семей.

22 октября 2017 года безвременно почил труженик Ташкентской епархии Александр Аксютин. Он был выпускником Ташкентской Духовной семинарии, много потрудился во славу Божию, в том числе и в деле реконструкции кафедрального собора. Вся хозяйственная часть лежала на его плечах. Вечная тебе память, возлюбленный о Господе брат наш Александр, и Царства Небесного!

Владимир БАРАНОВ

«И иконоборцы, и иконопочитатели использовали античную философию...»

От редакции. Философские аспекты христианского искусства – одна из наиболее сложных и глубоких тем как в богословии, так и в самой философии. О философских предпосылках одного из наиболее драматичных эпизодов в истории православного искусства – иконоборчества VIII–IX веков – главный редактор ВС беседует со специалистом по истории византийского искусства, кандидатом философских наук Владимиром БАРАНОВЫМ (Новосибирск).

Историческая справка: Иконоборчество – религиозные и политические движения, отвергающие святость религиозных изображений и иконопочитание. Хотя эпизоды или кампании иконоборчества происходили в разные исторические периоды и в разных странах, главным периодом иконоборчества как по масштабу и длительности, так и по глубине аргументов, разрабатываемых обеими сторонами в защиту своих позиций, являются иконоборческие споры в Византии в VIII–IX веков. Иконоборчество было введено в Византии в качестве государственной доктрины императором Львом III Исавром (717–741) как часть крупномасштабных реформ государства, экономики и права и осуждено как ересь на Седьмом Вселенском Соборе (787).

– Владимир, откуда у вас интерес к истории иконоборческих споров?

– По первому образованию я художник. Интерес возник из увлечения древнерусским и византийским искусством и попыток понять его смысл и происхождение. Главные вопросы, которые возникли у меня: «Как у иконоборцев могла подняться рука на такие прекрасные изображения?» «Кто были эти люди, что двигало ими?» У меня появилась счастливая возможность подробно исследовать источники византийского иконоборческого периода в ходе обучения на магистерской и докторской программах факультета медиевистики Центрально-Европейского университета в Будапеште, где я провел четыре года. В результате исследования я пришел к выводу, что иконоборцы не были простыми необразованными «варварами», сокрушавшими священные изображения из-за отторжения чуждого им «культурного кода». Идейное содержание споров необходимо рассматривать через призму философского осмысления аргументов обеих сторон, поскольку для выра-

жения своих позиций и иконоборцы, и иконопочитатели обращались не только к предшествующим христианским традициям, но и активнейшим образом использовали античную и позднеантичную философию.

– Почему понадобился именно философский подход?

– Дело в том, что традиционно в научной литературе возникновение иконоборчества рассматривалось как перенесение иудейского и мусульманского запрета изображения живых существ на византийскую почву. Оно произошло преимущественно по политическим мотивам, как идеологическое обоснование для всеобъемлющих реформ византийского государства императорами-иконоборцами в момент политического, социального и экономического кризиса византийского общества в начале VIII века. Такой подход уводил многих ученых в сторону от тщательного исследования учения иконоборцев, как вторичного и не обладающего системным характером. Но если эти факторы и могут объяснить причины и время возникновения византийского иконоборчества как политического движения, их явно недостаточно, чтобы объяснить готовность подавляющего большинства византийского общества, клира и иерархии воспринимать эти влияния, даже оформленные в виде государственной политики, и понять глубинное содержание иконоборческих споров с их философской и богословской полемикой. Византийское иконоборчество должно рассматриваться с двух точек зрения: традиции христианского аниконизма*, например, проявляющегося в учениях таких христианских платоников, как Ориген или Евагрий Понтийский, и внешних причин, вызвавших его трансформацию в иконоборчество в Византии в начале VIII века.

– А в доиконоборческое время почитанию икон давалось какое-то философское истолкование?

– В нескольких доиконоборческих источниках содержатся свидетельства, что практика почитания священных изображений, хотя и была неотъемлемой частью церковной жизни, могла осмысливаться с точки зрения философского «элитизма». Так у Ипатия Эфесского (ум. после 536 года) иконопочитание оправдывается аргументом, довольно странным для нас, принимающих христологическое оправдание образа Седьмым Вселенским Собором. У Ипатия почитание священных изображений дозволяется более простым христианам, черпающим свои представления о трансцендентном из чувственных символов, образованным же христианам, «элите», рекомендуется умственное постижение божественных истин, не выраженных чувственными символами. В ходе иконоборческих споров такой подход, не удовлетворявший своей «половинчатостью» ни иконопочитателей, ни иконоборцев, был отвергнут. Основным философским результатом этих споров стало формирование учения об особом онтологическом, «бытийном», и гносеологическом статусе образа как неразрывно связанного с ипостасью изображаемого, которая действует через свой образ, несмотря на различие природ, что получило свое закрепление уже в богословских догматах Седьмого Вселенского Собора.

* Аниконизм, или безобразность (от др.-греч. αν – отрицательная частица и εἰκόνα – образ, изображение) – позиция в отношении сакрального искусства, исключающая использование фигуративных образов божества, пророков и других персонажей священной истории в качестве культовых символов. (Прим. ВС.)

– Вернемся к самим спорам. Какие философские доводы приводили иконоборцы?

– Учение византийского иконоборчества, насколько его можно реконструировать из фрагментарно сохранившихся иконоборческих источников и полемики иконопочитателей, основывается на платонизме. Конечно, не собственно «платоновском», а прошедшем долгий путь, и существенную переработку, и систематизацию у неоплатоников, а также получившем христианское осмысление у Оригена и его последователей. Хотя основные позиции христианского платонизма были осуждены при императоре Юстиниане в VI веке, у иконоборцев можно заметить эхо осужденных позиций – указание на предсуществование души и смену тела на нематериальное в воскресении. В своей теории познания (гносеологии) иконоборцы призывают к интеллектуальному созерцанию, а религиозные изображения отвергаются как материальные, чувственные, и, следовательно, неадекватные истинному умственному познанию «умственного божества». Иконоборцы выстраивают вертикальную схему от материи к умопостигаемому нематериальному божеству через ряд все менее материальных сущностей-посредниц, важнейшей из которых служит душа, достаточно материальная для соединения с материей и достаточно нематериальная для соединения с божеством. Еще более они усиливают пропасть между чувственным и умопостигаемым, выводя материальное тело Христа из области имманентного нашему миру в область трансцендентного и лишая его воскресшее тело качеств материальности и изобразимости.

Платоническая гносеологическая традиция, которой следуют иконоборцы, была введена в христианский обиход Оригеном и подверглась систематической разработке Евагрием Понтийским. Евагрий Понтийский для оригенизма был как Прокл для неоплатонизма. Ориген не был систематическим богословом, он писал комментарии, некоторые полемические трактаты, но какого-то структурированного, системного богословия у него не прослеживается. Евагрий Понтийский в конце IV века разработал именно структурированное и системное богословие христианского платонизма, которое было основано как на Священном Писании, так и на мифе об отпадении умов, в значительной степени основанном на платоновском «Тимее». Основная суть этого мифа, осужденного в ряде анафем на Пятом Вселенском Соборе, состоит в том, что первоначальная сотворенная богосозерцающая монада охладела в любви к Богу как своему единственному объекту созерцания, отпала и разделилась на отдельные существа. Христос как единственный неотпавший ум собирает отпавшие умы воедино в богосозерцающую монаду в конце времен, при апокатастасисе, и все восстанавливается в первоначальное совершенство. Евагрий Понтийский был систематизатором. И можно далее проследить, как после изгнания монахов-оригенистов из Египта (Евагрий Понтийский умер незадолго до этого) они переселяются в Палестину, где в VI веке оригенисты уже разделившиеся на два лагеря, с несколько разными представлениями – более мягким и более радикальным. Далее некоторые аспекты оригенизма прослеживаются в монофелитских спорах в VII веке. В принципе можно выстроить через Оригена, Евагрия, оригенистов VI века, оригенистов VII века и иконоборцев какую-то – пунктирную, конечно, – преемственность, где Евагрий структурировал богословие Оригена, а через него и всю платоническую традицию.

– *А что противопоставляли этому иконопочитатели?*

– Иконопочитатели также соглашались с необходимостью умственного поклонения, но противопоставили платоническому подходу иконоборцев использование аристотелевского философского аппарата. Они применяли к иконам принцип образа-посредника как условия любой умственной деятельности. Иконопочитатели преодолевают пропасть между умопостигаемым и чувственным через выработку учения о сходстве и различии образа и модели, соединения чувственного образа с умопостигаемой моделью и утверждения адекватности живописного образа словесному тексту. На онтологическом уровне иконопочитатели постулируют допустимость соединения между нематериальным Божеством и материей без каких-либо посредствующих сущностей. Стало быть, объясняют возможность обожения материи, что служит обоснованием почитания икон и мощей святых. Согласно иконопочитателям, Христос имманентен нашему миру, в силу Своего Воплощения всегда обладая материальностью и неотъемлемым изобразимым образом Своей Божественной ипостаси.

– *То есть, снова старый конфликт между последователями Платона и последователями Аристотеля...*

– Отчасти да, но надо понимать, что он касался только категориального аппарата иконопочитателей и иконоборцев, но не богословской и христологической сути их позиций. В результате иконоборческих споров были сформулированы отчетливые различия как в понимании отношений между сакральным и профанным, так и в постижении бытия в понятиях сущности и явления. Можно сказать, что иконоборчество стало последним этапом переосмысления античной космологической гносеологии и онтологии и трансформации античной философии в христианскую философию.

– *А на какие конкретно тексты Платона опирались иконоборцы?*

– Философский аппарат иконоборцев, что касается онтологии, базируется на «Тимее». Они используют понимание души как посредницы между материальным и божественным. Этот принцип, конечно, заимствован из Платона «через третьи руки», но он создает определенную структуру, онтологически опровергающую изображения.

Вообще, любые вопросы, связанные с умственным поклонением в христианской традиции, очень часто восходят к знаменитой Пещере Платона из «Государства», и любопытно, что иконоборцы называют иконопочитателей «скиаграфами», то есть «писателями теней», вместо «зографы» – «живописатели». Но иконоборческий платонизм не возник из какой-то общеплатонической традиции, а уже был переработан Оригеном. Почему? Дело в том, что у Платона оппозиция чувственного и умопостигаемого, которая выражается в мифе о Пещере, в общем-то, достаточно «мягкая». Человек может выйти из Пещеры, и выход из нее на свет осуществляется постепенно, шаг за шагом, и в этом движении к свету, к источнику света в итоге, изображения, в принципе, могут на начальном этапе иметь какую-то педагогическую пользу. У Оригена же и у иконоборцев резко подчеркивается именно

гносеологическое несоответствие образа и модели. Образ для них – это нечто ложное, передающее лишь ограниченный аспект «истинного» оригинала (образ в том виде, как его использовали иконопочитатели). И только безобразное умственное поклонение может сделать Божество объектом умственного познания.

– *А что из Аристотеля использовали иконопочитатели?*

– Иконопочитатели использовали его не в целостном виде, а лишь некоторые частные аспекты. Прежде всего, они заимствуют у него принцип отношения: икона или изображение не должны быть точным воспроизведением или аналогом модели; между ними существует определенное отношение. Именно оно определяет, что образ – это образ, а модель – это модель, и образ есть образ такой-то модели. Это первое. Второе: в своей антропологии иконопочитатели также используют аристотелевский принцип, скорее всего прошедший через Немесия Эмесского*. Согласно ему, при созерцании некоего образа этот чувственно воспринимаемый отпечаток попадает в мозг, где имеется некоторая «база данных» предшествующих впечатлений, «отпечатков», концепций, и чувственно воспринятый образ взаимодействует с этим предшествующим опытом созерцающего человека. Тем самым иконопочитатели отвечают на критику иконоборцев: мол, «мы почитаем правильно, умственно, без чувственных материальных изображений, а вы почитаете чувственно». Иконопочитатели говорят: «Нет, мы тоже почитаем не чувственно, потому что в итоге все равно изображение умственно, оно попадает в ум, и в уме оно обрабатывается».

– *А были ли какие-то внутренние причины изменения идеологии византийского общества, которые привели к превращению иконоборчества на какое-то время в, так сказать, государственную идеологию?*

– Это очень сложный вопрос, на который трудно, да и, наверное, невозможно дать однозначный ответ. Но некоторым указанием на процессы непосредственно перед началом иконоборчества может служить предисловие к «Эклоге» – своду законов, введенному Львом III. Кстати, его иконоборческая политика, по-видимому, должна восприниматься как часть таких реформ, поскольку иконоборчество вводилось не через церковный институт Вселенского собора или, скажем, Синода – Эндемусы, – был такой постоянно действующий в столице совет епископов, подчинявшийся патриарху Константинополя, – но через светский по сути орган «Силенция» (хотя в нем, конечно, участвовали и церковные деятели, но в качестве государственных чиновников). Получается, что Лев III воспринимал вопрос об иконопочитании как относящийся не к прерогативе Церкви, но к вопросам, на которые распространялась светская юрисдикция...

Так вот, в предисловии в «Эклоге» он, во-первых, говорит о своей абсолютной власти, не упоминая совместное попечение о благе народа церковной и светской иерархии, как это было принято. В предисловии активно цитируются пророки Ветхого Завета, и возникает впечатление, что Лев III представляет себя как такого

* *Немесий Эмесский* – епископ Эмессы в Сирии в конце IV в., автор трактата по антропологии «О природе человека», в котором платоническое учение о душе соединяется с христианским Откровением.

ветхозаветного законодателя, ведущего, подобно Моисею, народ к некой Богом заповеданной цели и руководящего народом через данный Богом закон. Это очень характерная деталь – в момент кризиса Лев III собирается консолидировать византийское общество через систему законов без обращения к церковной власти, которой в византийской традиции отводилось попечение о духовном благе и духовных делах.

– Мы говорим сейчас об античных философских влияниях на иконоборческие споры, о социальных факторах. А было ли какое-то инорелигиозное влияние – например, со стороны «аниконического» иудаизма?

– Что касается «иудейских корней» иконоборчества и взаимодействия христианской и иудейской философии, – очень любопытно, что иудаизм в первые века нашей эры по сути был иконическим, а не аниконическим. После разрушения Храма, когда место для жертвоприношений исчезло и исчез храмовый культ, синагогальный иудаизм был вынужден перенести какие-то элементы храмовой культуры, которая сосредоточивалась в Храме, на синагогальную почву. Например, мозаики полов в синагогах первых четырех столетий показывают любопытную структуру, отражающую трехчастную структуру ветхозаветного Храма. В первой части изображается Тора и семисвечник, соответствующие святой святых, которая была в Храме; в средней части – жертвоприношение Авраама, что соответствует части «святая», где стоял жертвенник и приносились жертвы; а в третьей части – при входе в синагогу – изображены зодиакальные символы. Да, со временем это исчезает, иудаизм постепенно делается чисто аниконическим, по-видимому, в результате полемики с христианством, которая становится очень жесткой в VI веке, и которая, кстати, в основном апеллирует к вещественным образам Священного Писания, таким как скиния и Храм Соломона с херувимами из золота и украшением из львов, волов и гранатовых яблок. И поскольку христианство было иконическим, отчасти и в результате такой конфронтации иудаизм становится аниконическим, чтобы утвердить свою идентичность как отдельного не только религиозного, но и культурного явления. Что же касается взаимодействия христианской и иудейской традиции, очень важными в этом процессе были первые века, когда христианство было не столь эллинизированным.

– А другие религии – например, манихейство – могли как-то повлиять?

– С манихеями дело очень интересное, поскольку при яростном отвержении материального манихеями у них было очень развитое искусство, сохранились прекрасные иллюстрированные рукописи. Любопытно было бы понять, почему при таком антагонизме к материи, который, казалось бы, должен был влечь за собой отвержение чувственно воспринимаемой реальности, тем не менее, имелось развитое искусство, причем искусство религиозное. Очевидно, что взаимосвязь между любой идеологией, культом и культурой не «линейная», а более сложная и интересная.

– А со стороны ислама?

– С одной стороны летописец Феофан упоминает, что Лев III имел товарища,

бывшего христианина-отступника, принявшего ислам. С другой стороны, имеются убедительные сведения об общении Льва III с армянскими иконоборцами еще до того времени, как он стал императором. Конечно, если проследить социальные связи, это может стать очень интересным исследованием и обогатить наши представления об иконоборчестве... Интеллектуальная верхушка – византийская, армянская, христиан, живших в Палестине, таких как Иоанн Дамаскин, или в Риме, – была достаточно небольшим сообществом людей, которые все друг друга знали, кого-то любили, кого-то ненавидели. Поэтому анализ социальных связей – кто кого знал, кто кому писал, кто с кем общался, – мог бы дать очень интересные результаты.

Например, главный источник по самому раннему этапу иконоборчества – это «Три Слова в защиту икон» Иоанна Дамаскина, который жил в Палестине в это время. И многие исследователи считали, что эти три трактата, в которых упоминается патриарх, написаны для внутренней палестинской христианской аудитории и для ее зарождающейся полемики с исламом, поскольку не было никаких данных о связях между Иоанном Дамаскиным, жившим в Палестине, и Константинополем. Агиография доносит очень интересный факт: Константинопольский Синаксарий упоминает, что некий монах Стефан из Лавры Святого Саввы, где предположительно жил Иоанн Дамаскин в правление Льва III и в патриаршество патриарха Германа, то есть до 730 года, совершил путешествие в Константинополь. Больше ничего не упоминается, запись небольшая, но вполне возможно, что целью этого монаха было именно представление трактатов, написанных Иоанном Дамаскиным, константинопольской аудитории.

– Но в период императора-иконоборца Феофила влияние ислама было уже довольно заметным...

– Действительно, культура Византии времени императора Феофила, а это 830-е – начало 840-х годов, испытывала влияние ислама, но культурно ислам был несколько иной, чем при начале иконоборчества в 720-х годах. Дело в том, что в 750-х годах династия Омейядов, при которой произошло завоевание территорий, входивших в Византийскую империю, сменилась династией Аббасидов, и ситуация резко изменилась. Омейяды со столицей в Дамаске оказались правителями культурно и экономически развитого населения бывших византийских территорий и очень активно заимствовали элементы византийской и, через нее, вообще античной культуры. Один из любопытных примеров – памятник, который всем хорошо известен: Купол Скалы на Храмовой Горе в Иерусалиме, где повторно использованы римские капители с изображениями орлов, что было бы маловероятно в последующую эпоху Аббасидов, которые четко осознавали свою «инаковость» и резко дистанцировались от византийской культуры. Но это уже выходит за рамки темы нашего разговора...

– Большое спасибо за интересную беседу!

Елена ПОТОРОЧИНА

Образ Небесного Иерусалима на серебряных блюдах из Согда?^{*}

Знаменитое Аниковское блюдо, найденное в 1909 году в Верхнем Прикамье, в деревне Малая Аникова, хорошо изучено и описано. Оно было изготовлено в мастерских Согда в VII–VIII веках и хранится сейчас в Эрмитаже.

Известно и другое блюдо – двойник Аниковского. В 1938 году там же, на Урале, в верховьях реки Лозьвы, исследователь древних культур Сибири В.Н. Чернецов записал легенду о серебряном блюде, которое выловили на Оби и затем пожертвовали в одно из мансийских святилищ. В 1985 г. И.Н. Гемуюев и А.В. Бауло удалось обнаружить это блюдо недалеко от селения Верхнее Нильдино на реке Сев. Сосьва¹.

На обоих серебряных с позолотой блюдах изображен один и тот же сюжет: осаждаемая неприятельским войском крепость. В центре композиции помещено двухэтажное здание с четырьмя сторожевыми башнями, в которых видны лица людей. Вход в здание обрамлен порталом и колоннами. Над входом – продолговатое окно, в котором стоит женщина с воздетыми руками. На крыше первого этажа – семь трубачей и один мужчина в центре этой группы, держащий на поднятых руках некий предмет. На крыше второго этажа – три человека и две фигуры убитых, свисающих с карниза вниз головами. Здание окружено вооруженными всадниками. Наверху изображена небесная сфера, с солнцем и луной.

Существуют различные трактовки сюжета этих блюд-двойников, которые кратко систематизировал А.В. Бауло: занятие крепости иранцами и внос священного огня (Sarre, 1923; Reuther, 1938); представление султана своей армии или подавление заговора против султана Санджара в Мерве (Соваже, 1940); шествие и вынос зороастрийского погребального оссуария – урны с прахом (Тереножкин,

^{*} Содержащаяся в статье интерпретация символики Аниковского блюда была изложена в: Поторочина Е.В. Еще одна интерпретация сюжета согдийского блюда // Трансоксиана – Мавераннахр: Сб. ст. – Ташкент: Издательство журнала «SAN'AT». 2007. С. 169–180. Предлагаемая статья переработана и дополнена новыми сведениями.

1939). С.П. Толстов (1948) связал сюжет блюда с комплексом представлений о Сиявуше. Г.А. Пугаченкова (1981) трактовала изображения как осаду и оборону двухэтажного замка. Н.В. Дьяконова (1970-е гг.) интерпретировала сюжет как «осаду Кушинагары», связанную с борьбой за урну со священным прахом Будды...²

Существует также библейская трактовка сюжета, разделяемая рядом исследователей. По мнению Б.И. Маршака³, она связана с осадой Иисусом Навином Иерихона (Иис. Н., 6). Однако, сопоставив сюжет изображения на блюде с библейским описанием осады Иерихона, можно заметить некоторые несоответствия в толковании.

Семь трубачей, трубящих в трубы во время осады Иерихона, описаны в Книге Иисуса Навина следующим образом:

Тогда сказал Господь Иисусу: вот, Я предаю в руки твои Иерихон и царя его, и находящихся в нем людей сильных. Пойдите вокруг города все, способные к войне, и обходите город однажды в день; и это делай шесть дней. И семь священников пусть несут семь труб юбилейных перед ковчегом; а в седьмой день обойдите вокруг города семь раз, и священники пусть трубят трубами. Когда затрубит юбилейный рог, когда услышите звук трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом; и стены города обрушатся до самого основания, и весь народ войдет в город, устремившись каждый со своей стороны (Иис. Н., 6, 1–4).

Священники должны были ходить, неся ковчег завета: «и семь священников пусть несут семь труб юбилейных перед ковчегом Господним» (Иис. Н., 6, 5), – тогда как на блюде изображены вооруженные всадники вокруг города, а трубящие в трубы находятся на крыше первого этажа здания. Следовательно, тема изображения согдийского блюда иная.

На наш взгляд, и фигуры трубачей, и всадники, и другие образы блюда дают повод предполагать, что сюжет связан с пророчествами из Откровения апостола Иоанна Богослова. На нем изображены последние времена истории человечества, «семь лет Великой скорби», и последующее за ними второе пришествие Иисуса Христа.

Если исходить из этой трактовки, двухэтажное здание, занимающее центральное место в композиции блюда, символизирует храм в Небесном Иерусалиме, который описан как «храм Божий на небе» (Отк. 11, 19; 21). Он упоминается и в Послании Евреям – как город, *которого художник и строитель Бог* (Ев. 11, 10). В то же время это здание является образом Иерусалима в Израиле, вокруг которого и происходят события Апокалипсиса. Храм Божий также есть образ Церкви Его.

Как справедливо отмечено Б.А. Железняковым,

принадлежность здания к христианскому культу угадывается по резным, так называемым «георгиевским», крестам, в обилии украшающим фасады строения. Аналоги «замка с крестами» прослеживаются в настенных росписях доисламского Пенджикента. <...> Большое количество керамических плиток с прорезанной в центре фигурой, в виде «мальтийского креста», являются элементами декоративного оформления фасадов раннесредневековых

замков. Подобные плитки встречаются на памятниках оседлой культуры Казахстана и Средней Азии в слоях VII–VIII вв. Они обнаружены при раскопках городища Тараз, Культобе (Ясы-Туркестан), Ак-тепе Ташкентского и др. В декоре самаркандских очажков, в котором отразилась архитектурная орнаментика более раннего времени, можно найти изображение аналогичных круглых плиток с крестами⁴.

Вход в храм обрамлен порталом, и над ним в прямоугольном окне, вытянутом продольно, изображена женщина в позе оранты, с руками, поднятыми для прославления и молитвы. Г.А. Пугаченкова назвала ее «жрица-оранта над входом»⁵, что как раз и указывает на христианскую тематику блюда. Потому что иконографический тип оранты (от лат. *orans* – *молящийся*) восходит к раннехристианским изображениям молящихся фигур в росписях римских катакомб и использовался в христианском искусстве в образах Богоматери и других святых.

Первый этаж оформлен колоннами, которые поддерживают перекрытие. Завершается первый этаж двумя крытыми балконами по обеим сторонам здания. Такие же балконы завершают и второй этаж. В проемах этих сооружений видны лица; скорее всего это четыре Евангелиста – Матфей, Марк, Лука и Иоанн.

На перекрытии первого этажа стоят трубачи. Это, видимо, семь Ангелов с трубами: *И я видел семь Ангелов, которые стояли перед Богом: и дано им семь труб* (Отк. 8, 1-2). И после того, как золотая кадьница, наполненная огнем с жертвенника, была повержена на землю, *семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить* (Отк. 8, 6). Что касается трактовки образа персонажа, изображенного в центре группы трубящих в трубы, то это некто, кто держит ковчег завета, появляющийся после того, как вострубил седьмой ангел: *И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его* (Отк. 11, 19).

Двое умерших, которые свешиваются с крыши второго этажа, – изображение свидетелей верных последнего времени, которые призваны проповедовать чудесами и знамениями на улицах Иерусалима и возвещать пришествие Иисуса Христа. *И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. <...> И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их...* (Отк. 11, 3,7).

На самом верху, на крыше храма, изображены три персоны. Можно гипотетически допустить, что это изображение Пресвятой Троицы. Мы не возьмем на себя смелость персонифицировать Бога-Отца, Бога-Сына и Бога – Духа Святого. Одна из этих фигур вооружена луком и стрелами, другая – мечом и щитом, третья держит в руке поднятое знамя. Во многих книгах Библии Бог описан воинственным, как свершающий суд Свой, как Воздающий за беззакония, как защитник и заступник тех, кто взывает к Нему о помощи.

Небо, солнце и луна над головами Троицы также включены в события времени Великой скорби: *...и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась как кровь* (Отк. 6, 12).

Во внешнем дворе храма изображены вооруженные всадники – по пять с обеих сторон, – которые воинственно настроены по отношению к обороняющим храм. Это, как представляется, *десять царей, которые еще не получили царства,*

но примут власть со зверем как цари, на один час. Они имеют одни мысли и передадут силу и власть зверю. Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их (Отк. 17, 12–14)

Итак, тема сюжета серебряных блюд-двойников, изготовленных в Согде, – пророчество о «времени Великой скорби» перед вторым пришествием Иисуса Христа, по Откровению апостола Иоанна Богослова.

Достоин восхищения мастерство средневекового художника, который так лаконично передал все ключевые события Книги Откровений. Небольшое по размеру блюдо вмещает значительный временной промежуток истории земной и небесной, насыщенный эпохальными событиями. Это отражается в его композиционной специфике, выразившей сжатое время. Как отметил Б.И. Маршак,

такие особенности композиции, как пропуск кульминационного момента и отсутствие границ между частично находящимися друг на друга разновременными эпизодами, вообще характерны для согдийского искусства⁶.

При передаче новозаветного сюжета художник использовал реалии своего времени. Передача легендарных сюжетов в современной обстановке и костюмах персонажей было, как отмечала Г.А. Пугаченкова, характерной чертой искусства раннего средневековья⁷. Так, прототипом для изображения храма стали среднеазиатские замки или храмы VII–VIII веков. Ближайшим аналогом его является замок (или храм) на росписи одного из домов, построенного в 40-х годах VII века в Пенджикенте⁸. Под изображением замка на росписи размещены три креста на удлиненном основании, которые ассоциируются с Голгофой, что позволяет нам обозначить общность между согдийским блюдом и росписью в Пенджикенте, обусловленную пространственно-временными, стилевыми и духовными особенностями. Что касается изображения лиц воинов и их вооружения на блюде – здесь можно найти параллели среди самаркандских терракот. И, как было отмечено Г.А. Пугаченковой,

Изображение на Аниковском блюде принадлежит к той эпической струе, что возобладала в доарабском искусстве Средней Азии, самые блестящие центры которого располагались в Согде и смежной с ним Уструшане⁹.

Аналоги Григоровскому и Аниковскому блюдам можно найти и в искусстве христиан Армении, в частности в так называемом довахском диске с рельефным изображением Вознесения Христа и двенадцати апостолов в позе оранты¹⁰.

Скорее всего, эти изделия согдийских торевтов имели культовое значение – для евхаристии. В Прикамье их могли завезти согдийские христиане, известные своим миссионерским усердием.

Художественные изделия из серебра с христианской и библейской символикой, изготовленные в Иране, Хорезме, Согде, сохранились в большинстве в Сибири и на Урале, в то время как на родине массивные блюда, утратив свое значение, переплавлялись в монеты или предметы других культов¹¹. Север Западной Сибири оказался своеобразной кладовой для восточной серебряной утвари. В Верхнее

Прикамье проникали среднеазиатские купцы по торговому пути по Волге, северному ответвлению Великого Шелкового пути¹²...

Христианство оказало огромное влияние на мировоззрение и средневековое искусство не только Средней Азии, но и Западной Сибири, где обнаруживаются кладовые восточного серебра. Тайный смысл произведений согдийской торевтики волнует исследователей и заставляет вновь и вновь обращаться к ним.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гемуев И.Н. Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1988. № 3(1). С. 39–48; Бауло А.В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Инст. археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 16. Его же. Связь времен и культур (серебряное блюдо из верхнего Нильдина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 127.

² См.: Бауло А.В. Связь времен... – С. 132–133.

³ См.: Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Наука, 1971. С. 11.

⁴ Железняков Б.А. Предметы с иконографическими изображениями из Семиречья (несторианство, манихейство) // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 260–276.

⁵ Пугаченкова Г.А. К датировке и интерпретации трех предметов «восточного серебра» из коллекции Эрми-

тажа // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М: Наука. 1981. С. 61.

⁶ Маршак Б.И. Указ. соч. С. 11.

⁷ См.: Пугаченкова Г.А. Указ. соч. С. 59.

⁸ См.: Маршак Б.И. Указ соч. С. 11; Пугаченкова Г.А. Указ. соч. С. 59.

⁹ Пугаченкова Г.А. Указ. соч. С. 61.

¹⁰ См.: Мнацаканян С.С. Наследие Востока в мемориальных памятниках Армении // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. – Л.: Наука, 1985. С. 280.

¹¹ См.: Железняков Б.А. Под знаком креста // Nomad Kazakhstan. 2005. № 4. С. 48–55.

¹² См.: Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2012. № 2 (10). С. 116–117.

Туркестан

Главы из воспоминаний «По волнам жизни»*

Публикация, предисловие и примечания Татьяны КОТЮКОВОЙ

Учебный мирок

Во главе учебного ведомства в Туркестане формально стоял генерал-губернатор, имевший права попечителя учебного округа. Фактически же роль попечителя принадлежала главному инспектору училищ Туркестанского края.

Эту последнюю должность занимал в те годы человек, имевший печальную заслугу перед Россией – Федор Михайлович Керенский¹. Он являлся воспитателем двух вошедших в историю героев: Ленина-Ульянова и собственного сына, А.Ф. Керенского.

Ф[едор] М[ихайлович] был директором Симбирской гимназии, где окончил курс В.И. Ульянов-Ленин, и даже был ряд лет классным наставником Ленина. Позже в большевицких газетах была напечатана аттестация, написанная Ф.М. Керенским Ленину, когда последний окончил гимназический курс и поступал в университет. Керенский в общем хвалил ученика, отмечая только его замкнутость. В качестве же положительных свойств Ленина отмечал его религиозность... Удивительная прозорливость педагога! Ленин в сущности был неблагодарен, воюя с А. Керенским вместо того, чтобы приголубить сына своего наставника.

Ф.М. Керенский – грузная, высокая фигура, некрасивый, с грубыми чертами лица, насквозь пропитанный сознанием своей генеральской важности. По впечатлению – он должен бы происходить из духовного звания. В педагогическом мире Туркестана его сильно не любили – за формализм и за пристрастность. Он, между прочим, не переваривал в своих директорах индивидуальности, и один из них, директор учительской семинарии Софийский, человек в высшей степени достойный уважения, [случившимся у него] разрывом сердца был едва ли не исключительно обязан неприятностям со стороны своего начальства.

* Продолжение. Начало в №№ 4, 2016 – 1, 2017 (XLII); 2 (XLIII), 3 (XLIV), 2017. Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00504 «Воспоминания В.В. Стратонова «По волнам жизни» как источник по истории Российской империи и Советской России (научное комментирование)».

Керенский находился в служебных делах, особенно в том, что относилось к личному составу, под сильным влиянием жены², заносчивой и кичливой женщины, весьма нелюбимой в ташкентском обществе. Около нее всегда вертелось несколько заискивающих перед «генеральшей» педагогов, и эти лица получали перед другими разные служебные преимущества. Наоборот, не пользовавшиеся расположением г-жи Керенской испытывали на себе соответственные последствия.

В результате в педагогическом мирке Ташкента чувствовалась приниженность и угнетенность. Генерал-губернаторы были заняты военными и общеадминистративными функциями, и им некогда было входить в детали учебного дела; они полагались во всем на Ф.М. Керенского. Попытки апелляции к ним были мало обнадеживающими. До Петербурга же было далеко... Педагоги молчали и уходили в себя, стараясь затушевать свою индивидуальность.

В семье Керенского было три дочери и два сына³; старший из сыновей, Александр, впоследствии прославил себя.

Александр Федорович Керенский рос на моих глазах; он обучался в ташкентской гимназии. Худосочный, щупленький мальчик. Бледный и слегка сутулый. Способным он не казался, по крайней мере, об этом не приходилось слышать. Судя же по получаемым отметкам, он учился прекрасно. Но кто же из педагогов рискнул бы иначе оценить успехи сына так умевшего сводить с подчиненными счеты начальника? Насколько помню, Саша Керенский окончил курс с золотой медалью.

Этот юноша был в 7-м классе, когда в гимназии был поставлен ученический спектакль «Ревизор».

Живо вспоминается мне небольшой гимназический зал, часть которого отделена для сцены. В остальной части впереди – почетные гости и семьи педагогов, остальное пространство – густая толпа гимназистов.

В первом ряду восседает, грузно развалившись на кресле, Ф.М. Керенский; рядом, с пенсне на остром носу, Н.А. Керенская, недружелюбно оглядывающаяся по сторонам.

Конечно, главная роль предоставлена сыну начальства. И Саша Керенский в роли Хлестакова оказался вовсе не дурен. Иные находили даже, что он настолько хороший Хлестаков, что эта роль могла бы быть коронной во всей его последующей артистической карьере.

Быть может, это было и преувеличением: в игре его чувствовалась некоторая робость, неуверенность и неуклюжесть. Но это было данью молодости. В последующей жизни, как известно, А.Ф. Керенский вовсе освободился от робости при исполнении своих ролей.

В последующем А[лександр] Ф[едорович] приезжал студентом домой на vacation. В первые приезды выглядел – как тогда говорилось с легкой руки писателя П.Д. Боборыкина⁴ – «белоподкладочником»⁵. Я встречал его в белоснежном студенческом кителе, в длинной до пят серой «николаевской» шинели, в белых перчатках. Он выглядел типичным студентом – генеральским сыном, и ничто не показывало на интерес в нем к революционным идеям. Все это, очевидно, пришло позже.

Уехавши из Ташкента, я непосредственно А.Ф. Керенского не наблюдал. С удивлением узнал впоследствии из писем, что по политическому процессу в Ташкенте нашего хорошего знакомого И.В. Чарковского ожидается приезд защитника, «специализовавшегося по политическим процессам», А.Ф. Керенского.

Его имя снова обратило на себя внимание в связи с процессом по поводу известного расстрела рабочих на Лене⁶. Последующая биография А[лександра] Ф[едоровича] хорошо известна.

Видным туркестанским общественным деятелем был директор мужской гимназии в Ташкенте Николай Петрович Остроумов⁷. Тоже – красочная фигура. По образованию – из духовной академии, по подготовке – едва ли не миссионер, он посвятил всего себя служению русскому делу так, как это отвечало его идеологии. Приехав в Ташкент из Казани, он был сначала директором учительской семинарии, а затем стал директором гимназии.

Со своим прямым начальником, Ф.М. Керенским, заместителем которого Остроумов бывал в служебном порядке, он не ладил, даже несмотря на то, что к начальству всякого рода Н[иколай] П[етрович] всегда проявлял большую почтительность. Очевидно, требования Керенского превышали то, что скромный в своем чиновничьем самолюбии Остроумов мог перенести.

Под конец с Н[иколаем] П[етровичем] произошел по службе несчастный случай: его систематически обманывал делопроизводитель гимназии. Давая подписывать ассигновку на 50 рублей, делопроизводитель располагал текст так, чтобы слово «пятьдесят» начиналось с новой строки. После же подписи ассигновки Остроумовым он приписывал в конце предыдущей строки слово «сто». Получив в казначействе 150 рублей, он клал 100 в карман, а 50 сдавал в гимназию. Разумеется, рано или поздно это обнаружилось, но делопроизводитель успел похитить 15-18 тысяч рублей, пока это заметили. Его судили, приговорили к нескольким годам тюремного заключения, а затем по манифесту наказание было смягчено. Остроумову же пришлось покрывать растрату из личных средств.

По этому случаю Керенский не преминул свести счеты: Остроумов был переведен, с понижением, обратно директором учительской семинарии. Наказание Остроумов принял с христианским смирением.

Основной, одухотворявшей Остроумова идеей была русификация края, – точнее, приобщение местного населения к русской культуре. Знаток азиатских языков, в частности сартского, Н[иколай] П[етрович] редактировал издававшуюся при управлении генерал-губернатора на сартском языке «Туземную газету»⁸, ведя ее в том же русификаторском тоне. Относительно политической роли этой газеты Н[иколай] П[етрович], пожалуй, несколько ошибался. Ее читали только должностные лица из сартов <...>. В народную же толщу газета не проникала; но из-за нее Н[иколаю] П[етровичу] пришлось впоследствии поплатиться.

Остроумов поддерживал личные связи и сношения с наиболее видными и наиболее образованными сартами, склоняя их, между прочим, отдавать своих сыновей в русские средние школы. Его радовало, когда эта агитация увенчивалась успехом, что, впрочем, случалось редко. Н[иколай] П[етрович] также выискивал среди

сартов литературные силы, извлекал их на свет Божий, протезировал туземным поэтам... В частности, он был знатоком Корана и этим импонировал сартам.

Проходит Н[иколай] П[етрович] по улице; навстречу – три сарта. Едва разминулись, слышит брань и плевки себе вслед.

Остроумов их останавливает:

– Послушайте, вы меня дурно обозвали, а вы меня знаете?

Сарты поражены неожиданным обращением к ним на их языке.

– Нет, тюря...

– Я вас чем-нибудь обидел или оскорбил?

– Нет...

– Так почему же вы плюете мне вслед?

Молчание.

– Слушайте, я мог бы сейчас позвать вот того полицейского, и он отвел бы вас под арест! Вас бы присудили к наказанию за оскорбление русского чиновника. Но я этого не сделаю, а только напомню вам, что сказано в Коране...

И начал побивать их цитатами из Корана, порицавшими оскорбительные выпады против других людей. Сарты рассыпались в извинениях.

Свою политическую возню с сартами Н[иколай] П[етрович] вел идейно и добровольно. Поэтому для администрации он являлся почти незаменимым человеком, и это мешало Керенскому его съесть до конца.

В общем Н[иколай] П[етрович] был чистый и весьма порядочный человек, но в обществе его считали сухим, педантом – и над этими его свойствами часто подтрунивали. Как педагог, он едва ли стоял высоко. Он был несколько теоретичен, поэтому скучен, и часто читал нотации, быть может, слишком часто. Поэтому приходилось слышать от бывших его питомцев критическое отношение к своему директору, но злобных воспоминаний слышать не приходилось.

Прошло много лет. Н[иколай] П[етрович], еще при нас овдовевший – его жена, Ольга Дмитриевна, была скромная, хорошая и любвеобильная женщина, смотревшая на мужа немного снизу вверх, – выслужил пенсию и возвратился в Россию. Но, должно быть, он, как и многие, был отравлен прелестью туркестанского солнца и, будучи уже стариком, стремился обратно в Туркестан, где к тому же остались почти все его дети.

Однако, ввиду водворившегося большевизма, сообщение с Туркестаном для частных лиц фактически стало невозможным. Как раз в это же время – дело происходило в 1920 году – пребывавший в Москве организационный комитет по устройству Туркестанского университета отправлял в Ташкент первый эшелон профессуры и их семейств, для чего мы раздобыли целый «санитарный» поезд. Получив просьбу Остроумова о том, чтобы его подвезли этим поездом, мы дали ему знать, на какой станции он должен присоединиться к эшелону.

Но перед самым отходом поезда мы получили телеграмму от туркестанского правительства; в ней говорилось:

«Ввиду имеющихся сведений о том, что с поездом профессуры должен прибыть известный русификатор бывший директор Остроумов, правительство предупреждает, что в пределы Туркестанской республики Остроумов впущен не будет».

Туркестанское правительство тогда состояло – так как другой «интеллигенции» среди сартов и киргиз в ту пору не было – сплошь из готовившихся на должности народных учителей бывших семинаристов учительской семинарии, частью успевших окончить в ней курс, частью освободившихся от учения прямым переходом со школьной скамьи на роль советских сановников. Оные правители нашли соответственным свести таким способом счеты со своим бывшим директором.

Дать знать Н[иколаю] П[етровичу] было уже невозможно, и он узнал на промежуточной станции по пути поезда, что его, к сожалению, нельзя принять.

Тем временем в самом Ташкенте произошел неблагоприятный для данного дела случай с сыном Остроумова Николаем⁹, служившим до революции военным чиновником. Большевики проделали в Ташкенте один из самых простых своих трюков: объявили «свободное беспартийное собрание», на котором каждый «безнаказанно» мог говорить на политические темы. На эту удочку попался молодой Остроумов и произнес речь, критикующую советский режим. Разумеется, он сейчас же попал в Чека, а в большевицкой газете писалось: «Вот он каков, сын известного русификатора Н.П. Остроумова, который к тому же и сам пытался проникнуть в Туркестан!».

Слышал я позже, что Н[иколаю] П[етровичу], еще неоднократно просившемуся в Туркестан, это под конец было разрешено¹⁰.

О другом видном педагогическом деятеле того времени В.Ф. Ошанине было упомянуто уже в другом месте.

Владимир Петрович Наливкин¹¹, по роли инспектора народных училищ, пользовался в Туркестане репутацией ученого знатока края и хорошего вообще человека. И внешность говорила в его пользу: серьезный, вдумчивый, строго, как казалось, смотревший сквозь очки.

Позже Наливкин переменял учебное дело на службу в администрации и был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. Он был привлечен к административному делу, как ученый знаток местного населения.

Вскоре затем он получил пост помощника военного губернатора Ферганской области и неоднократно заменял в Фергане губернатора.

По выходе в отставку он был избран от русского населения Туркестана в число членов Государственной думы. Здесь и произошел совершенно неожиданный скандал: бывший вице-губернатор объявил, что он займет место среди социалистов-демократов. В немногочисленной тогда социал-демократической партии, точнее – большевицкой партии, он стал лидером... Об этом в свое время много писалось и много говорилось. Слишком парадоксальным для царского времени было это политическое сальто-мортале. Отмечался в печати и тот жалкий вид, который представлял собою осанистый по внешности бывший вице-губернатор, лидерствуя в компании, ни в какой мере для него не подходящей.

Этим фактом очень возмущались супруги Шатиловы, его родственники. Марья Петровна Шатилова¹² (мать начальника штаба в армии барона Врангеля, П.Н. Шатилова¹³), родная сестра Наливкина, была замужем за Н.П. Шатиловым¹⁴, помощником наместника на Кавказе. Кажется, перед посторонними Шатиловы даже не хотели говорить об этом своем родстве, но со мною, лично знавшим В.П. Налив-

кина, они откровенно высказывали по этому поводу свое негодование. Я за него заступался, помня личную честность Наливкина, но, конечно, психологически все это осталось мало понятным.

Глава 6

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Ученые общества

Приехал в 1898 году новый начальник края генерал С.М. Духовской. Он был полон добрых культурных намерений, а потому пожелал, между прочим, ознакомиться с личным составом местных научных обществ.

Ему докладывают:

– Ваше высокопревосходительство, члены Географического общества собрались!

Духовской выходит в залу, где выстроились члены ученого общества, и произносит соответствующую случаю приветственную речь.

Через пять минут адъютант докладывает:

– Члены Археологического общества!

Духовской выходит с готовой речью и... застывает от изумления: перед ним выстроились почти все те же лица, которых он только что уже приветствовал.

Та же история с педагогическим, фотографическим и другими обществами.

Ташкент уже и в ту эпоху не был лишен культурных сил, и они начали соединяться в общества. Но сил этих было недостаточно, а потому, как общее правило, интересующихся хотя бы одной отраслью науки уже автоматически завлекали и в другие возникавшие общества.

Археологическое общество, точнее – «кружок», созданное по инициативе Н.П. Остроумова, который внес в это дело много любви. Почти все в нем было делом рук Николая Петровича: инициатива, создание, руководство, фактическое председательствование, производство самих раскопок, составление и печатание протоколов и т.д. Средств у кружка было очень мало, и жаль, что они главным образом шли на печатание излишне подробных протоколов, иногда, однако, печатались и научные статьи. Кроме русских, на заседания приходили и ученые сарты. <...>

Почетным председателем бывал во всех, кажется, обществах генерал-губернатор; в его доме происходили и сами собрания. К сожалению, это было целесообразной необходимостью: <...> общие собрания, устраиваемые в других помещениях, привлекали мало членов.

Наиболее успешно шла деятельность Географического общества, точнее – Туркестанского отдела Императорского русского географического общества¹⁵, и это по той причине, что оно получало ежегодную казенную субсидию в две тысячи рублей. Денег обществу хватало и на организацию экспедиций, и на печатание трудов. Иногда географические задачи трактовались широко: например, общество

дало мне крупную субсидию на наем вычислителей по исследованию строения Вселенной.

Главной научной заслугой Географического общества в те времена были исследования Аральского моря и озера Балхаш. И то, и другое были произведены Львом Семеновичем Бергом¹⁶.

Л.С. Берг, впоследствии весьма известный ученый, попал в Туркестан в качестве специалиста по ихтиологии, на службу по Министерству земледелия, на рыбные промыслы в Казалинск. Преданный до мозга костей науке, он с нею совмещал свою служебную деятельность. Тогда он на нас производил впечатление еще не оперившегося птенчика. Но он был чрезвычайно симпатичен своей духовной чистотой, непосредственностью и беззаветной преданностью науке.

Он и спроектировал систематическое исследование тогда еще мало известного Аральского моря, а финансировало эти его экспедиции наше правление Географического общества.

Л[ев] С[еменович] посвятил этому делу два года, производя исследование моря в тяжелых условиях. Решительно все он проделал единолично. Плавал на утлом суденышке, рыбацьем баркасе, проводил в каждую почти поездку по несколько суток в море, терпя и голод, и непогоду; не один раз рисковал жизнью. Все это проделывал со стоическим мужеством и не жаловался на трудности, как будто его героическая научная работа была нормальным делом.

Потом плоды его экспедиции были предметом исследования разных специалистов, кроме исследований самого Л[ьва] С[еменовича]; результаты были напечатаны в ряде томов. О своих работах Л[ев] С[еменович] изложил в своей магистерской диссертации, и было вполне справедливым, что за эту диссертацию ему прямо присудили докторскую степень, минуя магистерскую. Помнится, что он еще получил и золотые медали, но о научных трофеях, по своей скромности, Л[ев] С[еменович] воздерживался говорить.

Посвятив и последующие годы научной деятельности, Берг, спустя некоторое время, был избран профессором по кафедре географии в Казанский университет. Однако Министерство народного просвещения избрания не утвердило. Причиной был шум, поднятый нашей крайней правой печатью по поводу этого избрания из-за того, что Л[ев] С[еменович] был еврейского происхождения, хотя он сам, а вероятно и его родители, уже были христианами.

Живя затем в Петербурге, Л[ев] С[еменович] сделал ложный шаг: детски неопытный в житейских вопросах, он дал себя женить. Его подругой стала ловкая еврейка, вдова, имевшая уже и раньше двух детей; в Петербурге она заведовала книжным магазином.

Женитьба вышла крайне неудачной. Хотя у них и родилось двое детей, но у Льва Семеновича не было и признаков личного счастья. Все ухудшаясь, его семейная жизнь стала под конец настоящим адом. Л[ев] С[еменович] не выдержал – сбежал от своей жены.

Разошлись они, впрочем, наполовину мирно. Жена забрала с собою своих прежних детей, но отдала Л[ьву] С[еменовичу] его личное потомство. Характерно, что в дальнейшем мать никогда не интересовалась судьбой этих детей.

Но вполне отпустить Л[ьва] С[еменовича], как источник дохода, она не желала. На развод не соглашалась и требовала денег на содержание. Бедный Л[ев] С[еменович] все платил и платил, изнемогая, по своей неопытности, от усилий как-нибудь вырваться из этого семейного капкана. Выкрутиться ему удалось лишь много лет спустя, при большевизме, когда для развода стало достаточным заявления лишь одной стороны.

За это время Л[ев] С[еменович], работавший при Академии наук, все рос и рос научно. Эрудиция его стала так велика, что, при всей своей скромности, он имел право сказать, когда кто-то из ученых другой специальности затруднялся дать ему свой труд:

– Он слишком специальный...

– Специальных книг для меня не существует. Чем специальнее – тем лучше.

Прошел еще ряд лет, и мы оба со Л[ьвом] С[еменовичем] оказались в 1918 году в Москве. Он был в эту пору профессором Петровско-Разумовской академии. Жил со своей матерью, заботившейся об его детях. При большевиках ему приходилось нелегко, тем более что он жил на Тверской-Ямской в доме, переданном рабочей коммуне. Управляющий домом, рабочий, как тогда полагалось, глумился над интеллигенцией, особенно над профессором: заставлял Л[ьва] С[еменовича] убирать улицы, колоть лед на мостовой и т.п. Берг не сопротивлялся, только говорил:

– Если ваша власть не может найти лучшего употребления профессору, как заставлять его чистить улицу, – извольте: буду чистить.

Позже мне, по роли коменданта, предоставленного в распоряжение научных деятелей дома № 26 в Трубниковском переулке, удалось предоставить здесь ему квартиру, и издеваться над ним стало уже труднее.

В ту пору на физико-математическом факультете Московского университета возникла забота о заблаговременном подыскании заместителя знаменитому географу и антропологу Д.Н. Анучину¹⁷, который был уже слишком стар и действительно через несколько лет умер. Кандидата с более громким географическим именем, чем Берг, в России тогда не было, и мы провели его в профессора Московского университета, несмотря на сопротивление нескольких из членов «географической предметной комиссии», желавших видеть заместителем Анучина непременно «своего», независимо от его научного багажа. Правда, у Берга был также достойный конкурент, профессор Обручев¹⁸, заслуги которого особенно подчеркивал в своем официальном письме факультету сам же Берг, с большим благородством отказываясь даже конкурировать с Обручевым. Но мы разрешили этот вопрос удачно: провели в профессора их обоих – и Берга, и Обручева.

Но из-за Берга теперя столичные университеты спорили. Москва мало прельщала Л[ьва] С[еменовича], он находил петроградскую обстановку более научной. Поэтому, когда ему одновременно оказалось возможным и стать профессором Петроградского университета, и получить соответствующую службу в Петроградском географическом институте, он расстался с Москвой.

В Петрограде он снова женился – на этот раз по обоюдной любви – на одной из сотрудниц по Географическому институту. Брак вышел поначалу немного забав-

ным: молодожены решили, что квартира Л[ьва] С[еменовича] слишком тесна, и, чтобы не стеснять ни его детей, ни его самого в возможности научно работать, они решили, до лучших времен, остаться каждый на своей прежней квартире. Встречались же они в условных местах: на станциях трамвая, в парках и т.п. Позже, впрочем, жизнь их наладилась более нормально.

Лев Семенович был последним из друзей, провожавших в Петрограде меня в момент высылки большевиками из России.

В педагогическом кружке аудитория переполнена. Заманчивый доклад привлек не только членов, но и множество гостей.

Тема – объяснение второй части «Фауста» Гете. На кафедре – пожилой военный врач; умное лицо, с пронизывающим сквозь очки взглядом. Это – доктор Тишков¹⁹, заведующий военной психиатрической лечебницей, большим учреждением, единственным в этом роде на весь Туркестанский край. Тишков – личность популярная. Умный, образованный человек, с ним всегда интересно поговорить.

Развивая свою основную мысль, лектор подтверждает ее цитатами из Фауста:

– Гете во второй части своего творения проповедовал идею о соединении церквей. Западная, то есть лютеранская, церковь олицетворена Фаустом. Восточная, то есть греческая, или православная, – Прекрасной Еленой. Союз Фауста и Елены – союз церквей...

На лицах слушателей – все возрастающее недоумение. Слишком парадоксальные утверждения докладчика вызывают возгласы с мест.

После доклада разгораются прения.

Но Тишков... он не отвечает оппонентам. Он просто начинает, чуть не прямо им в лицо, хохотать. Это разжигает аудиторию; она поощряет возражающих аплодисментами.

А доктор, с раскатистым смехом, вертится на кафедре и тоже... аплодирует своим оппонентам. Едва кончит один – Тишков кричит:

– Ну-ка? Кто следующий? Выступайте!

И заливается смехом.

Негодование публики становится таким бурным, что заседание приходится прервать. Все расходятся. Тишков остается один на кафедре – к нему никто не подходит.

А через день он уже сидел в палате, в той самой лечебнице, которой заведовал. С ним произошло внезапное умопомешательство, по-видимому, на самой лекции. Оно бурно выявилось под влиянием возражений.

Полгода спустя я встретил Тишкова в Петербурге. Он на свободе бродил по улицам. Хотя меня и узнал, но производил впечатление не вполне оправившегося.

Путешественники

Туркестан был излюбленным местом для иностранцев-путешественников. Они часто проезжали через этот край, направляясь в Китай или на Памир, или же возвращались из Китая в Европу. Иные ездили с научной целью, другие – поохотиться.

Многих из них привозили – или они сами приезжали – к нам на обсерваторию. Одним нужна была сверка хронометров или справки о климатических факторах; других привозили потому, что обсерватория была тем единственным культурным уголком в Ташкенте, которым и власть, и обыватели не прочь были щегольнуть перед иностранцами.

Передо мною промелькнула таким образом длинная вереница лиц...

Свен Хедин²⁰ бывал здесь на пути в Кашгар, где он часто и охотно пользовался приютом и гостеприимством русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского²¹, исключительно образованного человека, хорошо представлявшего в этом крае русские интересы и русское достоинство перед китайцами. Тогда Свен Хедин, широко пользовавшийся русским содействием, еще таил свое злое русофобство, которое он затем так пышно проявил перед Великой войной...²²

Венгерская экспедиция графа Зичи²³ осталась в памяти как исключительно богато обставленная. В ее составе был чуть ли не десяток разных специалистов. Зичи показывал мне, между прочим, необыкновенно роскошно изданное им описание его предыдущего путешествия по России.

Бонэн²⁴, французский лингвист и философ, возвращался из Китая, после трехлетнего изучения там буддизма. Он производил впечатление очень талантливого, и его рассказы нам по философии буддизма слушались с захватывающим интересом. Позже, желая отблагодарить нас за гостеприимство, Бонэн прислал из Парижа иллюстрированное описание своего путешествия в одном из парижских журналов. Видный философ, он спутал названия моей должности (астроном) и инструмента (астрограф), которым я наблюдал. Свою посылку Бонэн адресовал «господину астрографу Стратонову».

Около 1897–1898 годов мы принимали и много возились с немецкими путешественниками Футеррером и Гольдерером²⁵. Они остались особенно в памяти по их инциденту с казаками.

У нас тогда появилось непростительное заискивание перед иностранцами. Между прочим, это проявлялось в том, что им часто давали, при путешествии по Китаю, для охраны, а в сущности – на роль «белых рабов» при иностранцах, наших казаков из стоявшего в Ташкенте Оренбургского полка. Казаки эксплуатировались путешественниками и в качестве прислуги. Это было фактом, возмущавшим многих; тем не менее такое использование русских, отбывавших на родине воинскую повинность, практиковалось.

Дали шесть оренбургских казаков и в распоряжение Футеррера и Гольдерера, при их путешествии из Ташкента в Пекин. По-видимому, немцы пересолили: слишком уж плохо обращались со своими рабами. Несмотря на дисциплину, которой казаки были тогда проникнуты, и на предстоящую ответственность, – оренбуржцы не выдержали немецкого издевательства и, бросив посреди Монголии путешественников, пробрались им одним ведомым способом через Китай до Ташкента, где и явились в полк по начальству.

Случай этот наделал тогда большой переполох. Кажется, после этого казаков иностранцам не давали.

Печать

Мы застали в 1895 году на весь Туркестанский край только один русский печатный орган – официальные «Туркестанские Ведомости»²⁶. В других областях своих областных ведомостей не было. Пожалуй, их и не могло быть, при малочисленности русского населения, сосредоточенного к тому же главной массой в самом Ташкенте. <...>

Газета тогда выпускалась лишь дважды в неделю. Ее выхода ждали с интересом, потому что только из помещенных в ней телеграмм узнавали, что делается на белом свете. Из России газеты приходили тогда самое скорое через шесть дней. Отдельного же выпуска «агентских»²⁷ телеграмм не практиковалось вплоть до русско-японской войны.

Нельзя сказать, чтобы «Туркестанские Ведомости» не были интересными. Газета обслуживала также и научное изучение края. В ней появлялись статьи исторического, этнографического, географического, естественно-исторического, иногда и экономического содержания. Беллетристика не допускалась, официальная часть сосредоточивалась на небольшой части первого листа, объявлений было совсем мало. Хроника оставляла желать лучшего. Она касалась по преимуществу официальной жизни, да еще концертов, спектаклей, лекций и т.п. Материала с трудом хватало на четыре страницы среднего формата.

Потом развитие жизни, а отчасти и конкуренция с первой появившейся в Ташкенте частной газетой, понудили «Туркестанские Ведомости» расширяться и выходить чаще. Сначала перешли на три выпуска в неделю, а потом и на каждодневные, включавшие иногда в себя шесть – восемь страниц.

На газете, несмотря на то, что она состояла при канцелярии генерал-губернатора, сильно отражалась личность редактора.

Первым редактором при нас был Романович²⁸, бравый штурман, небольшой плотный человек, с красным лицом и совершенно рыжий. Что-то заставило его переменить морскую стихию на журналистику. Романович был очень боек, любил везде бывать на виду, постоянно выступал с речами... Но что собственно он писал – не знаю; думаю, что очень мало, а ограничивался лишь редактированием написанного другими.

Издание газеты в его время было делом необыкновенно легким, в сущности, синекурой. Официальная часть приносилась готовой из канцелярии генерал-губернатора, агентские телеграммы приходили в таком же виде. Российская и заграничная хроника состояла из перепечаток из столичных газет. Оставалась только ничтожная местная хроника. Час-два в день – это было максимумом работы редактора.

Романович, должно быть, поэтому скучал и радовался возможности поредактировать. У меня с ним на этой почве вышел курьезный конфликт.

Написал я научно-популярный фельетон «О блеске звезд» и послал ему для напечатания. Заезжаю посмотреть корректуру и прихожу в ужас.

Я имел манеру писать короткими, отрывистыми фразами. Романович переделал до конца весь мой стиль и более того – повставлял в разных местах собственные фразы, сделавшие кое-где мой фельетон просто научно безграмотным.

Рассерженный, я попросил в таком виде моей статьи вовсе не печатать. Романович, не привыкший стесняться с авторами, также взволновался:

– Имейте в виду, что если бы Иван Александрович Гончаров встал из гроба и принес мне свою рукопись, я бы считал себя вправе и ее переделать!

– Это уж ваше частное дело с Гончаровым. А я печатаю только в таком виде, как я сам написал!

Бравый штурман покраснел:

– В таком случае вам придется уплатить за напрасно сделанный набор!

– Сделайте одолжение!

Расстались сухо. Отобранную рукопись я дал в газету «Окраина»²⁹, где ее немедленно и напечатали. Романович обращался с жалобой на меня разным лицам, но не встретил сочувствия.

Через несколько месяцев я прочитал публичную лекцию «О Солнце», очень понравившуюся публике. Романович расхвалил в газете мою лекцию до небес, а затем попросил прислать ее для напечатания с оговоркой:

– Редакторские права устраняю!

После этого мы с ним хорошо ладили, и присылаемые мною статьи и заметки оставались неприкосновенными для редакторского карандаша.

Романовича заменил в роли редактора «Туркестанских Ведомостей» подполковник Генерального штаба Грулёв³⁰. Почему он был приставлен к столь чуждому для него делу, было малопонятно. Впрочем, тогда числиться по Генеральному штабу означало быть специалистом в чем угодно.

Грулёв был еврейского происхождения, что тогда им тщательно скрывалось, но о чем шепотом говорилось. Впрочем, еврейство было заметно и по его лицу. Уже сравнительно недавно, в конце 20-х годов, я прочитал в парижских эмигрантских «Последних Новостях» некролог генералу Грулёву, причем теперь открыто подчеркивалось, что он был еврейским деятелем.

Редактором Грулёв пробыл года полтора или два и был редактором совершенно бесцветным. Газета оставалась строго казенной, а Грулёв, кажется, интересовался лишь официальной частью.

Газета оживилась при следующем редакторе, Ник[олае] Гурьев[иче] Маллицком³¹, бывшем преподавателе географии в гимназии, зяте Н.П. Остроумова. Он был и секретарем нашего Географического общества и в период расцвета последнего, во время экспедиций Л.С. Берга, вел большую деятельность, скромно неся на себе много работы.

«Туркестанские Ведомости» при нем пошли недурно и развернулись до ежедневных выпусков. Но через три года Маллицкий оставил редакторство, будучи выбран, в связи с реформой городского управления, первым ташкентским городским головой. Он постоянно перевыбирался и очень долго пробыл в этой должности. Посетив Ташкент в 1921 году, я слышал об отчаянном положении, во время большевизма, супругов Маллицких; она постепенно слеpla, а он, лишенный всего, нес на себе непосильную работу.

Первая частная газета «Окраина» была основана в 1895 году группой интеллигентов, в которой видное участие принимал артиллерийский офицер К.М. Обе-

ручев³², известный впоследствии социалист, в ту пору переведенный в Туркестан в качестве ссылки, а впоследствии, уже при революции, ставший командующим войсками Киевского округа; свои дни Константин Михайлович, человек кристально чистой души, кончил в 1930 году в Нью-Йорке, в невольной эмиграции.

Позже эта газета переименовалась в «Русский Туркестан». Одно время ее издавал Сморгунер, о трагической судьбе которого уже говорилось. После его убийства издание газеты повело образовавшееся с этой целью товарищество на веревке³³. Постепенно развиваясь, газета, вместо двух выпусков в неделю, дошла до ежедневных.

Одним из главных заправил в газете стал И.И. Гейер. Он подписывал свои более хлесткие статьи псевдонимом «Дубльжан», и в этом псевдониме нетрудно было расшифровать столь известного всем в Ташкенте Ивана Ивановича. Статьи не были чужды саморекламы автора, и казалось немного странным открытое участие в нередко обличительном органе видного административного чиновника.

В старые годы были в Туркестане две попытки издания местного календаря, но обе они ограничились одним годом.

Я также составил и издал Туркестанский календарь на 1904 год, снабдив его, между прочим, рядом статей по туркестановедению. Книга имела большой успех, но, за моим выездом, в 1904 году, из Ташкента, дальнейший выход этого календаря также прекратился. Мне не удалось найти заместителя для его продолжения. Тем не менее, уже будучи в России, я неоднократно получал требования на него, с приложением денег.

Во время Великой войны я встретился в Твери с ташкентским ксендзом Пра-найтисом³⁴, получившим такую известность, в свое время, по участию в киевском процессе Бейлиса³⁵:

– Уже прошло – говорил он, – десять лет, а мы продолжаем пользоваться вашим календарем в Ташкенте; его нечем заменить для справок по Туркестану.

Глава 7

МОЗАИКА

Жизнь русского общества

Героического периода общественной жизни в Ташкенте мы не застали; в нем уже наладилась нормальная жизнь. Все же военный колорит был доминирующим.

Понемногу, однако, проникал в Туркестан и гражданский элемент; все увеличивающееся в числе гражданское чиновничество, а также купечество и ремесленники. Для энергичных торговцев и для промышленников этот богатый край был прямо «золотым дном». И несколько человек сразу выдвинулись как торгово-промышленные дельцы крупного масштаба.

Более всего привлекал к себе внимание Н.И. Иванов*, – энергичный предпри-

* О Н.И. Иванове см. в этом номере статью Б. Алимжанова «Взлет и падение туркестанского купца Николая Иванова». (Прим. ВС.)

ниматель на все руки, разорявшийся и снова богатевший. Если б не его широкая русская натура, – он стал бы миллионером. Но он им не стал. Это был человек крупного размаха, чуждый свойственного заграничным купцам кулачества. Жил сам хорошо, но давал жить и другим, и не раз проявлял красивые жесты.

Наш друг В.С. Гейнцельман, бывший прежде инженером областного управления, вместе с группой других лиц, навлек на себя гнев генерал-губернатора М.Г. Черняева. В действиях этой группы лиц были усмотрены злоупотребления. Черняев действовал с военной решимостью, и все эти лица были преданы суду.

Гейнцельман пользовался в обществе репутацией честнейшего человека – и заслуженно. После утреннего допроса судебный следователь назначил ему срок до 5 часов вечера для внесения залога в 20 тысяч рублей, – иначе он подлежал заключению в тюрьму. Денег у Гейнцельмана не было, достать такую сумму в короткий срок возможности не было. Он пообедал и в ожидании ареста лег уснуть.

Его будят – приехал купец Иванов по нужному делу. Услышав в городе разговоры о постановлении следователя, Иванов, знакомый с репутацией Гейнцельмана, поспешил привезти ему, для освобождения от ареста, свои 20 тысяч рублей.

Между прочим, это дело могло прекратиться по подоспевшему манифесту. Гейнцельман отказался воспользоваться царской милостью и потребовал над собою суда. Он был по суду оправдан и вполне реабилитирован.

Было в Туркестане и еще несколько крупных русских предпринимателей, оставивших по себе в истории края след: полковник Жемчужников³⁶ (на его дочери был впоследствии женат генерал Н.Н. Юденич), Громов³⁷, Первушин³⁸, Филатов³⁹ и др.

Неплохо жилось русским в Ташкенте, – жизнь была страшно дешева, как об этом уже говорилось. Многие поэтому пообзаводились домами и землями.

Обычные городские развлечения были здесь редкостью – театры, концерты и т.п. Одним из любимых развлечений общества того времени служили пикники, на которые собирались все общественные верхи. Особенным мастером устраивать такие пикники был адъютант генерал-губернатора Д.В. Белов, много хлопотавший и много потом переносивший неприятностей – особенно от чрезмерно требовательных дам. Вспоминается один из таких пикников.

Белов нанял у одного из сартов его загородный фруктовый сад. Разукрасил и иллюминировал этот сад, точно в китайской сказке. Одно плохо рассчитал: сад был слишком далек – несколько верст; ехать по пыльной дороге было и скучно и неприятно. Правда, съезжавшихся сопровождали конные полицейские-сарты с факелами, но все же многие были недовольны.

Подъезжают экипаж за экипажем, и слышатся негодующие возгласы:

– Где этот Белов?!

– А я, – рассказывал Белов, – как только кто подъезжает, прячусь в кусты. Пусть поест, отдохнет, придет в хорошее настроение, тогда я с ними здороваюсь...

Действительно, в саду уютно. Гремят оркестры, расставлены столы для чаепития и с прохладительными напитками. Молодежь танцует. Паркет заменен разостланными на гладкой площадке кошами (войлоком). Пожилые уселись за карты.

Потом – общий ужин. Разъехались уже на рассвете. Обходилось все это не так дорого и большинству было по средствам.

Ужинали мы как-то летней ночью в военном собрании. Веселая составила компания, настроение подогрелось шампанским. Как часто бывало, решили после ужина ехать на обсерваторию...

За столом составилось пари: один из споривших, командир корпуса Шпицберг⁴⁰, должен был, в случае проигрыша, командировать игравший в клубе военный оркестр к нам на обсерваторию. Он проиграл.

Мы отнеслись к этому условию как к шутке и не заметили, как Шпицберг подходил к оркестру. Но когда, в час ночи, мы подъехали к воротам обсерватории, грянул военный марш.

После астрономических наблюдений ночь кончилась новым ужином у нас на террасе. Оркестр, щедро потом нами вознагражденный, играл до самого рассвета.

<...>

Лето в Туркестане, благодаря ночной прохладе, дававшей отдых от сильной дневной жары, было переносимо. Все же многие предпочитали выезжать на дачу.

Излюбленным дачным местом ташкентцев было урочище Чимган⁴¹. Оно расположено верстах в восьмидесяти от Ташкента. Менее фешенебельным летним курортом было село Троицкое⁴², верстах в сорока от города. Сюда выходил в лагерь гарнизон; и здесь же устраивались на лето офицерские семьи.

Чимган – мало облесенная вершина. Лишь кустарники, да еще группы орехов около протекающего по урочищу ручья. Красот природы – никаких, но климат считался очень здоровым. Особенно помогали переезды сюда против малярии. Бывало, что детей, в весьма опасном для жизни положении, привозили в это гористое место, и они буквально на глазах поправлялись.

Обыкновенно в Чимган ездили на извозчиках, которые брали за весь конец 12-15 рублей. Менее состоятельные переезжали в сартских арбах, и тогда переезд длился два дня.

На пути обязательно останавливались в селении Искандер⁴³, связанном с деятельностью великого князя Николая Константиновича. Здесь для проезжающих были разбиты киргизские юрты, полукруглые, на веревках, с накинутой сверху кошмой. Путники устраивались на ночлег на «сартских» кроватях, дешевых, но довольно удобных. Рама из круглых обрезов дерева на деревянных ножках, небольшой подъем для головы. Вместо матраца сетка из натянутых веревок. На них кладется толстое «сартское» одеяло, мягкое, из ваты. В общем, спится удобно.

Вместо буфета – чайхана, в которой путники достают не только чай, но и неизбежный «палау», шашлык или пельмени; вместо хлеба – сартские лепешки.

После Искандера начинается подъем с быстро улучшающимся горным воздухом.

В самом Чимгане дачники, как правило, жили в таких же юртах. Они устанавливались в урочище на летнее время окрестными киргизами. Только немногие постоянные посетители Чимгана имели собственные деревянные бараки. Постройка

таких барачков обходилась в 75–150 рублей, смотря по «роскоши» их, и сами бараки легко перепродавались или сдавались внаймы.

Ни о каких удобствах жизни на таком курорте думать не приходилось, но здоровье, особенно у детей, хорошо восстанавливалось.

Русские поселки

Туркестанская власть в эту пору сильно была озабочена русской колонизацией края. Поэтому здесь устраивались особые поселки из переселенцев. Частью в них селились отслужившие свой срок солдаты с семьями, – к солдатам, для этой цели, еще во время службы перевозились на казенный счет их семьи; большей же частью население поселков составляли переселенцы из России.

Нередко, однако, созданные поселки не приводили к результатам, и виновны в этом бывали сами переселенцы. Все, что можно, для них делалось: их участки наперед орошались, с помощью сартских или киргизских рук, им строили избы и вообще широко шли на помощь материально. Все это баловало поселенцев и вызывало с их стороны повышенную требовательность.

Бывало, что подготовленные для них участки они передавали в аренду местному населению. Построенные для них дома сдавали горожанам на лето под дачи. Пособие иной раз просто пропивали. А когда им не хватало денег, то женщины, и иногда и мужчины, шли наниматься прислугой. Это было для них тем возможнее, что вопрос с прислугой в то время стоял в Ташкенте весьма остро, именно с прислугой русской.

Мужская прислуга из сартов – кучера, повара и лакеи – находилась довольно легко; женщины же сартянки, ввиду их установленной законом затворнической жизни и запрещения открывать лица перед чужими мужчинами, а особенно перед «неверными», не могли идти в чужой дом в услужение. Поэтому женская прислуга набиралась только из русских – солдаток или переселенок, и спрос на них всегда превышал в несколько раз предложение.

Чтобы достать няньку или кухарку, надо было иногда целыми неделями выведывать, хлопотать, искать через знакомых... Если предвиделась женщина, надо было сторожить, чтобы ее не переманили другие... И, получив, наконец, такое сокровище, надо было его ублажать. Оставив вас, женская прислуга имела ведь в своем распоряжении целый ассортимент предложений. Одним словом, женщина зарабатывала легко и достаточно, так что нередко легким трудом жены кормились около них и мужья.

Слишком утомлять себя женская прислуга не бывала склонна; у нянек, например, выработалось при найме на место условие:

– На кого мне спать; на себя или на ребенка?

«Спать на себя» значило, что работа няни только дневная. Что происходит с ребенком ночью – это уж ее нисколько не касается; возится ночью с больным ребенком мать-нанимательница, а нянька рядом храпит вовсю.

Очень любила русская прислуга праздники. О воскресеньях и всех церковных праздниках нечего и говорить, но она увлекалась и царскими праздниками. На-

пример, когда праздновалось коронавание Николая II, русская прислуга в Ташкенте гуляла и пьянствовала целых две недели.

Мужчины из русских поселенцев нанимались – если вообще нанимались – по преимуществу кучерами. Много между ними бывало пьяниц. Было со мною, что выехав в город с трезвым кучером, я должен был для возвращения сам сесть на козлы, спустив совершенно напившегося во время стоянки своего возницу.

Один раз, впрочем, у нас был замечательный кучер из русских; с лошадьми проделывал настоящие чудеса. Пускал их пастись безо всякой привязи или пут. Ему за это выговаривалось, а он только посмеивался:

– Никуда оне не уйдут!

И действительно, посвистит как-то особенно, и лошади бегут к нему, точно дрессированные собачки.

Любили его лошади удивительно. Сидя на козлах, он заставлял их простым посвистом мчаться так быстро, как этого не удавалось достигать кнутом.

К сожалению, этот кучер был отчаянный пьяница: пришлось довольно скоро уволить.

<...>

Мужская прислуга из сартов или киргиз была много лучше. Они вовсе не пьянствовали, по крайней мере, так было в ту пору. С ними, однако, бывали другие трудности. Главное – у них не было никаких документов.

Приходит сарт наниматься.

– Как твое имя?

– Ахмет!

А таких Ахметов в туземном городе тысяч двадцать или тридцать. Кто их разберет, какой именно из Ахметов служит у вас. А такому Ахмету приходится доверять все свое имущество. Еще удивительно, что нас так редко обкрадывали.

<...>

Рано утром поехал наш сарт-повар верхом в город за покупками. У него нашу лошадь украли. Сарт спокойно вернулся на обсерваторию пешком, напился чаю, отдохнул... А затем приходит с докладом:

– Лошади нету!

– Как так?

– Привязал ее с покупками возле аптеки. Выхожу – лошади нет. «Караульщик» сказал: «Иди домой. Лошадь сама домой придет». Я пришел. А вот уже два часа, а лошадь не приходит!

Она не пришла и до сегодня.

Был у нас кучер – дунганин⁴⁴, из китайского Туркестана. Злой был человек и нещадно бил лошадей – чтобы они его боялись.

Как-то я услышал неистовый конский топот. Заглянул в конюшню и увидел, что дунганин без всякой причины избивает кнутом мирно стоявших в стойлах лошадей. Разнес его, запретив это делать.

Дунганин зло смотрел и молчал. Но в эту же ночь отомстил. Встал ночью, будто для корма лошадей, оставил дверь конюшни открытой, а его, вероятно, друзья конокрады увели пару лошадей через проломанную ограду.

Кучера арестовали, но через три дня отпустили за недостатком улик. Лошадей, конечно, не нашли.

<...>

Долгое время служил у нас лакеем молодой сарт Юлдаш. В начале службы он был превосходен; быстрый, старательный. Но, заработав кое-что, начинал мечтать об отдыхе. Прямо отказаться от службы Юлдаш почему-то не хотел, вероятно, считал это дурным тоном. Но он старался нас так известить, чтобы мы сами его уволили.

Он начинал ходить по дому все медленнее и медленнее. Пошлешь его за чем-нибудь, а эта фигура в бешмете и тюбетейке так переступает ногами, как будто несет вазу с водой и боится воду расплескать. Ясно, что дело шло к его уходу. Один раз я не выдержал: схватил его за рукав и провел по комнате, показывая темп, каким надо ходить. Он не обиделся, но стал двигаться еще медленнее.

Пришлось его рассчитать.

Поголял Юлдаш месяца два и, выждав, когда мы как раз были без лакея, снова приходит, улыбаясь, наниматься. Лакей, или «малай», как здесь называли, был он хороший, честный. Взяли его снова. Опять служил несколько месяцев безукоризненно, а, скопив денег, снова стал нас изводить медлительностью.

Так он уходил и снова нанимался пять или шесть раз...

Болезни

Прелесть туркестанской жизни отравлялась болезнями, свойственными его [Туркестана] климату.

Очень чувствительным бичом являлась малярия. В некоторых местах она гнездилась постоянным, неизбывным злом. Такими местами, например, были Мерв, Кушка, Термез. В Мерве в среднем каждый житель заболел два раза в год малярией. На Кушке и в Термезе, где были русские крепости, дело обстояло еще хуже: люди точно таяли, и смертность от малярии была немалая.

Но в большей или меньшей мере малярия проявлялась повсюду в Туркестане, за исключением горных мест. Она зло сказывалась и в Ташкенте, сильнее на детях, но также и на взрослых.

Одно время – это было в 1896 году – малярия особенно разыгралась в Туркестане: стала нещадно косить туземное население, которое, как казалось, могло бы и акклиматизироваться в этом отношении. Целый ряд кишлаков настолько был поражен малярией, что заезжавшие в такие поселения не могли, бывало, найти ни одного здорового человека. Многие сарты от этого умирали, и попадались кишлаки, где все население сплошь вымирало от малярии, точно от чумы.

Замечательно, что на не привыкшее к хинину население это средство действовало превосходно. Проявлялись чудеса быстрого выздоровления. Но наличные запасы хинина были в крае быстро исчерпаны, а пока получились новые, много погибло людей.

Об особой болезни «риште», вызываемой употреблением зараженной воды, уже говорилось.

<...> В Закаспийской области большим злом является так называемая «пендинка»⁴⁵. Это – прыщи, появляющиеся на теле, чаще всего на лице. Они остаются долгое время и не поддаются лечению. Но в позднейшее время пендинку стали с успехом лечить солнечными ваннами. Когда болезнь кончается, на теле или на лице остается навсегда пятно, безобразящее человека.

Обстановка бывает благоприятной и для вспышек, время от времени, чумы, преимущественно на границе с Афганистаном и в Бухаре.

Энтомологическое царство

Что особенно поражает в Туркестане – это обилие всевозможных видов насекомых! Воздух летом буквально кишит ими. Мы это особенно испытывали, живя среди большого парка на обсерватории.

Из-за этого воздушного населения для меня возникали затруднения при астрономических наблюдениях, особенно потому, что я нервно не выношу насекомых. Наблюдая по ночам телескопом, я время от времени зажигал электрическую лампочку у окуляра. На мигающий среди тьмы огонек слеталась из парка всякая летающая нечисть. Углубишься иной раз в тонкие астрономические измерения, и вдруг – жжжж!

Прямо в лицо ударяет какой-нибудь жук.

Ну, конечно, невольно отскакиваешь в сторону. Наблюдение испорчено, надо начинать его сначала...

Когда вечерами приходилось работать в лаборатории с открытыми окнами, весь стол заселялся разными жучками, бабочками, букашками и уж не знаю еще какой нечистью. Не позволяли работать. Я их «арестовывал», покрывая стеклянными стаканами и воронками, а уже следующим утром мой слугитель Кадыр удалял все это царство, куда следует.

В Ташкенте гостил известный наш натуралист Б.А. Федченко⁴⁶, вместе со своей матерью О.А. Федченко⁴⁷. Они направлялись в экспедицию на Памир, и эта мужественная женщина, уже далеко не молодая, совершила труднейшее и для мужчины путешествие верхом. Вдова большого ученого, она сопровождала в научных исследованиях и сына. Вот эти натуралисты были очень довольны нашим энтомологическим царством. Мы вешали около стены, на террасе, сильный ацетиленовый фонарь. На яркий свет слетались тучи всякой нечисти, а Б.А. Федченко был в восторге; ловил их, с помощью эфира, в свои банки. Помнится, он находил здесь и неизвестные еще виды.

Немало в Туркестане скорпионов и фаланг. Их особенно много водилось в развалинах домов. Но они не оставляли своим вниманием и жилые дома: их, бывало, находили на стенах, иной раз на кровати и даже в одежде. Укусы их очень болезненны, но вообще не смертельны.

Гораздо хуже укусы мелких черных пауков каракуртов, о которых уже говорилось по поводу Ташкентской библиотеки. Но они водятся по преимуществу в горах.

Землетрясения

Самое, однако, неприятное явление туркестанской жизни – это землетрясения! К ним невозможно привыкнуть. Из-за землетрясений никогда не чувствуешь себя вполне спокойно: слишком уж они часты.

Сначала я относился к ним равнодушно. Затрясет днем или среди ночи – хватаешь часы и следишь по секундной стрелке, когда землетрясение началось, когда были отдельные сильные толчки, как долго длится тряска земли... А потом, после нескольких особенно сильных землетрясений, выработалось иное отношение. Когда начинает трястись весь дом, раскачиваются лампы, с потолка падает мелкий дождь штукатурки, двери сами отворяются, а при этом слышен еще иногда и ревущий гул почвы, – перестаешь быть бесстрастным наблюдателем: возникает тревога, как бы не обвалился дом, и уже заботаешься не о записи моментов, а о спасении детей от возможной катастрофы.

Когда установили мы на обсерватории особенно чувствительный прибор для наблюдения землетрясений – горизонтальный маятник Ребер-Пашвица⁴⁸, регистрирующий фотографически все колебания почвы, я нашел по этим сейсмограммам, что мелких землетрясений приходится в среднем по три на каждые два дня. Более же крупных, ощущаемых непосредственно, без всяких приборов, бывает 10-12 в год.

Очень чувствительным прибором для наблюдения землетрясений оказалась наша пальма – притчардия⁴⁹. Я как-то заметил, что ее тонкие волоски вдруг стали трястись. Пока я раздумывал над причиной, вдруг загрохотало настоящее землетрясение. В трясении волосков отразились не уловимые непосредственно мелкие колебания почвы, предшествовавшие толчку.

Одним из крупнейших землетрясений того времени было, на самом рубеже минувшего века, землетрясение в Андижане⁵⁰. За какие-нибудь две-три минуты тряски обвалился почти весь город, особенно туземный. Погибло несколько тысяч человек, – еще сравнительно мало, потому что время было утреннее; многие уже ушли из домов. Иначе погибло бы много больше. У сартов глинобитные домики – сакли покрываются, в качестве крыши, слоем земли. Каждый почти год, в целях ремонта, – чтобы крыша от дождей не протекала, – на нее накладывают новый слой земли. <...>

И вот, когда землю трянуло, эти земляные крыши рухнули со стенами, похоронив под собою всех, бывших в то время в саклях. Сильно пострадали, впрочем, и дома европейской постройки.

Катастрофа в Андижане произвела большое впечатление. Небольшое русское общество очень сердечно устремилось помогать – кто чем мог – населению, оставшемуся в холодное время года без крова и ставшему голодать. Шли на помощь буквально за совесть.

Забутые дела давно минувших дней!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федор Михайлович Керенский (1837–1912) – происходил из семьи священника Керенского уезда Пензенской области. Окончив школу, продолжил образование в Пензенской духовной семинарии и стал приходским учителем. Окончил Казанский университет. Возглавлял в Симбирске среднюю школу для девочек и мужскую гимназию, в которой учился В.И. Ульянов (Ленин). В 1889 г. был назначен на должность главного инспектора училищ Туркестанского края. Не последнюю роль в принятии решения о переезде семьи в Ташкент сыграла серьезная болезнь сына Александра (А.Ф. Керенского) – туберкулез бедренной кости; врачи рекомендовали ему для выздоровления сухой и жаркий климат. В 1910 г. Ф.М. Керенский вышел в отставку в чине действительного статского советника.

² Керенская (урожденная Адлер) Надежда Александровна (1854–1905) – дочь начальника топографического бюро Казанского военного округа подполковника А.А. Адлера, потсдамского немца по происхождению. По матери – внучка крепостного крестьянина, который сумел выкупиться на волю и впоследствии стал богатым московским купцом.

³ У Керенских было три дочери – Надежда (16 августа 1875 г.), Елена (6 февраля 1877 г.) и Анна (20 апреля 1879 г.) и сыновья – Александр (22 апреля 1881 г.) и Федор (17 июня 1883 г.).

⁴ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – русский писатель, драматург, журналист.

⁵ Богатые студенты носили сюртуки – часть студенческой формы – на белых подкладках.

⁶ Ленский расстрел – трагические события апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества. В результате забастовки и последующего расстрела рабочих правительственными войсками пострадало, по разным оценкам, от 250 до 500 человек, в том числе 150/270 человек погибло. Для расследования трагических событий были созданы две комиссии. Одна – правительственная под руководством сенатора С.С. Манухина, другая – общественная, созданная Государственной Думой, которую возглавил А.Ф. Керенский.

⁷ Остроумов Николай Петрович (1846–1930) – известный ученый-востоковед, историк и этнограф. Один из первых исследователей Туркестана. С 1877 г. жил и работал в Ташкенте. Занимал должность инспектора народных училищ, был директором Учительской семинарии, директором гимназии. Стал одним из основателей Туркестанского кружка любителей археологии в 1893 г. С мая 1904 г. – член-корреспондент Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

⁸ «Туркестанская туземная газета» – газета на узбекском языке с русским переводом, издавалась в Ташкенте при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. В 1883–1917 гг. редактором был Н.П. Остроумов.

⁹ Биографические сведения уточнить не удалось.

¹⁰ С 1917 по 1921 год Остроумов жил в родном селе Саво, затем, после 1921 года, преподавал в Ташкенте.

Умер 17 ноября 1930 года в селе Луначарском (ныне часть Ташкента) и похоронен на Боткинском кладбище Ташкента.

¹¹ Наливкин Владимир Петрович (1852–1918) – действительный статский советник, русский офицер, участник Туркестанских походов, этнограф и исследователь Средней Азии, автор первых русско-узбекских словарей и государственный деятель. Член II Государственной думы от города Ташкента, глава Туркестанского Комитета Временного правительства.

¹² Шатилова (урожденная Наливкина) Мария Петровна (1853–1933) – родилась в Саратове, в семье военного.

¹³ Шатилов Павел Николаевич (1881–1962) – генерал от кавалерии. Участник Белого движения. Племянник В.П. Наливкина.

¹⁴ Шатилов Николай Павлович (1849–1919) – помощник по военной части наместника на Кавказе, член Государственного совета.

¹⁵ Туркестанское отделение Русского императорского географического общества (1897–1927 гг.) занималось географическим, историческим, этнографическим, лингвистическим изучением Средней Азии. Имело свой печатный орган – «Известия Туркестанского Отдела Императорского Русского Географического Общества», выходивший регулярно с 1898 г. Основателями Отдела являлись: В.Ф. Ошанин – известный исследователь Туркестана, заведующий Шелковичной станцией; начальник военно-топографического отдела С.И. Жилинский, бывший редактор «Туркестанских Ведомостей» А.П. Романович, геолог А.П. Михайлов и преподаватель гимназии П.А. Дьячков. Учреждение Туркестанского отдела было поддержано выдающимся исследователем Средней Азии, вице-президентом Русского Географического Общества П.П. Семеновым-Тянь-Шанским.

¹⁶ Берг Лев Семенович (1876–1950) – зоолог и географ. Член-корреспондент и действительный член АН СССР, президент Географического общества СССР, лауреат Сталинской премии. Автор основополагающих работ по ихтиологии, географии, теории эволюции. В 1899–1903 гг. он обследовал крупнейшие водоемы Средней Азии – Аральское море и Балхаш. В 1908 г. была издана монография «Аральское море», в которой были изложены и обобщены результаты всестороннего изучения этого крупнейшего озера.

¹⁷ Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) – географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед, основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в МГУ.

¹⁸ Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956) – геолог, палеонтолог, географ, писатель-прозаик и фантаст, академик Академии наук СССР.

¹⁹ Биографические данные уточнить не удалось.

²⁰ Гедин (Хедин) Свен Андерс (1865–1952) – шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель. В период 1886–1934 гг.

предпринял крупные экспедиции в Тибет и Среднюю Азию, благодаря которым были описаны многие исторические памятники и ландшафты, устранены многие «белые пятна» на карте мира. Гедин стоял на германофильских позициях в Первую мировую войну, позже открыто высказывался в поддержку Гитлера.

²¹ Петровский Николай Федорович (1837–1908) – русский дипломат, археолог, историк, востоковед и исследователь Средней Азии. Консул Российской империи в Кашгаре (1882–1903), собрал немало ценных материалов по истории и археологии региона.

²² Речь идет о Первой мировой войне.

²³ Зичи Енё (Евген) (1837–1906) – венгерский востоковед и этнограф, граф. Был занят поисками прародины венгров, которая, по его мнению, располагалась на Кавказе. Но после двух неудачных экспедиций в этот регион он решил расширить районы поиска – в Средней Азии, Сибири, Монголии и на Дальнем Востоке, вплоть до Китая.

²⁴ Бонэн Шарль-Эд (1865–1929) – французский археолог, дипломат и исследователь Индокитая. В 1898 и 1900 годах совершил путешествия на священную для буддистов гору Эмшань и в Пекин. О своем путешествии через Туркестанский край написал в книге «Путешествие из Пекина в Русский Туркестан» (Voyage de Pékin au Turkestan russe, 1901).

²⁵ Биографические сведения уточнить не удалось.

²⁶ «Туркестанские ведомости» – первая российская газета в Туркестане на русском языке. Официальный орган администрации края. Начала издаваться и редактироваться при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Издавалась в Ташкенте с 1870 г. до декабря 1917 г. С газетой сотрудничали ученые В.В. Бартольд, Л.С. Берг, И.В. Мушкетов, В.Ф. Ошанин, Н.А. Северцов, А.П. Федченко.

²⁷ Телеграммы, посылавшиеся в газеты с места происшествий особыми «агентами» (специальными корреспондентами).

²⁸ Романович Аполлоний Павлович (1857(8)–1899) – главный редактор газеты «Туркестанские ведомости» в 1892–1899 гг. Служил в Аральской военной флотилии, командовал военным пароходом «Сырдарья» и паровым баркасом «Обручев», принимал участие в экспедиции капитана Брюллова, занимавшейся изучением Аральского моря. Командуя шхуной «Опричник», совершил ценные исследования фарватера Амударьи между Чарджуем и укреплением Керки. После выхода в отставку в 1892 г. возглавил газету «Туркестанские ведомости».

²⁹ Газета «Окраина» издавалась в 1890–1907 гг. Первоначально «Окраина» была ежедневной газетой, а с 1891 г. стала выходить 2-3 раза в неделю. С газетой сотрудничали Н. Лыкошин, Н. Ханьков и А. Диваев.

³⁰ Грулёв Михаил Владимирович (1857–1943) – генерал-лейтенант, военный писатель и журналист, участник русско-японской войны. Был редактором «Туркестанских ведомостей» с 1899 по 1901 гг. Также редактировал «Известия Туркестанского отделения Император-

ского географического общества», журнал «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом». Опубликовал несколько своих статей и переводов в секретном многотомном издании Военно-ученого комитета «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Среди отдельно изданных работ стоит особо отметить книгу «Соперничество России и Англии в Средней Азии».

³¹ Маллицкий Николай Гурьевич (1873–1947) – географ, исследователь Средней Азии. После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского педагогического института (историческое отделение) по собственному желанию поехал на службу в Ташкент. До 1898 г. проработал учителем истории и географии в Ташкентской учительской семинарии, затем преподавал в мужской гимназии. После приезда в Ташкент сразу начал изучать узбекский и арабский языки. Позже выучил таджикский язык. В 1901–1906 гг. был главным редактором газеты «Туркестанские ведомости». В 1907–1917 гг. – ташкентский городской голова. После революции занимался преподавательской работой, был профессором Среднеазиатского государственного университета (ныне – Национальный университет Узбекистана).

³² Оберучев Константин Михайлович (1864–1929) – генерал-майор, революционер. В 1888 г. в Михайловской артиллерийской академии с несколькими товарищами организовал эсеровский кружок. Через год был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Через полгода был сослан под надзор полиции в Туркестан, где провел около десяти лет.

³³ Товарищество на вере (коммандитное товарищество) – коммерческая организация, в которой кроме участников, осуществляющих от имени товарищества предпринимательскую деятельность, имеется еще несколько участников-вкладчиков, не принимающих участия в деятельности организации.

³⁴ Пранайтис Юстинус Бонавентура (1861–1917) – католический священник. В 1902 г. был назначен главным куратором католиков Туркестанского края. Руководил строительством в Ташкенте католического костела, а также храмов в Самарканде и Скобелеве.

³⁵ Дело Бейлиса – судебный процесс по обвинению Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 г. Юстинус Пранайтис выступал на судебном процессе по этому делу в качестве эксперта обвинения.

³⁶ Жемчужников Николай Павлович, полковник; принимал участие в штурме Ташкента; после взятия Ташкента вышел в отставку и успешно занимался коммерцией. Н.Н. Юденич был женат на его дочери А.Н. Жемчужниковой.

³⁷ Громов Александр Егорович – известный предприниматель, свою деятельность в Туркестане начал в конце 1860-х гг. в должности приказчика на одном из ташкентских предприятий купца М.А. Хлудова. Нажил громадное состояние будучи маркитантом русских войск во время похода в Хиву и Ахал-Текинскую экс-

педиции. Снабжая отряд М.Д. Скобелева всеми необходимыми продуктами, сыграл важную роль в успешном завершении Ахал-Текинской экспедиции.

³⁸ *Первушин Иван Иванович* – купец первой гильдии, владелец винокуренного завода в Ташкенте, магазинов, торговавших мануфактурой, шелкомотальной и табачной фабрики. Некоторое время, до появления в Туркестане банков, фирма «И. Первушин и сыновья» выполняла роль банковско-кредитного учреждения.

³⁹ *Филатов Дмитрий Львович* – коммерции советник. Владелец виноградников и винодельческого хозяйства в Самарканде. В 1868 г. одним из первых в Туркестане занялся виноделием, его вина получали золотые призы на различных выставках, в том числе и во Франции.

⁴⁰ *Шницберг Евграф Владимирович* (1843–?) – генерал от кавалерии, участник Туркестанских походов. В конце 1865 г. был переведен на службу в Туркестан. Принимал участие в штурме Джизака. Участник походов против Бухарского эмирата и Кокандского ханства. В 1870 г. был назначен заведующим отделением канцелярии начальника Зарафшанского округа. В 1874–1877 гг. возглавил Самаркандский отдел Туркестанского генерал-губернаторства. В 1875–1876 гг. исполнял обязанности начальника штаба Ферганского отряда и коменданта Пенджикента.

⁴¹ *Чимган*, или *Большой Чимган* – крупный горный массив, входящий в состав Чаткальского хребта. Расположен в 80 км северо-восточнее Ташкента.

⁴² В настоящее время территория бывшего села *Троицкого* входит в состав города Чирчика.

⁴³ *Поселок Искандар* был заложен великим князем Николаем Константиновичем Романовым во время постройки ирригационного сооружения – Искандарырка, отведенного от реки Чирчик, как великокняжеское селение.

⁴⁴ *Дунгане* (самоназв. *хуэйцзу*) – китаеязычный народ, проживающий в Киргизии, южном Казахстане и Узбекистане, Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Переселились на территорию Российской империи в 1880-х гг. после поражения антицинского восстания в северо-западном Китае.

⁴⁵ *Пендинская язва* (болезнь Боровского, или «пендинка») – принятое название кожного лейшманиоза.

Возбудитель пендинской язвы был открыт в 1898 г. П.Ф. Боровским. Переносчик болезни – комар, заражающий человека при укусе.

⁴⁶ *Федченко Борис Алексеевич* (1872–1947) – ботаник, путешественник. Совершил многочисленные поездки с целью изучения флоры, в особенности Средней Азии. По поручению Императорского Русского географического общества и Императорского ботанического сада был в Туркестане четыре раза: два раза на Тянь-Шане и два – на Памире и в Шугнана. Результатами путешествий явились обширные (большой частью ботанические) коллекции и ряд географических наблюдений и открытий (преимущественно ледников, которых Федченко открыл свыше сотни).

⁴⁷ *Федченко Ольга Александровна* (1845–1921) – ботаник, член-корреспондент Петербургской, а затем Российской академии наук. Жена естествоиспытателя А.П. Федченко, дочь профессора Московского университета А.О. Армфельда. В 1868 г. сопровождала мужа в экспедиции в Туркестан, где провела с небольшим перерывом три года. За это время супруги Федченко совершили четыре экспедиции по Туркестану: по долине реки Зеравшан, к озеру Искандеркуль, в пустыню Кызылкум и по Ферганской долине до Заалайского хребта. Собирала и препарировала насекомых, вела переписку с русскими и зарубежными учеными, делала зарисовки местности. Коллекции супругов Федченко «Туркестанский гербарий» и «Беспозвоночные Туркестанского края» долгое время служили материалом для работы русских натуралистов. За гербарий и альбом рисунков с видами Туркестана была удостоена Большой золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

⁴⁸ *Эрнст фон Ребер-Пашвиц* (1861–1895) – немецкий астроном, усовершенствовавший горизонтальный маятник, сделав его лучшим средством для изучения изменений силы тяжести.

⁴⁹ *Притчардия* (*pritchardia*) – род пальм с колоннообразными стволами высотой до 10 м и веерными листьями.

⁵⁰ *Андижанское землетрясение* – сильнейшее землетрясение, произошедшее 2 (16) декабря 1902 г. в Андижане. Количество погибших составило около 4500 человек.

Бахтиёр АЛИМДЖАНОВ

Взлет и падение туркестанского купца Николая Иванова^{*}

Туркестанский купец Николай Иванович Иванов (1837–1906) отличался деловой хваткой и предпринимательским чутьем. Именно эти качества позволили ему за короткое время из простого управляющего золотопромышленным прииском стать миллионером, главным казенным снабженцем российской армии в Туркестанском крае. Занимаясь казенными поставками для армии, он в то же время старался вкладывать заработанные деньги в производство, благодаря чему выдвинулся в первые ряды туркестанских предпринимателей.

В исторической литературе, посвященной завоеванию Средней Азии, широко освещены сражения и фигуры полководцев, но фактически отсутствуют сведения о роли в этом процессе «низших» звеньев. Деятельность Иванова – не исключение. Единственной работой (после известного труда А. Добросмылова «Ташкент в прошлом и настоящем»¹), где упоминается Иванов, является научно-популярная книга Бориса Голендера «Мои господа ташкентцы»². В данной статье мы постараемся восполнить этот пробел.

Николай Иванович Иванов родился 9 апреля 1837 года в Оренбурге в семье приказчика крупной фирмы, торгующей с казахской степью³. Его отец, Иван Иванов, был человеком волевым и независимым в своих решениях, что заставляло хозяев фирмы считаться с его мнением⁴. Воспитание Николая Иванова было патриархальным, фактически он не получил никакого образования.

В пятнадцать лет Николай был отправлен отцом в Екатеринбург, где стал работать посыльным на золотопромышленном предприятии. Сильный, физически развитый подросток без труда выполнял любую тяжелую работу.

В восемнадцать лет он отправляется в Енисейск, поступает конторщиком к золотопромышленнику Зотову. Через три года службы Иванов уже – заведующий хозяйственной частью прииска. В 1864 году он получил звание купца⁵.

^{*} Статья подготовлена при поддержке проекта СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта» (шифр ИАС НИД СПбГУ 5.38.279.2014).

У Зотова Иванов прослужил десять лет и, накопив денег, в 1865 году вернулся в Оренбург, где начал заниматься самостоятельной торговой деятельностью.

60-е годы XIX века были эпохой завоеваний в Средней Азии, и молодой, деловитый Иванов стал, как и многие другие оренбургские купцы, снабжать армию провиантом и товарами. Свою деятельность он начал в Казалинске и вскоре распространил торговые операции по всему Туркестану⁶.

С 1871 года Николай Иванов состоял подрядчиком интендантства. Он был поставщиком маты (бумажной ткани) для войск, саксаула для судов бывшей Аральской флотилии, морской провизии для чинов той же флотилии и, наконец, продовольственных припасов для всех войск Туркестанского округа. Кроме того, он был перевозочным подрядчиком по доставке интендантству подъемных средств⁷. Крупным делом Иванова считается обеспечение провиантом ферганского похода генерала Скобелева, – на нем купец сколотил миллионное состояние.

С 1879 года казалинский I гильдии купец⁸ Иванов окончательно поселился в Ташкенте, откуда руководил всеми своими торговыми операциями.

В начале 1880-х Иванов имел огромное состояние. Он был «питейным королем» Туркестанского края: владел винокурными заводами в Ташкенте, Аулие-Ата, Верном (ныне Алма-Ата) и Чимкенте, пивоваренными заводами в Ташкенте, Перовске (Кзыл-Орда), Верном, Караколах и Самарканде⁹. Иванову принадлежали сантонинный (фармацевтический) завод в Чимкенте (основан в 1882 году), стекольный завод в Ходженте, конный завод в Аулие-Ата, лесопильный завод в Верном, завод шипучих и минеральных вод... Ежегодный оборот по всем его предприятиям составлял не менее 3,5–4 миллионов рублей. Кроме того, Иванов владел значительной недвижимостью, как в Туркестанском крае, так и за его пределами, на общую сумму не менее 800 тысяч рублей¹⁰.

Благодаря огромным ресурсам и капиталам, которыми владел Иванов, он мог считать себя первым купцом Туркестана. Сметливость и гибкость позволяли ему находить общий язык с военной туркестанской администрацией, без поддержки которой он не смог бы заниматься крупной торговлей для армии¹¹. Известно, что К.П. Кауфман благосклонно относился к его хозяйственной деятельности.

Иванов разбогател, что называется, «на казенные деньги», а не благодаря развитию торговли с Туркестаном. Это и помешало расширению его хозяйственной деятельности после окончания завоевательных походов в Средней Азии и уменьшения государственных расходов (на 2 миллиона рублей) на содержание администрации края после ревизии Ф. Гирса, о которой будет сказано ниже. Кроме того, его амбициозность со временем начала раздражать туркестанскую администрацию.

Первые симптомы «начала конца» купца I гильдии Иванова наметились после смерти первого Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, который покровительствовал ему. Новый генерал-губернатор М.Г. Черняев, назначенный на эту должность в 1882 году, недолюбливал своего предшественника и все реформы Кауфмана называл «оффенбаховщиной»¹², не скрывая желания покончить с кауфманской «командой». Из Петербурга был послан ревизор Ф. Гирс, который должен был разоблачить все реформы К.П. Кауфмана.

Эти события пошатнули положение и коммерческие дела Иванова. Как отмечал директор Ташкентского отделения Государственного банка:

...здешние порядки, не только тормозившие правильное развитие местной торговли, но и задерживавшие ее, мало-помалу устраняются ревизионной комиссией, так что, существованию грозной монополии, долгое время здесь царившей повсюду, наконец-то положен предел¹³.

Была проведена «чистка» администрации; как писал очевидец этих событий, «ревизия и генерал-губернатор (т.е. М.Г. Черняев), натываясь на разного рода злоупотребления, привлекли к ответственности многих особ и даже некоторые учреждения, чуть не в полном их составе»¹⁴.

В 1881 году Иванов основал первый коммерческий банк в Средней Азии – Среднеазиатский коммерческий банк. Банк был основан им вместе с оренбургскими купцами Деевым, Назаровым, Савинковым, однако вскоре Иванов стал единоличным владельцем этого учреждения, вложив в него более 300 тыс. рублей (остальные купцы вложили 200 тысяч)¹⁵. Но этот банк не смог развиваться по причине отсутствия оборотного капитала¹⁶. Созданием своего личного банка Иванов уже выходил за дозволенные рамки, установленные властью для купечества.

Вскоре по престижу Иванова был нанесен еще один чувствительный удар. Николай Иванович состоял в учетном комитете Ташкентского отделения Госбанка, который решал вопросы выдачи кредита местным купцам. В 1883 году в письме в Петербург директор Ташкентского отделения Госбанка предложил изменить состав учетного комитета филиала. Иванов в этом письме был охарактеризован «как самый влиятельный и в то же время самый вредный член» Учетного комитета.

Это не человек дела и труда, а человек легкой наживы, устроивший свое благосостояние подрядами, по большей части, странно обусловленными и даже, как можно предполагать, подкупами. В его предприятиях везде, где требовалось серьезное, честное отношение к делу и неослабный труд, там они прогорали¹⁷.

Вскоре Иванов был исключен из учетного комитета Госбанка. Действительно, Иванов брал выгодные кредиты из Госбанка для расширения своих коммерческих дел¹⁸. Исключение его из учетного комитета Госбанка ограничивало доступ к государственному кредиту, в чем он всегда сильно нуждался.

Однако самый серьезный удар по финансовым делам Иванова оказался связан с почтовым трактом от Терекли до Ташкента – проектом, инициированным новым генерал-губернатором Черняевым. О этом проекте стоит сказать особо, так как он втянул Иванова на долгие годы в судебные препирательства с казной.

В 1882 году Черняев предложил Иванову возобновить почтовый тракт, который связывал Туркестан с европейской Россией, – от Терекли до Ташкента и от Чимкента до Аулие-Ата. Этот тракт не действовал с 1879 года; прежний его владелец, купец Кузнецов, разорился.

Иванов согласился на это предложение, скорее всего, чтобы заслужить доверие нового генерал-губернатора, и со своими оренбургскими компаньонами Мякин-

ковым, Савинковым и Деевым взялся за сооружение дороги. Не дожидаясь официального контракта с казной, он 1 января 1883 года открыл почтовую дорогу и в течение восьми месяцев содержал тракт на свои средства. Официальный контракт с Ивановым был заключен в августе 1883 года. К удивлению предпринимателя, казна отказалась возместить его расходы за те восемь месяцев, в течение которых он тратил собственные средства. Ущерб Иванова составил более 400 тысяч рублей...

С этого времени и начались его финансовые затруднения.

Вот что писал Иванов управляющему Госбанком в Санкт-Петербург в 1886 году:

Я, по настоящему предложению местной администрации, взялся за почтовое дело и <...> не получив еще от казны ни копейки, затратил на постановку тракта свыше 500 тыс. р. своих денег и когда, тоже по настоящему требованию местной администрации, открыл сообщение по тракту с 1 января 1883 года, казна, по вине администрации, заключила со мной контракт только в августе того года. Таким образом, непроизводительно и без всякой траты от казны содержал более 2 тыс. лошадей и до 600 ямщиков и старост в течение 8 месяцев, на что убито безвозвратно более 400 тыс. р. (курсив наш – Б.А.)¹⁹

К 1885 году Иванов стал единоличным владельцем почтового тракта, на содержание которого получал от казны 625 тысяч рублей. По его словам, он должен был в течение двух лет уплатить своим компаньонам свыше 300 тысяч рублей²⁰. Огромные расходы вынудили предпринимателя обратиться в Госбанк, где он и раньше брал кредиты. В 1885 году он просил у Ташкентского отделения Госбанка 500 тысяч рублей, однако получил только 135 тысяч²¹.

Чтобы добиться необходимого ему кредита, Иванов 18 декабря 1886 года отправляет телеграмму в управление Госбанка в Петербург²². Телеграмма возымела действие: 23 декабря 1886 года Ташкентское отделение банка решило предоставить ему кредит в 500 тысяч рублей²³, но на тяжелых для купца условиях. Один из пунктов гласил, что Иванов должен был сократить свои торговые операции, продать несколько убыточных заводов; кроме того, Госбанк хотел контролировать все его долговые обязательства.

С этими условиями Иванов не соглашался. В письме банку он отмечал, что, во-первых, у него нет убыточных заводов, а, во-вторых, в Туркестанском крае нет предпринимателей, которые могли бы без убытка для него, Иванова, приобрести какое-либо из его торгово-промышленных предприятий²⁴. Во всех своих финансовых затруднениях и проблемах он обвинял администрацию, которая своевременно не заключила с ним контракт по почтовому тракту²⁵.

Иванова поддержал туркестанский генерал-губернатор Н. Розенбах (1884–1889), который в письме к Ташкентскому отделению Госбанка от 21 февраля 1887 года просил «ограничиться только тем, что Иванов не будет открывать новые предприятия»²⁶. Розенбах также был против продажи имущества и предприятий Иванова, так как в Туркестане отсутствовали свободные капиталы, и существенного улучшения дел вследствие такой продажи генерал-губернатор не видел.

Упорство Иванова, не желавшего соглашаться на условия Госбанка, замедлило выдачу ему кредита. По поводу условий предоставления этого кредита сторо-

ны переписывались почти три года. Ташкентское отделение банка начало тайное расследование деятельности Иванова. В апреле 1887 года один из агентов докладывал управляющему, что «по отзывам некоторых, при ликвидации дел Иванова стоимость принадлежащих ему имуществ едва ли покроет долги...»²⁷. Агент Госбанка обвинял купца в бесчестных финансовых махинациях, отмечая, что «торговля Иванова постепенно падает и затеянные им в последние годы промышленные предприятия, не быв обставлены надлежащим образом, по безденежью еще более расстраиваются»²⁸. Также отмечалось, что «с проведением железной дороги в Самарканд, почтовый тракт утрачивает свое значение»²⁹. Для обеспечения своей безопасности «Иванов перевел некоторые из своих предприятий на имя ближайших родственников, хотя учет их продолжает производиться»³⁰.

Все эти донесения и информация осложняли выдачу кредита, Иванов терял доверие туркестанской администрации.

Все это, впрочем, не мешало Иванову активно заниматься благотворительностью и занимать разные общественные посты. С 1887 по 1895 годы он возглавлял Туркестанское скаковое общество³¹; кроме того, был председателем Казалинского попечительного о тюрьмах комитета, казначеем Туркестанского попечительного о детских приютах совета, почетным попечителем учительской семинарии (в течение 25 лет), членом главного комитета Туркестанского благотворительного общества и т.д.³²

«Не было в Средней Азии и в столицах благотворительного учреждения, которое не получало бы от него в свое время щедрой поддержки», – писали о нем «Туркестанские Ведомости»³³.

Иванов имел огромное количество наград и званий. С 1887 года он носил редкое на Туркестанской окраине звание коммерции советника. Кроме полной «гаммы» знаков отличия, от медалей до ордена св. Владимира 3-й степени включительно (эта награда была получена им в 1896 году), в конце жизни Иванов стал действительным статским советником. Имел он также французский орден Почетного легиона (с 1889 года) и две Бухарских звезды, 3-й и 2-й степеней³⁴.

Семья Иванова состояла из супруги Александры Петровны (1845–1913) и четверых детей: сыновей Ивана, Василия, Александра и дочери Ольги, впоследствии – владельцев торгово-промышленного дома «Наследники коммерции советника Н.И. Иванова». Все его дети получили высшее образование³⁵, а Ольга стала первой в Туркестанском крае женщиной-химиком и фармацевтом.

В 1889 году правительство решило выдать Иванову ссуду в сумме 700 тысяч рублей под почтовый тракт на шесть лет (кредит был ему выдан в 1891 году), при помощи которого он должен был уплатить свои долги местным ростовщикам и Госбанку. Тем временем Иванов и без помощи правительства смог уплатить часть своих долгов³⁶. Надеясь на правительственную помощь, он планировал уплатить все свои долги к 1891 году. Несмотря на все финансовые затруднения, к 1890 году Иванов имел 350 тысяч рублей чистого годового дохода. Однако у него не хватало наличных средств для ведения текущих торговых дел.

Тем временем туркестанская администрация и агенты Госбанка продолжали собирать на него компрометирующие материалы. Начальник Перовского уезда рапортовал от 1 сентября 1889 года Сырдарьинскому военному губернатору под грифом «совершенно секретно»:

Иванов, эксплуатируя кочевников и пользуясь непониманием ими той постановки, в которую он их ставит, дошел до того, что, удовлетворяя их пивом и другими угощениями, стал брать с них, <...> ничего не имеющих и никакой торговлей в степи не занимающихся, дутые векселя на 3-5 тыс. р., а затем предъявлять последние к учету даже в такое солидное финансовое учреждение, как Ташкентское отделение Госбанка³⁷.

Негативное отношение к деятельности Иванова выразил управляющий казенной палатой Туркестана:

Купец Иванов – типичный представитель тех наших отечественных дельцов, которые привыкли основывать успех своих дел, главнейшим образом, *на содействии администрации* и которые, в конце концов, неизбежно разоряются потому, во-первых, что, привыкая все больше и больше рассчитывать на это сочувствие, они утрачивают постепенно способность к здравому коммерческому расчету, и потому, во-вторых, что армия содействующих им администраторов, становясь все ненасытнее и ненасытнее, съедает не только доходы, но и самый капитал подобных дельцов (курсив наш – Б.А.)³⁸.

В 1891 году был подписан договор между Ивановым и казной, по которому ему выдавался кредит в 700 тысяч рублей с условием, что он ежегодно будет погашать по 100 тысяч рублей. Плата ему была уменьшена на 50 тысяч рублей, и 62,5 пары лошадей сняты с почтовой гоньбы³⁹.

Несмотря на финансовую помощь правительства, Иванов остро нуждался в деньгах. 1 января 1892 года он снова обращается за кредитом в 30 тысяч в Ташкентское отделение Госбанка; обращение было отклонено⁴⁰.

В 1895 году Иванов перестал содержать почтовый тракт Ташкент–Терекли и посвятил свои оставшиеся годы в основном восстановлению в судебных инстанциях столицы собственных «попранных» прав. Дело, однако, затянулось на много лет, сказавшись на судьбе и торговой деятельности Иванова. Как писал один из современников:

...занятый мыслью о восстановлении своего нарушенного права, Иванов уже не был в состоянии проявлять свою инициативу в столь широких размерах, как этого можно было от него ожидать⁴¹.

После долгих лет тяжб и слушаний и личного вмешательства Николая II, в 1902 году правительство решило возместить Иванову его ущерб частично в сумме 528 582 рубля (он просил 550 400 рублей), которую он должен был Госбанку. Но Иванов не был доволен этим решением и продолжал подавать иски. И лишь, как с печальной иронией писали «Туркестанские Ведомости», «преждевременная смерть освободила его от решения этой трудной задачи»⁴².

Купец I гильдии, коммерции советник, действительный статский советник Н.И. Иванов скончался 13 февраля 1906 года и был погребен в Ташкенте на Боткинском кладбище. Похороны прошли скромно, из высшего начальства Туркестана никого не было, хотя о смерти Иванова было объявлено в газетах⁴³. В похоронной процессии было много гимназистов, которых опекал Иванов⁴⁴.

Со смертью Иванова уходила целая романтическая эпоха, которая в памяти колониального населения запечатлелась как эпоха славных «старых туркестанцев».

Иванов был купцом неординарного мышления, особенно это проявилось во время его судебных тяжб с казной, когда он требовал, чтобы власти восстановили его поправленные права и вернули ему деньги, потраченные на почтовый тракт. Иванов в этом случае опирался на *законность и правосудие*.

Во многом он мыслил как купец патриархального типа и по-своему понимал законность и справедливость: со своей стороны он сделал, что требовало государство, теперь государство должно выполнить свои обязательства по отношению к нему. По букве закона правительство не обязано было платить Иванову за те восемь месяцев, так как не было подписанного контракта, но по справедливости государство должно было возместить ему ущерб.

Подобные «чрезмерные» требования к власти ослабили позиции Иванова в Туркестанском крае, так как местной администрации не нравились его жалобы в Петербург, которые дискредитировали ее деятельность. Туркестанская администрация по-своему понимала справедливость: для нее Иванов был выскочкой, исполняющим различные поручения власти⁴⁵. Иванов не соглашался с такой ролью, он хотел большего: служить Родине без ущерба для себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. – Т.: Тип. Порша, 1912.

² Голендер Б.А. Мои господа ташкентцы. История города в биографиях его знаменитых граждан. – Т.: Infocom.Uz, 2007. С. 123–124.

³ См.: Памяти Н.И. Иванова // Туркестанские Ведомости. 12 (25) марта 1906 г. № 40.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ РГИА. Ф. 587 (Государственный Банк). Оп. 33. Д. 756 (Об открытии промышленного кредита Н.И. Иванову). Л. 139–140.

⁸ Купцы первой гильдии пользовались правами визита к императорскому двору, ношения шпаги или сабли и губернского мундира. // История предпринимательства в России. Книга 2. Вторая половина XIX – начало XX веков / В.И. Бовыкин, М.Л. Гавлин, Л.М. Епифанова и др. – М.: РОССПЭН, 1999. С. 214.

⁹ РГИА. Ф. 587 (Государственный Банк). Оп. 33. Д. 756 (Об открытии промышленного кредита Н.И. Иванову). Л. 25–26.

¹⁰ Там же.

¹¹ Взаимопроникновение бизнеса и власти являлось характерной приметой пореформенной России, где предпринимательский успех зачастую зависел от личных связей с канцеляриями, особенно это касалось различных государственных заказов и концессий. См.: История предпринимательства в России... – С. 231.

¹² «Черняев остался верен своим взглядам и тогда, – писал А.И. Добросмыслов, – когда занимал пост туркестанского генерал-губернатора: большинство культурных начинаний К.П. Кауфмана им было упразднено, штаты чиновников сокращались, к открытию школ для туземцев он не проявил никакого стремления, а, напротив, и некоторые русские школы предполагал упразднить». (Цит. по: Туркестан. 1912. № 39).

¹³ РГИА. Ф. 587 (Государственный Банк). Оп. 33. Д. 756 (Об открытии промышленного кредита Н.И. Иванову). Л. 1–10.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 31–33.

¹⁶ Банк просуществовал до 1909 г. и в основном обслуживал фирму Иванова. См.: Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем... – С. 408.

- ¹⁷ РГИА. Ф. 587 (Государственный Банк). Оп. 33. Д. 756 (Об открытии промышленного кредита Н.И. Иванову). Л. 1–10.
- ¹⁸ Там же. Л. 25–26.
- ¹⁹ Там же. Л. 54–64 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, Л. 31–33.
- ²² Там же. Л. 40–42.
- ²³ Там же. Л. 48.
- ²⁴ Там же. Л. 54–64 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 52–53 об.
- ²⁷ Там же. Л. 103–104 об.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Иванов потратил 12 тысяч рублей на сооружение ипподрома. На беседке ипподрома долгое время висел его портрет. (См.: Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем... – С. 434).
- ³² См.: Памяти Н.И. Иванова...
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 756 (Об открытии промышленного кредита Н.И. Иванову). Л. 223–227.
- ³⁷ Там же. Л. 272.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ См.: Памяти Н.И. Иванова...
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 756 (Об открытии промышленного кредита Н.И. Иванову). Л. 356.
- ⁴¹ Памяти Н.И. Иванова...
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Русский Туркестан. 19 февраля 1906 г. № 25.
- ⁴⁴ В день похорон Иванова начальство Ташкентской гимназии запретило гимназистам участвовать в похоронной процессии, но учащиеся ослушались этого приказа. (См.: Русский Туркестан. 28 февраля 1906 г. № 32).
- ⁴⁵ См.: Кевбрин Б.Ф., Тарасов А.А. Развитие капитализма, философии и этики буржуа: историко-культурологический аспект // Учебное пособие в 2 кн. Кн. 2. Т. 1. История предпринимательства и капиталистические отношения в России (9 в. – февраль 1917 г.). – Саранск: Тип. «Красный октябрь», 2004. С. 315.
-

Борис ЛОНГОБАРДИ

Путевые впечатления невольного путешественника

Предисловие и публикация Михаила Талалая

Личность автора этих воспоминаний еще предстоит открыть исследователям*. Под фамилией Лонгобарди он проживал после Второй мировой войны в Турине, где работал на знаменитой автомобильной фабрике ФИАТ. Однако есть все основания полагать, что это был его псевдоним, а не настоящее имя. Свои публикации в эмигрантской прессе он подписывал *Русский*.

Каких-то документальных сведений о Лонгобарди-Русском обнаружить не удалось, поэтому восстановить жизненную траекторию писателя возможно только по его текстам. Он родился около 1890 года, скорее всего, в донских или кубанских степях, вырос в казачьей среде, поступил в петербургское Николаевское кавалерийское училище около 1905 года. «Великую бескровную» революцию, как он иронично называет Февральскую, встретил на Румынском фронте, а после его развала и развала всей русской армии, пробрался в январе 1918 года в Одессу, где в тот момент жили его мать, сестра и брат. Перипетиям Гражданской войны посвящены многие очерки и рассказы: герой одного из них, «Бегство», носит имя – Борис... По всей видимости, это было имя и самого автора.

После крымской катастрофы 1920 года следуют поимка, суд, лагерь, вероятно, в Печоре, освобождение, с запретом проживать в крупных и приграничных городах (как об этом он сам повествует в публикуемых ниже воспоминаниях). Через Среднюю Азию он возвращается в Россию. В 1930-е годы – работа в провинции, скорее всего, в системе школьного образования, о которой затем пишет много и со знанием дела. Немцы в поселок, где жил автор воспоминаний, вошли в 1942 году, на пути к Сталинграду (до которого – 400 км). В то же время в Новочеркасске, по призыву (из Берлина) П.Н. Краснова, создаются казачьи части, союзники вермахта, – к ним, вероятно, примыкает 50-летний Борис, бывший царский офицер. После поражения вермахта под Сталинградом казаки уходят – через Белоруссию и Польшу – в Германию. В 1943 году автор уже в Берлине, а с осени 1944 года – вероятно, в Северной Италии, с Казачьим Станом. В мае-июне – в Австрии, в Лиенце, откуда англичане выдают казаков-красновцев советской стороне. Борис чудом избегает этой участи, возвращается на Апеннины. Будущий писатель становится дипийцем, «перемещенным лицом», именно в тот момент, думается, и принимает фамилию Лонгобарди. После попыток уехать за океан – неудачных из-за возраста и болезней – оседает в Турине.

* Предельно краткие сведения о нем содержатся только в: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биогр. слов. в 3 тт. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. (URL: <http://www.tez-rus.net/ViewGood109598.html>).

Состарившись и прекратив работать, он уехал во Францию, где бедствовал. Там же написал свои воспоминания «Пробег. Галиция-Киев в 1915 году: из прошлого» («Русская мысль», 1954), и «В степи. Сорок лет назад» («Русская мысль», 1961), а также рассказы, которые выходили в журнале «Возрождение». В Париже Лонгобарди вступает в Союз русских писателей и журналистов, который в 1958 году даже организовал Комитет для помощи ему. Однако неизвестно, помог ли сей Комитет... Некрологов или объявлений о его смерти не обнаружено. На данный момент мы сделали все, что смогли – собрали его тексты, разбросанные по различным периодическим журналам эмиграции, и подготовили их к печати. Первая книга Лонгобарди выходит в мае в петербургском издательстве «Алетейя».

Начальник местного ГПУ вручает мне удостоверение на право «свободного» проживания по всему СССР. Каторга и ссылка окончены благодаря железному здоровью и тому, что в те времена условия существования в концлагерях были иные, чем впоследствии.

– Так я могу проживать везде свободно? – задал я на радостях наивный вопрос.

– Ну, конечно же, – ответил любезно начальник ГПУ. – Вы свободный гражданин свободной страны. В Исполкоме получите удостоверение на право участвовать в выборах. Вы более не лишенец. Всего лучшего.

Поезд меня мчит по сибирским просторам: лесным, лесостепным и степным, потом снова лесным и, наконец, по уральскому горному плато.

Вот и Свердловск, [прежний] Екатеринбург. Город, носящий имя убийцы царской семьи. Свердловск вошел в русскую историю как место великого и незаконного злодеяния. Делаю остановку, чтоб побывать и мысленно поклониться памяти последнего нашего императора и его семьи. Быть может, души мученически убитых еще витают в подвале дома Ипатьева, и тогда смогу почувствовать, прикоснуться к их трагедии, чтоб ощутить общее наше российское горе.

Никто не виноват в гибели императорской семьи, кроме нас самих.

Невольно вспоминаются слова бывшего со мной в каторге крестьянина:

– Да разве мы свергли царя? Его свергли вы, интеллигенция. Вы и революцию сделали. А мы ее только закончили.

В полутемных подвалах Ипатьевского дома какой-то развязный субъект в стоптанных валенках весело рассказывает о последних минутах страдальцев и показывает на следы в стенах от пуль и на грязные деревянные заплатки в деревянном полу подвала. Окончив пропагандную «лекцию», просит папироску или табачку на закурку...

Наконец, я в Ленинграде. Я – имеющий право проживания по всему СССР. Через 24 часа получаю повестку оставить город, близко стоящий у границы.

Еду в Москву. Пробую обосноваться там. Через 24 часа та же музыка, под которую вылетаю вон из столицы.

Куда же ехать?

В Киев? Но это тоже русская древняя столица, да еще мать всех русских городов. В Одессу? Там тоже граница. <...> Беру билет в Среднюю Азию. Но так как и Алма-

Ата и Фергана тоже близко от границ, останавливаю свой выбор на ст[анции] Урсатьевской (Куропаткино)¹. Это узел на Ташкент и на Алтай. Надеюсь в поезде узнать кое-что и ориентироваться. До Казани еду сравнительно хорошо, если не считать словесной схватки с одним слишком лояльно настроенным врачом, щелкавшим всю дорогу тыквенные семечки. На мое счастье купе, набитое до отказа русскими, татарами, башкирами и т.д., было на моей стороне, и потому подозрительные попытки врача выйти из купе на остановках молчаливо тормозились, несмотря на соблазнительное желание каждого занять его «сидячее место». В Самаре врач все-таки вырвался. Но поезд был немедленно атакован пассажирами, среди коих, по совету других, я и затерялся.

На ст. Самара столпотворение. Тысячи пассажиров валяются на перроне в ожидании получения билетов. Оказывается, что моя поездка совпала с мудрым приказом «мудрейшего» о назначении своего шурина Л.М. Кагановича² на должность комиссара путей сообщения СССР и вместе с тем для упорядочения транспорта. К тому времени двадцать лет не чиненные дороги и подвижной состав настолько выбыли из строя, что дальнейшее их функционирование подвергалось большой опасности.

Второе это то, что это был год великого переселения народов по стране. Ему предшествовал год великого разрушения. Испытав голод, лишения и различные страхи, население бросилось со своих мест куда попало, чтоб затеряться в российских просторах. Главным образом это было крестьянство, то есть русский народ, испытавший к тому времени все «прелести» советской власти. Большинство бросилось в Среднюю Азию. Там пески, горы, оазисы. Да и слава о «Ташкенте, городе хлебом» еще не умолкла. Кроме того, в годы великого разрушения на окраинах жилось много лучше. Туда еще не потянулась когтистая рука власти и голода <...>.

Грузия, Армения, Азербайджан, Китай³, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и иные восточные области СССР. Но особенно привлекали беженцев Закавказье и Узбекистан. Про Закавказье даже ходил такой анекдот: жители Грузии, якобы возмущенные беженцами с Украины, Дона, Кубани и Терека, за неимением мест отправлявшими все свои надобности прямо на улицах Тифлиса, обратились к своему сородичу Енукидзе с письмом, в котором жаловались, что русские загадили всю Грузию.

«Тут нет ничего удивительного, – ответил им тот. – Гораздо хуже то, что один грузин загадил всю Россию». Может быть, этот анекдот и стоил головы Енукидзе.

Итак, на ст[анции] Самара – столпотворение. Билеты дают только на сто километров. Через 100 км выходи и жди следующего поезда, на который попадешь ли еще – неизвестно. Мешочники, ездившие в хлебные места за хлебом, уже съели его в дороге. Прибывающие толпы из раскулаченных деревень уже голодают. На ж.-д. станциях – невообразимый беспорядок. Приказ явился неожиданностью. Да его и не публиковали. Народ сталкивался с ним в пути, когда возврата уже не было. Начались болезни. Не хватало питьевой воды. Люди спят в грязи на перронах, в пристанционных садиках, служащих им и местом еды, и уборными. Грязь там и вонь невыносимая. Люди, почти обезумевшие от 100-верстных остановок, кидают

ются на вагоны с яростью атакующих и, сбивая друг друга с ног, топчя, лезут в окна вагонов, на крыши со стоверстными билетами в зубах. Но немедленно получают из вагонов не менее яростный отпор от «защитников», засевших там с билетами в карманах тоже на сто километров. После 100 км и они будут штурмовать вокзалы и станции, давить других, терять вещи, детей, друг друга и, в конце концов, останутся на какой-нибудь станции, безнадежными взглядами провожая ушедший поезд. У билетных касс – драки и воровство. Носильщики небывало наживаются, беря за покупку билета больше стоимости самого билета.

Хуже, во много раз хуже, чем во времена «великой бескровной», когда с фронта валила обезумевшая солдатская масса. Тогда не шло население, в страхе сидевшее по домам, а валила солдатская серая толпа.

Счастливы, вроде меня, имевшие «сквозной» билет, с ужасом наблюдали этот кошмар, длившийся непрерывно в течение нескольких суток и днем, и ночью.

Тов. Каганович, выполняя задание партии, очистил транспорт от пассажиров. И в данном случае большевики опередили Запад. Здесь еще ни один самый неудачный министр не додумался ни до чего подобного.

Лето, жара невыносимая. Так и пышет горячий воздух, родившийся где-то в ущельях Афганистана и раскаливший среднеазиатские пески на тысячи километров. В вагоне духота. Целую скамейку занимает какой-то гепеушник⁴ с граммофоном. Граммофон он везет из Москвы. По его словам, обращенным ко всему населению купе, он был на данном Сталиным в Кремле званом обеде в честь особо отличившихся агентов ГПУ и премирован граммофоном. Премия стоит на предоконном столике вагона и орет благим матом что-то несусветное. На каждом рельсовом стыке «премия» взвизгивает, словно от боли, и продолжает орать дальше, иногда снова только что игранное. Владелец ее временами прикладывает к бутылке с водкой.

– Вот, везу с самого Кремля. Подарок самого Сталина – граммофон с пластинками... А две бутылки водки – это уже я сам, так сказать, хи-хи, спер со стола. Там на столе было все, что хотишь... От водки до осетровой икры. Ешь сколько хошь! Но не уноси с собой... Предупреждают... Но меня-то никто не обыщет. Там все свои ребята еще с Гражданской. Еще в 22-м вместе против басмачей в Средней Азии дрались. Вот они, бутылочки... А то премия... – по-пьяному забывая, повторял гепеушник и указывал на граммофон, любовно поглаживая его по трубе рукой.

Среди пассажиров нескрываемые невольные вздохи. А гепеушник продолжает:

– Это меня чествовал народ – в лице тов[арища] Сталина, за мою верную службу и борьбу с кулаками. Да! Кто честно служит социализму у нас, тому хо-ро-шо. Народ меня вчера угощал в Кремле! Правда, товарищ? – хлопнул он меня по коленке.

Что должны были чувствовать в это время все эти пассажиры, удиравшие или от голода, или от раскулачивания вот таких социалистов, может быть в лапы к другому такому «социалисту». О себе я уже не говорю, так как всю дорогу сидел, как на гвоздях. Ведь стоило ему только проверить мои документы, и я со своими правами советского гражданина был бы им взят на особый учет. Но я, видимо, спяна ему очень понравился.

Дорога скучная пролегла по голой степи, вернее, пустыне. Смотреть не на что. На ст[анции] «Аральское море» жители продают свежую рыбу, конечно, с боя и нарасхват. Женщины круглолицые, скуластые блондинки. Видимо, потомки тех уральских казаков, сосланных в свое, лютое для них, время на Арал, смешавшиеся с аборигенами.

Потом потянулась опять бесконечная степь. За окнами вагонов мелькают редкие саксауловые рощи, со странными деревьями без листьев и без тени. На раскаленном и кажущемся от этого черным песке множество мелких следов и извилистых змеиных. Жутко смотреть на такие рощи. Кое-где местные жители в ватных халатах и войлочных шапках какими-то странными топорами вырывают корни этого уже срубленного кем-то дерева. Причем корни в несколько раз, в пять, шесть, длиннее самого ствола и гораздо толще.

Какой длинный, могучий и жадный аппарат требует это, ненужное, собственно говоря, дерево, чтобы выкачивать из глубоких недр земли влагу для своего существования, и какие маленькие почки вместо листьев имеет оно для того, чтобы отдавать минимум влаги испарению и, конечно, ничего для живого существа. Даже тени. Стоит для этого жить? Это ли не паразит? Но как это дерево в пустыне напоминает мне власть, сосущую последние соки из народа и дающую ему так мало.

Вспоминается сказанное тем же крестьянином:

– Для меня самая лучшая власть – которая ничего у меня не берет и ничего не дает. Оставьте нас, русский народ, в покое, – он сам на ноги встанет. Только не мешайте ему.

Через два года после сказанного им я убедился в правоте его слов. После страшного, вызванного правительственными репрессиями голода, в 1935 году словно по мановению волшебной палочки появилось на базарах буквально все, чего не было в течение уже нескольких лет после НЭПа. По крайней мере, на юге европейской России базары были буквально забиты продуктами крестьянского труда. И это там, где два года свирепствовал повальный голод.

Правительство, напуганное результатами «мудрой» политики, на некоторое время оставило народ в покое. И вот, базары зацвели. Появилось мясо, птица, рыба, овощи, фрукты, сласти, копчения, соленья и т.д. По какому-то странному совпадению в то же время в государственных кооперативах появились с клеймами «экспорт»: яйца, битые гуси, замороженные почему-то с внутренностями и потому по случаю весеннего времени пахнущие. Злые и осведомленные языки поговаривали, что весь этот экспорт был возвращен обратно странами, его не принявшими, особенно Англией: за плохую упаковку, яйца за размер, а гуси за внутренности. Власти же этот свой экспортный «ляпсус» использовали и объявили год 1936-й годом великих достижений и изобилия. А великий Сталин выговорил тогда известный свой лозунг: «жить стало лучше, жить стало веселей».

В действительности же изобилие получилось от того, что крестьянина оставили на некоторое время в покое и прекратили чудовищный вывоз за границу. Стоило только потом правительству через год опять начать свой экспорт и заняться крестьянином, как все изобилие исчезло вместе с годом великих достижений. И снова крестьянин, став колхозником, повесил голову. Прав был сибирский мужик.

Ближе к югу пейзаж меняется – главным образом, жилищный. Начинают появляться саманные постройки и даже каменные с лёссовыми оградами, называемыми дувалами. И над этим всем тот же раскаленный воздух. На станциях нет воды. Пассажиры вынуждены покупать пиво. От жары пиво действует хуже вина.

Подъехали к станции Урсатьевской. Я собираю свои вещи, гепеушник интересуется, почему. Он буквально влюблен в меня и не хочет со мной расставаться. Мне от таких его чувств совсем не по себе. Но любезность его беспредельна, как и все, доступное ему. Он берет у меня деньги и отправляется покупать мне сквозной билет до Самарканда, куда я и решил ехать, увидев столпотворение на Урсатьевской.

Вся ближайшая степь представляла раскинутый громадный табор на несколько верст. Дымили костры, двигались люди, виднелись импровизированные палатки из домашнего тряпья и груды вещей. Остаться миг на такой станции означало самое плачевное окончание жизни. Через несколько минут мой гепеушник возвращается и подает мне билет до Самарканда.

«Пуганая ворона и куста боится» – говорит пословица, но к ней можно и прибавить, что такая ворона боится всего. Особенно в СССР. К этому времени моего благодетеля от водки, пива и жары окончательно развезло, и он приготовился прилечь поспать.

– Я вам... гражданин, доверяю свой... револьвер... – обращается он ко мне. – Да-а, вам и только вам. – И протянул мне свой наган. Сколько невинных душ пристрелил этот револьвер? И вот я держу его в руках, потом кладу его на сиденье и сам сажусь на него. И так сижу, пока гепеушник не проснулся. Дорого мне обходится его любезность, черт возьми! Я спешу вернуть револьвер его владельцу.

– Н-ни-че-го, не беспокойтесь, вам я доверяю... ик! – ответил он, слегка прихлебнув из бутылки, украденной им на званом обеде.

Выпив, начинает нам рассказывать о своих «подвигах» в Средней Азии при подавлении басмаческого восстания. Пассажиры делают вид, что внимательно его слушают.

– Летим это мы с Васькой на самолете. А азиаты эти, знаете, спят прямо на крышах. Вот я только завижу вдали кишлак покрупнее, и говорю Ваське: «Вали бреющим!». Вася, конечно, снижается до предела, и мы с чертовым шумом проносимся над головами насмерть перепуганных жителей. Все летят в панике с крыш...

<...> Пассажиры реагируют на его рассказы лишь вздохами. Но он, очевидно, увлекшись, не понимает их значения.

Я же все жду, когда он займется мной вплотную, но он вдруг при приближении к Ташкенту притормозил и, выйдя на минутку, немедленно вернулся и, забрав свои вещи, оставил вагон.

«Неисповедимы дела Твои, Господи». Ведь этот гепеушник для меня оказался просто даром, мне ниспосланным с неба, хотя это как-то не вяжется с нормальным мышлением. Но это оказалось так. Высадись я на Урсатьевской, там бы я и остался.

Когда он вышел, пассажиры сразу повеселели. Начались шутки и остроты, конечно, по русской привычке, прежде всего над самим собой. На радостях, что избавился от такого компаньона, один предложил мне остановиться у него в Самарканде.

В Ташкенте поезд стоял несколько часов. Многие пассажиры отправились в город. Я лично ограничиваюсь привокзальной парикмахерской. На ташкентском перроне скопилось несколько тысяч пассажиров. К поездам их просто не пропускают вооруженные красноармейцы. Поэтому для нас, едущих, полная свобода. В вагонах просторно. Я решил побриться. Но каюсь и до сих пор. Имея на грех не совсем жесткие волосы, я не учел того, что проходить по ним бритвой несколько раз нельзя. Но я попал в узбекскую парикмахерскую, где принято иметь дело с живой проволокой. По непроходимой глупости, я, кроме того, решил еще побрить и голову. Что только со мной не делали! Мою голову и физиономию мяли мускулистые волосатые руки теми же приемами, что и при определении спелости арбуза. И когда, наконец, довели голову до состояния полной бесчувственности, по ней начали прохаживаться бритвой. <...> Я почувствовал, что вся кожа с моих челюстей и головы снята.

От четвертого прохода бритвой я малодушно отказался и встал, к великому удивлению и даже, кажется, и обиде парикмахера. Уже в Самарканде, под его раскаленным солнцем, кожа с черепа у меня слезла и голова стала походить на спину шелудивой кошки.

Мой гостеприимный хозяин оказался железнодорожником. Устроил меня у себя хорошо, а потом нашел мне временную работу. Город Самарканд от ж.-д. станции отстоит на 10 км. К назначенному часу явился двенадцатилетний Джюма с маленьким осликом. Повесил мои два чемодана по обе стороны ослика, а сам устроился на задних его ногах, предложив мне занять место на передних. Я категорически отказался от такого жестокого обращения с животным, к большому сожалению Джюма. Маленький проводник мой меня упрасивал чуть не со слезами. <...>

Тут только я понял всю премудрость узбекскую и секрет езды на осликах, который заключается в правильном распределении тяжести на корпус маленького животного. И главное не класть их на спину его. Спину тогда можно сломать. А для сидения нужно занимать передние лопатки и крестец. И тогда маленькое животное тащит на себе груз в несколько раз тяжелее самого себя, быстро семеня ногами.

Но так как я все-таки отказался сесть на ослика, мы явились в город уже в полной темноте. В этих широтах нет сумерек, и темнота наступает немедленно по исчезновении солнца. Буквально не было видно ни зги, когда мы еле продвигались между двумя стенами лёссовых дувалов, сопровождаемые отвратительным воем шакалов, которые появляются здесь немедленно с появлением темноты. Слабый огонек двигался нам навстречу.

– Джюма, Джюма, – услышали мы радостный старческий голос. <...> Старик поставил на дорогу керосиновую кухонную лампочку и протянул мне руку. Потом принялся обнимать и целовать своего внука.

Джюма рассказал ему о том, что я из жалости к их ослику отказался сесть на него. Это вызвало у старика ответное чувство, и он, схватив мои ладони, принялся их дружески пожимать в своих руках. <...>

С этого момента мы стали надолго друзьями. Старик был кучером в Самаркандском санатории для костных туберкулезных, в котором я должен был пропра-

ботать несколько месяцев в отсутствие заведующего учебной частью санатория. Санаторий назывался «Намазга»⁵, что означает молитвенный дом.

При старой мечети, обращенной большевиками в сарай для повозок, имелось 52 десятины прекрасного монастырского фруктового сада. Большевики построили несколько корпусов, в которых были размещены больные, главным образом дети, потерянные или покинутые родителями во время басмаческого восстания. Многие не знали, куда девались их родители. Все это были или узбеки, или таджики, киргизы, казахи, татары и т.д. Дети, лечась, проходили курс начальной школы. Все врачи и педагоги были больны туберкулезом. Здоровые туда не шли из боязни заражения. Этим только и объясняется та легкость, с которой я попал в него беспрепятственно. Мне терять было нечего. К тому времени я уже потерял все.

Лечили больных солнцем и режимом. В палатах много света, как в оранжереях. В некоторых – оранжерейные потолки и стены. На ночь все – в гипсовых формах. Днем все эти руки, ноги, торсы, груди, спины лежали в саду под раскаленным солнцем, убивавшим появившиеся за ночь бациллы, коховские палочки.

Дед и его внук, Джюма, быстро привязались ко мне, и я, одинокий, платил им тем же чувством. Дед часто довозил меня после работы до старого Самарканда, где я занимал комнату у местного татарина, профессора русского языка в Самаркандском педагогическом институте. Маленький же Джюма был моим постоянным гидом по старому Самарканду. Конечно, он многого и сам не знал, но при его помощи я мог расспрашивать других.

Старый город, весь из лёсса и самана, с плоскими крышами, производил впечатление мертвого города с возвышающимися над ним историческими минаретами и не менее историческими тополями. Эти тополя, хотя и не видели Тамерлана, но зато хорошо помнят генералов Кауфмана и Скобелева, с их белыми рубахами – русскими солдатами, с их белыми кепи и назатыльниками на них.

На границе нового и старого города – запущенный, но еще сохранившийся памятник покорителям Туркестана, павшим при защите Самаркандской цитадели 64 солдатам и офицерам под командой гвардии майора барона Штеймпеля <...>.

Ближе к старому городу, за широким и глубоким рвом, – сохранившаяся цитадель, служащая теперь интендантским складом. Сам памятник – четырехгранная тумба, высотой в 2 с лишним метра и с Георгиевским эмалевым крестом на ней, – теперь покосившимся или пригнутым чьей-то богохульной рукой. Вокруг же памятника человеческие экскременты. <...>

Мимо проходит конный дивизион. Всадники – все молодежь, загорелая, черная и подтянутая, с хорошей посадкой в седле. Их командир совершенно седой, видимо, из царских офицеров иди вахмистров. Он ловко, с военным изяществом сидит на прекрасном рыжем текинце, мягко ступающем по твердому грунту на своих лежащих бабках, привыкших к туркменским степям и пескам. Под всадниками также отличные кони. Им удивительно к лицу голубой цвет кавалерии. Раньше, при царе, среднеазиатские народности в армии не служили.

Возле меня какой-то русский. Конечно, кажется мне подозрительным, как и я ему. Таков режим. Он косит на меня, я на него.

«Что ему здесь возле памятника нужно?» – думаю я. То же самое, наверное, и он

думает. Но русская натура берет верх. Он не выдерживает и, подмигнув мне не то хитро, не то дружелюбно, говорит, указывая на всадников:

– Поехали... басмачей искать... и ни одного не поймают.

– Почему? – уж тогда спрашиваю я.

– Это же их дети. В басмачах-то кто же? Их отцы, деды, братья, дядьки... Вот едут, а молва уже бежит впереди. Впереди это комендант города. Русский. Недавно его сына на Зарявшане басмачи на куски порубили. Пошел рыбу ловить. А речка за 12 верст отсюда. Только зря это они. Комендант – человек неплохой, из бывших офицеров. И узбеки – неплохой народ. Только с ними нужно уметь, понимать надо его, что он хочет. Народ сам по себе смирный. Ну, конечно, ежели разъярить, к примеру, так хоть кого. <...>

– А кто же здесь напакостил так? – спросил я. – Узбеки?

– Нет. Это уж наши постарались, да и то не здешние, а приезжие. <...>

Я отошел, растроганный, незаметно перекрестившись. Но незнакомец все-таки заметил... и перекрестился тоже.

В Старом Самарканде много остатков от времени Тимура. Древний Самарканд лежал от современного дальше на 12 километров, на берегу Зарявшана⁶. На том месте остались теперь лишь остатки городских ворот. Возле них проходит поезд.

В современном старом городе, в самом его центре, громадное здание «Мадрасса»⁷, узбекская древняя школа, прекратившая свое существование при новой власти. Еще при эмире бухарском она выпускала образованных, в азиатском значении слова, ученых судей (кази) и священников (мулл). Два чудесных по форме и рисунку минарета, известных всему миру по картине Верещагина, стоят, как молчаливые часовые, охраняющие вход в старину и во двор, уможенный каменными плитами, окруженный с трех сторон двухэтажными корпусами. Отдельные кельи их зияют теперь черными дырами-дверями, каждая выходит во двор.

Минареты немного реставрированы уже при новой власти в тех своих частях, где жестокое время удалило чудесного оттенка древнюю мозаику персидских мастеров, которых Тимур, по преданию, умертвил ради сохранения секрета. Но реставрированные места не подобраны под древний тон. Даже снизу простым глазом видно. Или современные мастера не в состоянии, или древняя мозаика от времени выцвела настолько, что подобрать под ее тон уже невозможно. <...>

Я брожу по древнему городу с моим молодым другом Джюмой и с громадным блокнотом под мышкой, чтоб зарисовать эти минареты, сажусь в узеньком переулочке, откуда они хорошо видны и удачно освещены. Тут почти нет прохожих и есть небольшой <...> хауз с водой. Хауз – священный бассейн, из которого можно только пить. Но Джюма сказал, что для живописи Коран разрешает пользоваться водой из священного хауза. Так это или нет, но мне вода нужна, и я соглашаюсь с хитростью маленького грешника и сажусь возле.

Я видел, как мой Джюма, оглянувшись, зачерпнул из хауза воду в мою чашечку. Его любопытству, изумлению и восторгу не было границ, когда он понял, что на бумаге изображена знаменитая «мадрасса». Он щелкает ежеминутно языком, сопит, охает... набросок почти готов. Солнце поднялось высоко и печет ужасно, так как тень, защищавшая нас, исчезла.

Недалеко новая текстильная фабрика. Там работают узбечки, а инструкторами – русские, приехавшие недавно в город.

И вдруг две полуголые, грудастые русские девки в одних трусах и бюстгальтерах с разбега от самой фабрики бросаются в бассейн, в священный хауз, начинают в нем плавать и барахтаться. Джюма в панике. Я не удивлен, а возмущен таким наглым отношением к чужой вере. Немедленно появилась толпа узбечек и с криками «укспрюшь» – бросилась на девок.

Мы с Джюмой едва только успели унести ноги, чтобы не подвергнуться бомбардировке кусками лёсса с одной стороны, и брызгами воды с другой. Смешавшийся в воздухе лёсс с водой в виде жидкой грязи летел повсюду. Откуда-то появилось ведро, и бой мог принять затяжной характер. Победили узбечки. Они густой толпой окружили хауз и буквально засыпали «культурных безбожниц» и заставили их сдаться. Измазанные донельзя девки с большим позором едва добрались до фабрики.

Между прочим, это была чисто бабья баталия, так как ни один узбек не вмешался в это дело.

– Что такое «укспрюшь»? – спросил я своего проводника.

Маленький Джюма по простонародной простоте мне ответил:

– Это плохой девка. По-фарсидски надо говорить: «беллядина».

В то время <...> паранджа еще почти господствовала. И лишь «укспрюши» не носили ее по своему обычаю, но зато у них брови соединены жирной полосой черной хны в знак их доступности. Кстати, о парандже, этом ужасном средневековом азиатском инструменте, рассаднике туберкулеза. Это волосяная, из конского волоса, густая сетка, свешивающаяся со лба и закрывающая все лицо. Сетка эта никогда не чистится, и потому против самого рта забита лёссом. <...>

Вот мы с моим гидом в тимуровской мечети Гур-Эмир. Могила Эмира. Это красивая когда-то мечеть с красивым куполом, сильно пострадавшим от землетрясений. Странно. В местности, где в среднем на каждый день приходится одно землетрясение, архитектура пользовалась таким неустойчивым материалом, как лёсс. На неустойчивую хрупкую массу наклеивались керамика и майолика, отделялись стены золотыми пластинками, слоновой костью и т.д., для того, чтобы потомству оставить или голые стены, или лёссовый порошок.

Считается, что Гур-Эмир – могила эмира Тимура, но надмогильная надпись гласит, что это могила Улуг-Бека, а рядом – его учителя и воспитателя. От древней роскошной внутренней отделки не осталось и следа, если не считать невидимых глазом мельчайших крупинок золота, мельчайших пластинок слоновой кости и нефрита.

Все разрушено временем, землетрясениями и любителями сувениров. Говорят, что в свое время вся внутренняя отделка состояла из этих материалов. Сторож-узбек при мечети, вооруженный керосиновой лампочкой, показывает за мзду подземелье; там, собственно, и находятся могилы, а наверху в горизонтальной проекции – только надгробные нефритовые тумбы.

Улуг-Бек, как известно, – знаменитый астроном своего времени и более удач-

ный составитель звездного каталога, чем его европейские коллеги. На окраине Старого Самарканда в запущенном и заросшем состоянии находится улугбековская обсерватория в глубоком рву, откуда владыка-астроном и наблюдал за звездами. Там, в густой траве, остатки его квадранта, и каждая ступень лестницы соответствует одному градусу. Эта находка открыта местным археологом-любителем по вакуфным (кладбищенским) записям. К сожалению, имя этого археолога у меня в памяти не осталось⁸.

Недалеко от базара – знаменитая Биби-Ханым. Мечеть построена женою Тимура, китайкой по происхождению, в честь его возвращения из Индии, по дороге откуда он и умер⁹. Внутри остатков громадной мечети заросшая травой каменная тумба, могила жены Тимура¹⁰. Стены мечети очень толстые, но теперь сильно разрушены временем. На еще держащихся стенах остался гигантский купол небесного цвета из мозаики. Глубокая, извилистая, напоминающая огромную змею, черная трещина обвила купол и грозит ему разрушением. В известное время дня, если смотреть с одной из сторон, купол сливается с небом, и тогда видна только «змея» – зигзагообразная трещина.

Далее, за базаром, возле узбекского кладбища, так называемый Шах-и-зинда, то есть «царь царей»¹¹. Это – место упокоения различных родственников Тимура и Улуга. Широкая каменная лестница ведет вверх между двух рядов глубоких прохладных ниш, отделанных камнем. В них – каменные надгробные тумбы. При входе в малюсенький садик большое раскидистое дерево без листьев, с одними лишь плодами, маленькими почками зеленого цвета, напоминающими еще зеленый кизил. Положив такой плод в рот, пришедший в Шах-и-зинда может утолить им свою жажду после раскаленного солнцем Самарканда. Дерево почитается священным, и вообще в Шах-и-зинда очень много тени, так что вошедший туда действительно находит отдых и невольно проникается благодарной памятью к строителям его. И освещенный вне ее пейзаж кажется оттуда ярким, до боли в глазах. При входе в усыпальницу есть и соответствующая надпись о том отдыхе, какой получит путник, войдя туда. Но стоит только путнику выйти вон, как раскаленные лучи ударяют по темени.

Далеко внутри мавзолея, за целым лабиринтом темных комнат, совершенно пустых, находится мрачная ниша, освещенная лишь небольшой лампочкой или фонарем, закрытая железной решеткой, очень толстой. Мой гид Джюма с таинственным видом привел меня туда. У решетки нас встретил огромный узбек в средневековом одеянии, с древним ружьем в руках. Он мрачно смотрел на меня и, видимо, был очень недоволен моим посещением. По просьбе Джюма он подпустил нас к решетке. Внутри небольшой комнатки, с одним окошечком вверху, виднелось высокое подобие аналоя, на котором лежала гигантских размеров книга. Каждый пергаментный лист ее не менее метра в длину и аршина в ширину, с коричневыми крупными пятнами на них, и исписан арабской вязью.

Как ни старался Джюма расспросить подробно у мрачного часового, что он охраняет, нам удалось получить лишь отрывистые ответы.

- Что это за книга? – спросили мы часового.
- Это – Коран, – ответил нехотя часовой.
- Чем испачкан?

- Кровь.
- Чья?
- Пророка.
- Кто его убил?
- Кальмуки, – ответил часовой и попросил нас убраться вон.

До этого я слышал, что Священный Коран, находившийся в б[ывшей] Императорской публичной библиотеке, возвращен советской властью Узбекистану. Может быть, это и есть Коран, на котором видна кровь Али, племянника Магомета, убитого при чтении последнего¹².

На самаркандском базаре большое богатство фруктов, овощей, всякой снеди, и т.д. Огромная толпа медленно, по-восточному, с достоинством движется непрерывным потоком. Каждый уважающий себя узбек должен двигаться медленно, так как быстрая ходьба и бег – для воров и вообще нечестных людей, которым необходимо торопиться по различным мотивам. По тем же мотивам, между прочим, узбеки не смазывают и колеса своих арб, чтобы они как можно сильнее скрипели. Только ворам нужно, чтобы телега не скрипела. А честный человек должен двигаться шумно, так как ему нечего бояться. <...>

По узкой улице базара «пробегают» похоронная процессия. Именно пробегают, а не движется. На тяжелых носилках завернутый в саван покойник суетливо колыхается над головами правоверных, несущих его рысью. Носильщики все время меняются по пути следования добровольцами из числа торговцев и покупателей. Причем желающих очень много. Подбегающий без церемонии выталкивает несущего и становится на его место.

- Какой прекрасный и трогательный обычай! – невольно вырывается у меня.

Но мой Джюма, маленький сатир, разочаровывает меня:

- Это его хочет своя грех бросать. Сколько шагов пробегают, столько грех долой.

Оказывается, тлен разлагающей религии руки коснулся уже и маленького Джюма. Он ко многим древностям относится с явным пренебрежением. Очевидно, общ закон цивилизации. Везде и всюду цивилизация <...> начинается с разврата. Но мальчику я благодарен, так как узнал, что такое ревнивое благоволение объясняется именно желанием избавиться от собственных грехов и не дать конкуренту сбросить свои. Но с внешней стороны обычай производит благоприятное впечатление. И не будь Джюма, я бы так и не знал истины.

Между прочим, узбеки не кладут своих умерших, а сажают в нишу, вырытую в одной из стен могилы.

Необходимо заметить, что здесь базары в то время были полны продуктами, тогда как внутри СССР было пусто. Это – определенная демагогическая политика власти заигрывания с национальными меньшинствами. На прилавках масса парчовых тюбетеек, поясов, туфель. Но присмотревшись, вижу и узнаю рисунок православных риз и епитрахилей. Очевидно, имущество церквей распродано торговцам. Много всевозможных ножей, среди которых центральное внимание привлекает узбекский нож-крюк, отточенный с внутренней стороны, похожий на такой же итальянский для работы в лесу. <...>

Бросается резко в глаза многое своеобразное в обиходе узбеков. Например, узбек тешет бревно не сверху вниз, а снизу вверх, и не на себя, а от себя. Лопатой он работает, не копая, а разбивая плотный лёсс, для чего его лопата – кетмень имеет держак перпендикулярно к лопате. Бросает он землю назад, но результат тот же, что и у православных. Дело лишь в умении владеть инструментом. Недаром говорится, что дело мастера боится. Токарный станок узбек крутит босой ногой, а точит, конечно, руками. Золотовщики своими молоточками мелодично звенят, изготавливая различные украшения. Масса фруктов и овощей гниет под жарким солнцем. Среднеазиатские продукты не вывозятся, так как быстро портятся. Да и власти не особенно интересуются вывозом: хлопот много. Продукты гниют и распространяют всевозможные запахи. На базаре невозможная грязь и пыль.

Через весь город, и вообще по всей стране, арыки. Узбеки из них пьют воду и дают грудным детям. Но для не местного жителя – это смерть от холеры или колита. На каждом шагу «чайхана», как в Европе – бар. В «чайхане» всегда народ. Пьют свой «кок» (чай) узбеки и обыкновенный чай – русские. В каждой «чайхане» несколько самоваров, от огромного «станционного» до маленького семейного. Все они кипят, но пар от них уходит моментально, и в «чайхане» прохладно в самое жаркое время...

«Чайхана» настолько в обиходе у узбеков, что служащие учреждений преспокойно в час занятий оставляют свои столы и ожидающих посетителей и уходят в «чайхану». Узбеки пьют из маленьких чашечек. Обыкновенно несколько человек из одной. Русские берут один чайник стаканов на пять и пьют в одиночку.

<...> На углах улиц сидят старые узбечки и продают чуреки своего изготовления. Узбеки покупают, идут к «чайхане» и, взяв чайник «кок»-чая и разломав по числу присутствующих чурек на кусочки, пьют чай в круговую из одной пиалы. Сидят часами и беседуют, как итальянцы за литром вина. Наш брат [русский], как известно теперь всему миру, выпивает литр вина за пять минут в одиночестве, потом разговаривает, тоже в одиночестве. Почему на западе и на востоке от нас такая умеренность, а у нас, находящихся на стыке двух культур, такая невоздержанность?

В Самарканде много мороженого. И вот тут-то какая-то странность. Узбеки перегнали русских: они берут не порцию мороженого, а полкило... и едят его, как кашу. Это происходит, может быть, потому, что это ново, или потому, что мороженое охлаждает, а, вернее, по причине доступности, так как русские там в массе бедны. Это или беженцы, или прожившиеся. Действительно, под такой жарой только килограммовая порция может охладить на полчаса.

Жарко. В Самарканде поспела «самаркандская» вишня и черешня. Здешние фрукты очень сладки, но мало сочны. Ими можно скорее наестся, чем напиться. Вывозят лишь виноград на самолетах для Кремля. Килограмм черешни – хорошая еда на целый день, конечно, с хлебом. На всех дорогах – шелковицы. Красная и белая. Но до сбора не тронет никто ни одного плода. Подбирают лишь с земли. Поэтому сторожа преспокойно спят всю ночь. <...>

Между прочим, мне как-то пришло в голову сделать переход в 26 верст из Самарканда в урочище Агалык¹³. <...>

Вышел из города в 12 ч. дня в высоких сапогах, но, конечно, без походной выкладки того времени. Узкая дорога без единого ручейка и тени. Сразу же по выходе из-под тенистых дувалов я был охвачен пышущим жаром пустыни, голой и песчаной. Сверху нещадное солнце, вокруг раскаленная земля. Дышать нечем. Задыхаюсь. Воздух словно исчез из пустыни. Сперва обливаюсь потом. Потом постепенно чувствую, что начинаю сохнуть внутри, теряю в весе и испаряюсь, подобно мокрой тряпке, в то же время приобретая все ее свойства к сопротивлению. Но иду, всматриваясь в маячащие передо мной горы Агалыка. В теле слабость и лень. Мыскульки размякли. 26 верст – обыкновенный солдатский переход при нормальных условиях.

После половины пути одинокое дерево с лужицей под ним. Какая ценная находка для путника-азиата! Но для меня смертельная ловушка. Прохожу, не глядя. Нужно идти, так как боюсь остаться на ночь ослабевшим в необитаемой пустыне.

Жарко. Голова под фуражкой имеет давно намерение лопнуть. Рубаха, штаны, сапоги – все отвратительно пристаёт к телу. В сапогах потная слякоть. В горле сухо. Перед глазами «покрасневший» от прилива крови горный хребет, в складках которого ожидает меня благословенный Агалык. Но в ушах звон. Чувствую, что шатаюсь и могу упасть. <...>

Наконец, различаю какие-то строения. Может быть, это галлюцинация? Нет. Это явь. Я прибыл в Агалык за шесть часов, пройдя 26 верст в раскаленном воздухе. 4 версты с третью в час. Нормальный солдатский марш.

«Чайхана!» Какое блаженство! Ковер, тень и вода. Но чайчи не советуют пить воду. Можно простудиться. Вода идет с гор. Лучше пиво. Конечно, лучше пиво. За воду он с меня получит за целое ведро только спасибо, а за пиво – деньги. Но мне не до экономии и лекций о нравственности, и я прошу пива.

В конце концов, даже все равно, что пить. Лишь бы скорее влить в себя побольше жидкости и ввести ее в обратившееся в мумию тело. Чайчи с <...> медлительным достоинством ставят передо мной полулитровую кружку с пивом.

– Давай, давай! – кричу я. Чайчи доволен. Он ставит кружку за кружкой на ковер, на котором я лежу, а я пью, не глядя. Еще, еще и еще. Наконец, чувствую, что начинаю сыреть. Чувствую, как каждая клетка во мне начинает набухать, как вербовая почка весной. Наконец, могу дышать. Зрение становится нормальным. И я, налившись и наполнившись, как бурдюк, валяюсь на ковер, и... слышу соловьиное щелканье – это мой собственный храп.

Утром просыпаюсь от настоящего соловьиного щелканья. Чистый, влажный горный воздух тянет по полу из садов Агалыка. Чайчи нет. В чайхане тишина.

Очевидно, Господь Бог и послал людям страдания, чтобы они лучше почувствовали и оценили радость. Но радость продолжается недолго. На ковре вижу не гадюку, не тарантула, и не скорпиона... а 10 полулитровых кружек, за которые нужно платить. Или жулик чайчи подсунул мне чужие кружки, или, действительно, я выпил 5 литров пива. Ничего не поделаешь. Хорошо, что меня еще никто не обокрал в этом глухом ущелье.

Завтракаю шашлыком, но без пива. На пиво смотреть не могу. Отдохнув, иду в ущелье. Там, по рассказам чайчи, какие-то ванны Искандера Зюлькернайна, то

есть, по-нашему, Александра Македонского. А может быть, там нет никаких ванн. Может быть, там басмачи. И хитрый чайчи меня направляет к ним. Почему я знаю, кто осматривал мои карманы ночью?

Но вот, действительно, какие-то гигантские природные углубления в известняках, через которые протекает бурная Агалычка. Вода ее чиста, как этот воздух. На камнях сидят какие-то голые люди. Это не узбеки. Узбек голый не показывается. Оказывается, русские мальчишки из Агалыкского дома отдыха для детей. От них узнаю, что ванны, действительно, называются ваннами Александра Македонского.

Раздеваюсь и лезу в них. Но через секунду выскакиваю, как ошпаренный холодной, как лед, водой.

Нужно подождать полдня, когда вода теплее. «Не спросясь броду, не суйся в воду».

Но и в полдень вода в Агалычке такая ледяная, что едва ли великий грек мог в ней купаться. Да и был ли Александр Македонский в этих краях – неизвестно. В Средней Азии немало мест, которым приписывается посещение их великим греком.

Голые, загорелые мальчишки выскакивают из ванн, как лягушки и, дрожа, усаживаются на камнях. А солнце их мгновенно согревает. В камнях масса так называемых желтопузиков, похожих на змей, но очень жирных и ленивых. У них тупые морды и на теле рудименты. Ребята таскают их в руках, бросают в воду и снова ловят. От ребят узнаю, что в горах пионерский лагерь и что скоро оттуда пойдет в город подвода за продуктами.

Вскоре я в телеге, настоящей русской, еду вниз из Агалыка в компании кучера, повара и завхоза. После всех этих тяжелых арб, как-то приятно даже видеть настоящую тележку и маленькую лошаденку. Гнедой меринкой резво мчит нас узкой горной дорогой среди невысоких дувалов, красных от вишен и черешен. Мальчишки узбеки играют возле, и ни одна душа даже не порывается дотронуться до плодов.

Но вот телега проезжает очень близко к дувалу, и завхоз с яростью налетел на вишни с палкой. Земля покрывается кровавыми пятнышками. Узбекские мальчишки застенчиво улыбаются. В их шустрых глазенках и удивление, и насмешка. Мне стыдно перед ними. И я говорю завхозу:

– Зачем вы это делаете? Ни себе, ни людям. Ведь это их добро.

– Все одно они их не едят. Только пропадает. Некультурная нация, одним словом.

Мне, откровенно говоря, стыдно за «культурную нацию».

Как я уже заметил, здесь повсюду на дорогах растут шелковицы. Это шелк и бекмес. Узбеки пользуются и ягодами, и листьями. В сбор шелковицы на всех дорогах – узбеки и узбечки с громадными брезентами. Их держат под деревом десятки рук, а на дереве один с колотушкой лупит по нему. Шелковица сыплется валом в брезент, как в подол. Потом начинается варка бекмеса – вроде того, что у нас варят из арбузов.

Между прочим, такое же бережное отношение к плодам, как у узбеков, я видел и в Австрии. Под окном моей квартиры, выходящей в сад, росло много смородины.

И вот хозяйские дочери, 17-летняя Матильда и маленькая 7-летняя Берта, ежедневно приходили в сад за овощами. Они рвали петрушку, укроп, морковь; и ни одна из них даже не взглянула на куст смородины, горевший налитыми красными ягодами. Но после 6 августа вся семья явилась однажды и собрала все ягоды. В тот день и взрослая Матильда и маленькая Берта ходили измазанные соком смородины.

Почему же мы пьем по 10 чайников чая, почему пьем в одиночку целый литр вина и варварски относимся к чужим садам? Помню, в Первую великую войну¹⁴ наши солдаты разоряли и разрушали без всякой пользы чужие усадьбы: Бучач в Галиции, Радауц в Румынии. Так же в Маньчжурии китайские огороды и гаоляновые поля. Солдаты так называемой РОА¹⁵ ломали в Пруссии ореховые насаждения и топтали, как слоны, малинники. Почему?

Поезд снова мчит меня дальше вглубь Средней Азии. Промелькнула цветущая Бухара. Там, в Бухаре, нахожу случайно старого узбека, окончившего древнее мадрасса в Самарканде. Говорит неплохо по-русски. Имеет звание муллы и кази. Теперь он не у дел. Посещаем вместе двор б[ывшего] эмира Бухарского.

Мой новый гид и приятель Абдулла ничем новым не доволен:

– Все разрушила проклятая «самара».

<...> Теперь я вспоминаю и понимаю, почему узбеки в ссорах, истощив весь запас своей площадной брани, переходят на русскую и прибавляют: «У-у, с-с-амарра!»

Действительно, из Самары и через Самару явились в Туркестан все несчастья, вплоть до армии Буденного. «У... ссамарра!»

<...> Абдулла ненавидел большевиков. Он к тому времени отбыл уже Соловки, откуда вернулся поседевшим, больным и озлобленным, хотя мечтал еще жениться на молодой и обязательно невинной девушке.

После цветущей Бухары снова пустыня, снова саксаул. После громадного, висящего над Сырдарьей, словно кружево, моста на миг – оазис Чарджуя. Вяленые, разрезанные на длинные ремни и похожие от того на конскую сбрую нежные чарджуйские дыни повсюду. На дувалах, стенах кибиток, на столах у торговцев.

Потом снова пески и барханы. Однообразные днем, а ночью напоминающие волны под черным, как сажа, небом.

Неожиданно грустные и тревожные гудки. В полной темноте они особенно жутки. Оказывается, проезжаем место расстрела 26 бакинских комиссаров.

На рассвете маленькая станция среди красных скал. Поезд стоит более положенного времени, так как не все пассажиры еще накупили себе вареных и живых раков. Раки здесь огромны. Паровозная бригада грузит раков корзинами для Красноводска. В Красноводске их нет. Там вообще нет ничего, даже воды. Нет деревьев, кроме единственного дерева – саксаула на крыше кинематографа, на которой и происходят сеансы. Вода в Красноводск привозится из... Баку. Или перегоняется на пресную из морской на месте. У единственной водоразборной будки, на берегу моря, постоянная очередь баб с ведрами. Но здесь не увидишь коромысла. Вместо него железные рамы, которые и кладутся на края ведер с внутренней стороны. На плече у водоноса веревка с крючьями. Распертые рамой ведра не соединяются, и

таким способом женщина, встав в середину рамы, несет воду. Поистине: голь на выдумки хитра.

При такой оригинальной носке воды, конечно, не увидишь той деревенской грации, с какой наши русачки кокетливо изгибаются, виляя бедрами, еще и до сих пор во многих городах, не только в селах.

Насмотревшись на все азиатское, вспоминаешь и о коромысле. Вспоминаешь его и теперь.

На Красноводской пристани еще хуже, чем в Самаре. Уже неделю сидят пассажиры на пристани в ожидании парохода. Но, оказывается, что по мудрому решению «великого» морской транспорт подчинен тому же Кагановичу.

Десять дней ожидаю парохода. Толпа в несколько тысяч валяется на земле возле станции. Во всех чайханах чай выпит, папиросы выкурены, пиво выпито, кофе тоже, и хлеб съеден. Нужно идти на риск, иначе пропадешь со всеми заработанными в Самарканде деньгами. Невольно вспоминаю своего «благодетеля».

Но и здесь Господь не оставляет меня, а посылает мне знакомого в лице чиновника из Туркестанского Госплана. Едет с залива, в котором разрабатывается глауберова соль, лечить зубы в Баку.

Совместными усилиями находим ночлег в камере местной тюрьмы, переделанной в музей революции. Занимаем камеру, в которой сидели до расстрела 26 бакинских комиссаров. Платим зав[едующему] музеем по пять рублей с человека. Просторно, и нет клопов. Утром уходим, так как посетители музея могут нас принять за 26 бакинских комиссаров...

Общее сидение в одной камере по-тюремному сближает нас, и мы делимся своими жизненными невзгодами. Оказывается, мой новый знакомый недавно только приехал из Маньчжурии, соблазненный советской властью, и оказался в ловушке.

Уже многих из его спутников арестовали, и он теперь ожидает своей участи.

У моего спутника 2 просроченных пароходных билета, захваченные им из правления «на всякий случай». Решаемся рискнуть и по ним добратся до Баку. В СССР не рисковать – значит не существовать.

И вот, когда к пристани, наконец, причаливает пароход «Чичерин», мы смело, или, вернее, нахально направляемся не общим потоком, напоминающим раскаленную ненавистью жгучую лаву, а на так называемый товарный проход, и уверенно идем к пароходу.

<...> Туркмен с палкой смотрит на нас подозрительно и с явным недоверием, но привыкший, видимо, ко всяким привилегированным персонам, пропускает нас к пароходу. Предъявляем просроченные билеты. Контролер, уже окончательно обалдевший от жары, бестолковщины и давки, даже и не смотрит на наши билеты.

На верхней палубе парохода полно. Нахожу место на бочке с керосином.

Пока грузились и шли по Красноводскому заливу, все было хорошо, но как вышли в открытое море, подул сильный ветер и началась качка. Жара куда-то девалась, и стало свежо. Женщины уже склонились за борт и внимательно рассматривали морское дно.

Но нас беспокоит другое: контроль билетов на палубе. Конечно, в море не высадят! Уже миновали «морских волков», но возможность очутиться в ГПУ с моими

документами не исключалась. Совсем не в моих интересах было оказаться в бакинском клоповнике.

И вот неожиданно появился матрос-контролер. Не предъявляя билета, спрашиваю его, нет ли свободной каюты.

– 15 рублей, – отвечает матрос.

– Но нас двое, – говорю я.

– Хошь 10, – берет деньги, и, виляя по-матросски, босыми ногами, мчится вниз к трюму. Иду за ним, уже подсчитывая прибыль, так как один билет на палубе стоит 18 рублей. А тут целая каюта за 15 на двоих.

Этот вахтенный матрос продал на ночь свою каюту. В ней тепло, уютно и одна койка. Уступаю ее моему спутнику, так как у него болят зубы. Легли спать.

Проснулись среди ночи от страшной мокроты.

Оказалось, волна сорвала люк и вода с шумом вливается в нашу каюту. Подобно легендарным матросам «Бесстрашного», героям русско-японской войны, работаем, обливаемые водой. Но те работали во славу русского оружия, мы же – чтоб спасти свою брентную и никому не нужную жизнь.

С большим трудом нам это кое-как удается.

В Баку – повторение Самары, Ташкента, Красноводска. На станции кавказский хаос. Пассажиры, чтобы получить билет, становятся на перила, отделяющие толпу от кассира, и потом через головы стоящих ближе к кассе суют деньги за билет. Предательские шутки тогда творятся иногда: впереди стоящие неожиданно расступаются, и предприимчивый «кацо» летит вниз головой.

Керосиновая баржа уже пятые сутки тянется уныло вдоль побережья Каспийского моря, минуя Дербент, на Астрахань. Снова встают героические подвиги русского солдата в кавказскую войну. Все это в далеком прошлом, уже покрытом пылью нового слоя кавказских побед большевиков над белыми, ушедшими в изгнание, сосланными, расстрелянными или живущими на колесах, подобно мне.

Наконец, и Астрахань. Рыбой от нее несет на несколько верст. Маленькие, тухлявые от времени и просоленные веками хибарки. Над ними Астраханский древний кремль, помнящий восстание Разина. На его стенах сидят красноармейцы, лузгают семечки и сплевывают вниз, переругиваясь с торговками. А внизу базар.

– Каймачку свеженького! Каймачку розовенького! – нараспев с волжским кокетством заманивают покупателя торговки. Молодые, румяные бабенки, сытые богатством реки, «золотого дна».

Покупательница выговаривает торговке за молоко:

– Ты, тетка, молоко-то сняла?

– Да, трошки схопила, – не смущается нисколько торговка в белоснежном запоне.

Сама румяная и белая и, видимо, никогда не знавшая голода.

Она знает, что молоко у нее будет все равно куплено не тем, так другим покупателем. По другую сторону седой дед продает морковь. Недовольная покупательница упрекает его:

– Чего ж это ты, старый, за ту же морковь, что вчера продавал по 80, сегодня уже по 90 просишь?

– Да ведь морковка-то растет, – отшучивается дед.

– Где это она у тебя растет? – возмущается покупательница. Общий бабий хот по этому случаю. Попали на пикантную тему. Дед смущен.

– Ну, бери уж по-вчерашнему. Беда с этими бабами. Хошь кого так...

На берегу Тукума толпится народ, согнанный для борьбы с наводнением. Подпертая морскими ветрами Волга, разлившись, переполнила Тукум, и вода из него местами устремилась на берег. Тукум стоит горбом, словно в чаше. Люди лениво кидают землю на валы, но ее не хватает.

В особо ненадежных местах вал дал уже трещины. Вот-вот прорвет его вода и хлынет на незащищенный город. На таких местах – группы энтузиастов из числа молодежи. Они ложатся на вал и своими телами удерживают напор воды. Там парни и девушки. Держат до подвоза земли в мешках.

Старые люди, иронически поглядывая на сизифов их труд, поговаривают:

– В старое-то время вот этак же подпирал бывало Волгу Тукум. Так привезут несколько возов муки с мельницы купца Солдатова и завалят ими щели. Поест Тукум мучки и успокоится. Мука сразу в клей возьмет. А теперь гляди, что. Живыми людьми воду хотят задержать. Известно, *ин-дус-ри-я*, одним словом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ныне Хаваст, узловая сортировочная железнодорожная станция, расположена в 150 км южнее Ташкента.

² Под «мудрейшим» имелся в виду Сталин; слухи о том, что Сталин якобы был женат третьим браком на сестре Л.М. Кагановича (1893–1991) Розе муссировались в определенной части русской эмиграции.

³ Возможно, автор называет так Уссурийский край, о котором много писал в других рассказах.

⁴ *Гепеушник* – сотрудник органов ГПУ (Государственное политическое управление) при Народном комиссариате внутренних дел – «тайная полиция» в СССР.

⁵ Туберкулезный санаторий размещался на территории мечети Намазгох (русскоязычные самаркандцы называли это место «Намазга» или «район Намазги»).

⁶ *Зарявшан* (современное название – *Зеравшан*) – река, протекающая по территории Узбекистана и Таджикистана.

⁷ Имеется в виду Медресе Улугбека, построенное в первой трети XV века на площади Регистан по повелению правителя и ученого-астронома Улугбека (1394–1449). Лонгобарди ошибается: занятия в медресе фактически прекратились в начале XIX века, когда здание было сильно разрушено землетрясением.

⁸ Имеется в виду *Василий Лаврентьевич Вяткин* (1869–1932), историк-востоковед, нашедший и раскопавший в 1908 г. остатки обсерватории Улугбека на холме Кухак в окрестностях Самарканда (ныне – на территории города).

⁹ Б. Лонгобарди пересказывает легенду, которая приписывает сооружение известной мечети старшей жене Тимура Сарай-мульк ханым, которая, к тому же, была не китайкой, а дочерью чингизидского (т.е. монгольского) хана Казана. Из индийского похода (1399 г.) Тимур вернулся; умер он шестью годами позже, в 1405 году.

¹⁰ В мечети не было захоронений; вероятно, эта фантастическая подробность существовала в одном из местных преданий о ней.

¹¹ В действительности это название переводится как «живой царь».

¹² Имеется в виду Коран Османа – древнейшая сохранившаяся рукопись Корана, обогрелая, как полагают, кровью третьего халифа — Усмана (а не Али). Во время пребывания Б. Лонгобарди в Самарканде она хранилась не в Шахи Зинде, а в мечети Ходжа Ахра (ныне хранится в Ташкенте в медресе Муйи Мубо-рак).

¹³ Урочище Агалык расположено в горном массиве, разделяющем Зерафшанскую и Кашкадарьинскую долины.

¹⁴ Имеется в виду Первая мировая война.

¹⁵ *Русская освободительная армия* – общее название для военных частей и подразделений из русских коллаборационистов в составе вермахта, сформированных немецкими военными структурами во время Второй мировой войны.

Бахтияр БАБАДЖАНОВ

«Научное самоубийство»: взгляд из прошлого и будущего

От редакции. Публикуя этот полемичный отклик Б.М. Бабаджанова на книгу Ш.Б. Мухамедова «Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии», мы исходим из того, что полемика является важнейшим двигателем развития науки (а ее отсутствие – признаком застоя и стагнации) и что в отклике поднята важная тема, связанная с интеграцией исторической науки Узбекистана в мировую. Вместе с тем, редакция заявляет о своей готовности опубликовать и другие отзывы на книгу Ш.Б. Мухамедова, а также ответ самого ее автора, если эти материалы к нам поступят. Напоминаем, что тексты, публикуемые в разделе «Дискуссия», могут не совпадать с точкой зрения редакции.

В начале – небольшое воспоминание. В октябре 1991 года меня принимали на работу в ташкентский Институт востоковедения. Собеседование проводили два корифея тогдашней востоковедной науки – арабист Павел Георгиевич Булгаков и афганист Марат Абдусаматович Бабаходжаев. Они поинтересовались, какой темой я собираюсь заниматься. Я ответил, что меня интересует суфизм и в целом история ислама. Зазвонил телефон, и Павел Георгиевич (дело происходило у него в кабинете) поднял трубку. Тем временем Марат Абдусаматович с жаром сказал мне примерно следующее: «Зачем вам эти обветшалые темы? Нужно заниматься актуальными темами современного Востока. С ними вы легко защититесь и сделаете научную карьеру». Я знал, что он искал специалистов в свой поредевший отдел – многие его сотрудники ушли из института в создававшийся в то время МИД. Я не спорил, хотя уже тогда понимал, что век «советской ориенталистики на Востоке» заканчивается...

Затем Марат Абдусаматович заторопился и вышел из кабинета. Павел Георгиевич, закончив разговор, спросил меня: «Ну, что вы решили по теме? Годится ли то, что предложил Марат?». Я сказал, что хотел бы заниматься тем, что наметил.

Павел Георгиевич внимательно посмотрел на меня и сказал: «Правильно, нечего заниматься *научным самоубийством*».

Я тогда не придавал значения этой реплике и не уточнил, что имел в виду мой собеседник, о чем жалею. Мог бы наверняка услышать много интересного.

Примерно через десять лет мне предоставили кабинет на первом этаже Института, как раз тот, который занимал Марат Абдусаматович, к тому времени уже отошедший в мир иной. Его архив был вывезен, за исключением ряда официальных протоколов партийной ячейки Института (он был парторгом) и десятков монографий и сборников статей, которые выпускал его «Отдел проблем современного Востока».

Помню, как меня позабавили названия книг, вроде «Зарождение афганского пролетариата и его борьба за социалистическое будущее Афганистана» (1972), или сборников статей: «Трудовое крестьянство и пролетариат Палестины» (1976), «Сирия на пути социалистических преобразований» (1976)... Я полистал эту бесполезную теперь продукцию советского «актуального востоковедения» и с грустью отметил фамилии известных авторов, писавших, как оказалось, ни о чем, создавая мифы, в которые, видимо, кто-то из них верил. Вспомнилась реплика Павла Георгиевича...

Я спросил тогдашнего директора и своего руководителя, тоже, увы, ныне покойного академика М.М. Хайруллаева – что мне с этим всем делать? Его лаконичный ответ поразил меня: *«Керагини олдик, қолгани макулатура...»* (Нужное мы забрали, остальное – макулатура).

Я забрал эту «макулатуру» домой, и когда мой взгляд изредка падает на эту кучку книг и протоколов, все больше вызревает мысль, что нужно написать историю Института, рассмотреть эволюцию и влияние идеологических и политических манипуляций той эпохи, особенно в «актуальном востоковедении».

Мне могут возразить, что не все было так мрачно. И я соглашусь. Но вопрос о «макулатурной литературе» и «научных самоубийцах» остается, и, кажется, пришла пора все это осмысливать.

Разумеется, есть значительное количество замечательных работ моих коллег (в том числе и советского времени). Речь не о них, а о тех, кто продолжает работать на почти или совершенно бесполезные «штудии», которые, опасаясь, в будущем будут восприниматься точно так же, как та литература, которая пылится в уголке моей библиотеки.

Речь пойдет о книге «Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии», принадлежащей перу Ш.Б. Мухамедова¹.

Мне уже довелось обсуждать на страницах этого журнала² предыдущую работу того же автора – «Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917)»³. В том отклике я отметил, наряду с достоинствами работы, ряд серьезных упущений, как методологического плана, так и связанных с игнорированием обширной библиографии рассмотренных автором вопросов. К сожалению, реакции автора на нее не последовало. Он продолжает усердно трудиться на ниве создания бесполезных (в лучшем случае сомнительных) в научном отношении опусов.

Вероятно, и не стоило бы подробно останавливаться на нынешней работе Ш.Б. Мухамедова. Научное поле всегда заполнялось книгами, в которых пробегаешь глазами несколько строк, а затем отодвигаешь, жалея о потраченном времени. Но я воспользуюсь еще раз публикацией моего неугомонного коллеги, чтобы высказать соображения, которые, надеюсь, побудят коллег поразмыслить.

Структура книги очень запутанна, темы глав подобраны случайно, между последними нет никакой логической и, тем более, тематической связи. Короткое (всего полторы страницы) «Введение» состоит, по сути, из нескольких публицистических заявлений (об этом я еще скажу ниже).

Глава 1-я названа «Теория и методология вопроса» (с. 5–38). Увы, ни теории, ни методологии, по крайней мере в формах, принятых в академических исследованиях, здесь не обнаруживается. Вместо этого мы видим давно устаревшие претензии к российским и прочим «зарубежным исследователям», изложенные в стиле задорных комсомольских агиток (сказывается, вероятно, комсомольское прошлое автора), а также горячую, но совершенно бессмысленную защиту «отечественных историков», которые «имеют полное право освещать историческое прошлое своих стран» (с. 5–6).

Хочется спросить: что лучше – отстаивать собственное право (никем, кстати, не оспариваемое) на написание «своей» истории либо все-таки начать ее писать? Но не в пустом библиографическом пространстве, не изучив и половины опубликованных трудов по рассматриваемым в книге вопросам. Если вы так страстно защищаете «отечественных историков», почему же игнорируете их работы, гораздо раньше и более обстоятельно изучившие те же проблемы?

Автор, по сути, никак не излагает «методологию вопроса», а смешивает давно и хорошо известные эпизоды колониального прошлого, советского времени и современности. Но делается это настолько беспорядочно, что трудно уловить его логику. Например, не объясняется, почему отказ фон Кауфмана от вмешательства в «религиозные дела» мусульман стал «бомбой замедленного действия» (с. 24–25). Еще менее понятно возмущение автора «вопиющей несправедливостью», когда Российская империя финансировала христианское образование, но не финансировала образование в медресе и мактабах (с. 25). Одновременно возмущают поучительные интонации автора, страстно предъявляющего претензии прошлому, не пытаясь его осмыслить в принятых академических формах.

На этом фоне особенно забавляют выпады в адрес неких «горе-исследователей», которые, якобы, просматривают архивные материалы «не в развитии, а <...> выборочно, выдергивая из <...> них некоторые факты и “фактики” (!)» (с. 15).

Никто не спорит, что работа в архиве – дело нужное и полезное, и нельзя не отметить искреннюю увлеченность, с какой Мухамедов работает с архивным материалом, или его желание составить из огромного материала какую-то мозаику. Однако при такой работе следует помнить, что часть ее может быть уже проделана другими исследователями. Поэтому издавна установилось правило: включать в такого рода исследования на основе документов полный анализ использованных источников, чтобы коллеги убедились, что перед ними добротное и осмысленное исследование.

Как заметил Девин ДеУис, любая бессистемная работа с архивным материалом приводит к своеобразной «документальной наивности», «предполагая, что описываемые или обсуждаемые в источниках меры были фактическими реалиями, а не продуктами бюрократической обфускации⁴ и отклонений»⁵.

Иными словами, использование документов всегда проблематично, с учетом их пристрастного составления и своеобразной «колониальной само-цензуры» или «само-презентации». По удачному замечанию Адиба Халида, мы вынуждены смотреть на ситуацию в период колонизации только глазами архивов (и значит, составителей документов)⁶, а местные голоса иногда заглушены, между тем как только использование местных источников дополняет и серьезно корректирует картину⁷. Но как раз от такой работы и таких подходов Ш.Б. Мухамедов, к сожалению, далек.

Не совсем понятно, на каком основании в 1-ю главу попал в целом описательный раздел: «Сравнительный анализ воспоминаний современников и архивных источников по истории русского Туркестана» (с. 28–38). И здесь мы находим факты, давно известные по массе других книг и статей. Мухамедов не ссылается ни на чьи научные работы. Если ему незнакомы труды зарубежных коллег, то почему нет ссылок на работы, например, Б. Лунина, Х. Зияева, А. Алимова? (Их нет даже в списке использованной литературы). Я уже не говорю о других исследователях этих же документов (с. 35–38)⁸.

Во 2-й главе «Экономические аспекты истории» (с. 39–63) поднят давно исследованный вопрос – был ли убыточным для Российской империи Туркестан. И все ради того, чтобы доказать, что народы Туркестана «не висели на шее» (!) у Российской империи. Здесь же изложен очень поверхностный и непрофессиональный взгляд на предпринимательство в регионе, – при том, что и этот вопрос серьезно изучен многими исследователями, в том числе и «отечественными» (в формулировке автора)⁹.

Образцом несоответствия названия и содержания может служить и следующая глава – «Образование и культура» (с. 64–108). Например, первый раздел «Российская наука и образование: опыт взаимовлияния и взаимообогащения» (с. 64–69) содержит лишь перечисление фактов, как лекторы из метрополии демонстрировали местным учащимся всякие «дикивинные вещи» вроде фонографа, читали какие-то лекции. Как эти «мероприятия» повлияли на учащихся местных новометодных школ, либо каким было обратное («взаимное») влияние (как это заявлено в названии) – об этом ничего не сказано. Три других раздела (о джадидских школах, опыте т.н. «европейского образования», образование женщин и т.п.) содержат некоторые интересные наблюдения. Но Ш.Б. Мухамедова вновь подвело игнорирование массы других исследований в этой области. Не будучи специалистом в означенных темах, автор сделал невнятные либо некорректные выводы (с. 96, 107–109).

Непонятно, по какой причине в этой главе оказался раздел «Исламизация казахской степи: Казань, Уфа, Туркестан – транзит» (с. 97–109; что имеется в виду под словом «транзит», осталось не проясненным). Автор и здесь взялся за тему, давно исследуемую учеными Казахстана, России (в т.ч. Татарстана, Башкортоста-

на), Германии, США¹⁰. И снова – никаких упоминаний их работ, видно, вследствие того, что они ему незнакомы: иначе такое открытое игнорирование работ коллег никак не объяснить.

Следующая глава, «Межконфессиональные отношения» (с. 109–151), представляет собой набор эпизодов из колониальной жизни местных религиозных общин, которые совершенно алогично смешаны с газетными пассажами о современной ситуации, прокламирующими исключительную толерантность местных мусульман. Налицо эссенциальный подход, имеющий целью доказать, что изучение «характера» колониального ислама подведет нас к пониманию современных проблем, связанных с насильственным экстремизмом. Эта «связь» осталась недоказанной и служит лишь неуклюжей попытке «актуализировать» тему, т.к. материал подобран бессистемно.

«Заключение» тоже никак не связано с содержанием главы и изложено скорее в газетном стиле.

Мне уже приходилось отмечать в предыдущей рецензии, что понимание Ш.Б. Мухамедовым шари'ата основано исключительно на архивных записках и публикациях колониальных экспертов, что порождает ряд ошибок. Эти же ошибки повторяются и в новой книге. Например, говоря о знаменитом «съезде», который собрал сенатор К. Пален**, автор пишет, что одной из его целей было обсуждение «перевода сборника мусульманского права – Шариата» и что в основу этого перевода был положен «сборник действующего в Индии мусульманского права Ханафитской школы, составленный <...> Р. Уилсоном» (с. 115).

Однако этот фактически навязанный индийцам-мусульманам «Кодекс», составленный Р. Уилсоном¹¹ (в основу его лег сокращенный перевод сочинения *ал-Хидаята фи-л-фуру'* Бурхан ад-дина ал-Маргинани), содержал множество других дополнений, в том числе из английского гражданского права. Речь, иными словами, идет об искусственном для самой природы мусульманского права попытке кодификации, которую даже сам Р. Уилсон признал «*исторической и цивилизационной аномалией*» (курсив наш – Б.Б.)¹².

Термин *шари'ат* в исторической перспективе понимался в разных мазхабах, да и в регионах по-разному. Например, в Центральной Азии, кроме Корана и сунны, важными источниками шари'ата (как инструмента права, но не Кодекса!), кроме Корана и сунны, являлось местное право (*'урф*, *'адат*). Восприятие шари'ата как «исламского закона» (или «Кодекса») отражает, скорее, обыденное, но не юридическое и тем более не научное его понимание. Колониальными экспертами (вроде Н. Остроумова) шари'ат именно так и воспринимался, т.е. как некий «Кодекс»¹³. Именно такое понимание воспринял Ш.Б. Мухамедов из документов местных русских ориенталистов, которых он перманентно ругает; именно на их мнении он строит свое представление об исламе в колониальном Туркестане (а не на артикулированной позиции какого-либо мусульманского богослова)...

На этом остановлюсь, надеясь, что остальные главы этого опуса станут предметом критических оценок моих коллег. Эта статья – не столько рецензия, сколько

¹⁰ Речь идет о ревизии Туркестанского края, предпринятой в 1908–1909 годы правительственной комиссией, которую возглавлял сенатор К.К. Пален. (Прим. ВС.)

ко возможность на примере не очень удачного исследования поделиться некоторыми соображениями, наблюдениями и опасениями, поскольку с такими опусами приходится сталкиваться все чаще. Главная наша проблема в том, что, к сожалению, большинство специалистов работают как бы в «пустом» библиографическом пространстве, игнорируя, а чаще просто не зная не только основополагающих теоретических работ по избранному направлению, но и того, что уже опубликовано в мире. В результате глубокие концептуальные и терминологические проблемы остаются без внимания, а манипуляции с «актуальностью работ» выдают лишь непрофессионализм авторов. Поэтому многие наши исследования в гуманитарных науках оказываются маргинальными во всех смыслах¹⁴.

Напомню, что господство атеистической литературы об исламе и почти полное отсутствие аналитических работ по исламоведению привели к тому, что абсолютизированный и искаженный марксистский дискурс об исламе сегодня стал всего лишь источником для изучения сложных виражей советского «актуального ориентализма». А на деле Узбекистан, как и весь СССР, «проспал» возникновение политического ислама в 1960-е – 1980-е годы. Печальные плоды этого мы пожинаем теперь и, похоже, будем пожинать еще долго.

Я не случайно привел в пример работы многих ученых Узбекистана, чьи работы сейчас вызывают смешанные чувства оторопи, сарказма и... печали. Грустно, что мы снова имеем дело с *научным самоубийством*. Когда же все-таки настанет прозрение? Когда же мы приступим к настоящей уборке захламленного двора?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мухамедов Ш.Б. Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. – Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016.

² Бабаджанов Б. Колониальная власть в Туркестане и ислам. По поводу новой книги Ш. Мухамедова // ВС. – № 3 (XXXIV). С. 84–94.

³ Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917). – Ташкент: Baktria Press, 2013.

⁴ То есть запутывания и намеренных бюрократических или политических подтасовок.

⁵ Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union // Journal of Islamic Studies. 2002. № 3 (13). P. 302.

⁶ См.: Khalid A. Culture and Power in Colonial Turkestan // S. Abashin, S. Gorshenina (eds.). Le Turkestan Russe. Une Colonie comme les autres. Paris/Tashkent: IFEAC, 2009. P. 415.

⁷ Подобные претензии к автору мне уже приходилось излагать в упомянутой рецензии на его предыдущую книгу.

⁸ См., например: Morrison A. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. – Oxford: Oxford University Press, 2008 (здесь же ссылки на работы других авторов).

⁹ Потапова Н.Ю. Обзор архивных источников по истории предпринимательства в Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв. // Узбекистон тарихи. 2001. № 1. С. 57–63; Ее же. История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Т.: УМЭД, 2011; Penati B. Notes on the birth of Russian Turkestan's fiscal system. A view from the Fergana oblast // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2010. № 5 (53). P. 739–769; Ibidem. Beyond technicalities: land assessment and land tax in Russian Turkestan (ca. 1880–1917) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. № 1 (59). S. 1–27; Пустовая Е.С. Ценовая динамика как показатель уровня жизни народов Средней Азии в середине XIX века (1865–1888 гг.) // Узбекистон тарихи. 2012. № 2. С. 67–80 и многие другие.

¹⁰ Frank A.J. Islamic Transformation on the Kazakh Steppe, 1742–1917: Toward an Islamic History of Kazakhstan under Russian Rule // T. Hayashi (ed.). The Construction and the Deconstruction of National Histories in Slavic Eurasia. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. P. 261–289; Frank A., Usmanov M. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad-Walī al-Qazānī and Qurbān 'Alī Khālidī. – Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2001; Usmanov M. An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe, 1770–1912. – Leiden-Boston: Brill, 2005; Ремнев А.В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–

80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Вып. 32. – М.: Наука, 2006. – С. 238–277 (в этих работах указана обширная библиография).

¹¹ Wilson R.R. Anglo-Muhammadan Law: a digest. – London: W. Thacker and Co, 1912 (4th edition).

¹² См.: Scott A.K. Framed, Blamed and Renamed: The Re-

casting of Islamic Jurisprudence in Colonial South Asia // Modern Asian Studies. 2001. № 2 (35). P. 26.

¹³ См. также: Morrison A. Creating a Colonial Shari'a for Russian Turkestan: Count Pahlen, the Hidayat and Anglo-Muhammadan Law // V. Barth and R. Cvetkovski (eds). Imperial Cooperation and Transfer, 1870–1930. Empires and Encounters. – London – New Delhy – New-York – Sidney: Bloomsbury Publishing, 2015. 127–149.

¹⁴ Нередки случаи прямого или скрытого плагиата, что еще больше усугубляет проблему.

По ту сторону гор

Киргизский хребет отлично виден из Бишкека – во всех подробностях и изломах заснеженных, сверкающих на солнце вершин. В детстве, когда времени хватало на все, я любил разглядывать его трехцветную вертикаль: белизна ледников сменяется темным скалистым поясом, который ближе к подножию переходит в альпийскую зелень холмов. Любил разглядывать и мечтать – о том, как когда-нибудь окажусь на той стороне, за хребтом.

И вот теперь, сорок лет спустя, мечта сбывается: я приближаюсь к Киргизскому хребту с другой стороны. После поездки на Иссык-Куль мы с другом возвращаемся в Бишкек с юга, через Нарынскую область – Кочкорку, Чаек и Суусамыр. Шумит вдоль дороги укутанный в древесную зелень Кёкёмерен. Смельчаки в резиновой лодке сплавляются по нему в пенном ореоле, поочередно скрываясь в воде, и их заехавшая вперед спутница, выйдя из джипа, раскладывает над речкой треногу, чтобы запечатлеть подвиг. Тени облаков пасутся на пятнистых, красно-желто-зеленых склонах Суусамыр-Тоо, бесшумно скользят по траве. Ни в ущелье Кегеты, ни в предгорьях Каракола, ни в отрезанной от мира приграничной долине Иныльчека не встречал я подобной красоты. Мечты в последнее время осуществляются с пугающей скоростью – словно замыкается некий круг и замыслы застывают, каменеют в неотменимой полноте воплощения.

В Суусамыре заканчивается первородно-киргизский мир. В нем непреодолимые потоки овец текут по руслу дороги, во всю его ширину. Горная речка раз десять перебегает нам путь, словно заботливая овчарка. Бензин продают в бидонах и ведрах, как молоко, а местная водка в магазинах ненамного дороже бензина.

Русская речь звучит здесь как иностранная. Переселенцы с севера в позапрошлом веке не освоили толком этот девственный мир, – их волны докатились лишь до юга Чуйской долины.

Бывший форпост доживающего свой век в постсоветской Киргизии русского мира – село Сосновка. Оно первое встречает путешественника, скатившегося на равнину с Киргизского хребта.

Беленые стены саманных домов. Окна со ставнями и резными наличниками. Широкие, не тронутые асфальтом улицы с вросшими в грунт булыжниками. Тополя и карагачи в два-три обхвата – здесь их не рубят на растопку так отчаянно, как в Прииссыккулье. Обычная русская по рождению деревня, каких много в Чуйской долине. Правда, русских осталось здесь сто человек, на шесть тысяч киргизов. Десять из них мы застали на вечерней службе в храме Димитрия Солунского. По праздникам в приходе по-прежнему бываетлюдно и весело – но больше благодаря родным и знакомым сосновцев, которые приезжают в гости из соседней, более крупной Кара-Балты.

В этом отдаленном селе мне почему-то вспомнился Лондон: двухэтажные, патриархальные особняки Истхэма с цветниками, лужайками, литыми оградами. И играющие на порогах этих домов смуглые бенгальские дети. Белых англичан мы за время пребывания в Истхэме видели в большом количестве только однажды – это была богатая и длинная автопроцессия, следовавшая на старинное кладбище...

Настоятель сосновского храма – отец Александр Мезенцев – служит в селе с 1993 года. Он показывает место, где прежде стоял храм. Теперь там воскресная школа, построенная прихожанами. А в помещении, где проходят службы, в советское время размещалась пожарная часть. В 1925-м священников окрестных сел репрессировали, сосновский храм закрыли и снесли. «Никаких архивов и снимков не сохранилось», – сетует отец Александр. Когда он приехал в Сосновку, то застал живым столетнего старожила, который помнил что-то из прошлой жизни. Теперь самой пожилой прихожанке – восемьдесят семь. В селе она живет с 1968 года.

И здесь наступает мой черед приложить часть уцелевшей мозаики.

Мой прадед Клементий Самсонович Кондратюк служил здесь настоятелем до и после революции. В семье священника было восемь детей – помимо моей бабушки еще четыре дочери и три сына. Жили небогато. Бабушка рассказывала, как просили у матери поесть: «Мама, ты дай, мы съедим, будем знать, что больше нету, и просить перестанем».

Когда всех священников собрали и заперли в сарае, прадед встал на колени в углу на черном земляном полу и стал молиться.

«Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят...»

«...От уз и заточения свободы, и от всякого злаго обстояния избави, яко един Человеколюбец...»

Свет узкими полосками пробивался сквозь бревенчатую стену. Встревоженные голоса братьев сначала вторгались между словами молитвы, но потом отошли в тень, отступили, умолкли. Один раз скрипнула дверь, впусив сноп света, и снова надолго захлопнулась, но отец Клементий, погруженный в молитву, ничего не слышал.

Поднявшись с колен, он отряхнул полу рясы от приставшего сена и обернулся. Сарай был пуст, дверь приоткрыта. «А что, сынок, всех отпустили? – спросил он засыпавшего лошади корм хромого красноармейца. – Мне-то теперь куда?». Тот, сдвинув набок фуражку, озадаченно уставился на священника. «Иди домой, отец. Чего мне теперь с тобой делать...»

Расстрельная команда, выполнив приказ, успела разъехаться. Не замеченный, прадед возвращался домой, шепча благодарственную молитву.

Повторно арестовали отца Клементия пять лет спустя. Он был осужден с формулировкой «за скопление мелкой монеты». Отсидел. Потом служил в Лениногорске. Северо-Восточный Казахстан напоминает Киргизию климатом, природой и бытом. Возможно, он чувствовал себя почти как дома. Насколько это возможно, если ты священник в Стране Советов, а дети твои – за много верст от тебя.

Бабушка любила вспоминать, как девчонкой, сидя на дереве, заметила идущего из храма отца и шутки ради выстрелила в его сторону из рогатки. Камешек угодил моему прадеду аккурат в затылок, и он упал без сознания. «Папочка, – кричала маленькая бабушка, тряся отца, – прости, я не хотела!». Очнувшись, Клементий Самсонович, конечно же, простил дочь.

Простил он ее и годы спустя, когда бабушка вышла замуж за успешного советского инженера Ивана Коломейца и, по сути, перестала видаться с родителями.

«Вон, видите те рощи в горах? – показывает рукой отец Александр, провожая нас к машине. – Их посадили первые поселенцы. Рябиновая, яблонева, еловая... Причем еловая – видите? – треугольником, в форме ели. Здесь земля – камень. На полметра вглубь – уже лопата в твердое ударяет. А они и сажали, и строили... Если у нас сейчас что-то получается и складывается, то это они, предки, нам помогают своими молитвами. Вот и сейчас, небось, на нас смотрят и радуются».

Перевожу взгляд с горного склона на синее небо в косматых кучевых облаках. Мечты сбываются...

Ольга ПИНЧУК

Какая же я матушка?

Четыре маленьких человека в своей комнате ходили на ушах в ожидании друзей. Кровати скрипели, подушки взлетали до потолка, задевая люстру, визг стоял несусветный. Зойка караулила в прихожей. Зеркало расстраивало тенями под глазами и едва заметными (но заметными!) морщинками, от крыльев носа к уголкам губ. Маааааатушка... Какая ж ты матушка? Зойка скорчила отражению рожу, собрала волосы в пучок и открыла дверь одновременно с задилинькавшим звонком.

Малышня с радостным «здрастётъзой» разделась на лету и, покидав по пути одежду, прошмыгнула в детскую.

– Уууух, пшшшено! Когда ж научитесь вешать всё сами? – шустро собрав разбросанные по всему коридору штанишки и кофточки, Катя проплыла в кухню. – Мы ж с ночевкой, я правильно поняла?

Приход подруги был для Зойки своего рода медитацией. Дети здорово ладили между собой, и несколько часов можно было болтать о чем угодно, не покидая кухни. Или не болтать. С Катей не напрягало и молчание.

– Ну нет, это ж не дети, это изверги! Когда только успевают? – Зойка наступила в жирное зеленоватое пятно возле холодильника. – Каааать, ну ты это видела? Вчера отмывала, сегодня оттирала, а оно снова тут! – Зойка наклонилась с салфеткой. – Прямо как в истории про привидение, как его?

– Ага, кентервильское, – ответила подруга, поудобнее устраиваясь за столом. – Что ты хочешь, Зой? Это ж дети. Они, бывает, круче привидений!

В ту же секунду шумный вихрь с криком ворвался в кухню, схватил с детского столика карамелек и умчался, шурша по пути разноцветными фантиками. Катя хохотнула. Зойка вздохнула, осознавая тщетность своих попыток навести порядок.

– Удивляюсь, как тебе удается быть такой спокойной, Кать.

– А чего мне беспокоиться? Руки-ноги целы, дети здоровы, муж, слава Богу, тоже. А пятна твои к соседям пол не провалят, не боись, я проверяла. Давай чаю, что ли, попьем?

Зойка поставила перед подругой чашку и достала из духовки пирог с брусникой.

– Кааать. Скажи, что мне делать, а? Я не знаю. До сих пор не знаю...

Катька, отхлебнув чай, стукнула чашкой в блюдце, удивленно подняла брови и затараторила пулеметом:

– Ааа, вот в чем дело-то! Еще не решила? А я все хотела узнать, не до того было. Не понимаю, чего ты тянешь. Давно б уже согласилась и не навела смуту в семье. Не вижу проблем. Муж у тебя хороший? Замечательный! Служит? Ага. Ну да, не полковником ФСБ, а в нашем захолустном приходе. Зато погляди – люди к нему тянутся, ждут не дождутся, когда его к исповеди допустят, ведь он вон у тебя какой – первоклассный психотерапевт. Глаза у него горят? Горят. Где его, без семинарии, будут так ждать? У нас на севере батюшек не хватает, а таких как он – подавно! Чего тут думать-то? Ну, поживете еще здесь, а потом, глядишь, переведетесь куда потеплее. Будешь свои помидоры под солнцем выращивать...

Зойка, слушая подругу вполуха, все больше уносилась в свое. Как же Катьке удастся это спокойствие? Точно она наперед знает: никакой беды не случится, а если случится, то все решается. Все-все у нее решается. «Не вижу проблем» – любимая ее фраза. Катя удивляла легким шуршанием юбок в пол, воздушными блузками с кружевными рюшами, замысловатыми прическами и необычайной внутренней стойкостью, четкостью, уверенностью. Еще она никогда не сомневалась. Ни в чем. Словно под ногами у нее какая-то особая опора имелась, не как у Зойки. И сама она, Катька, опора. Для детей. Для нее, такой нерешительной Зойки. Хорошо было с Катей рядом, безопасно и по-особенному спокойно. Наверное, так спокойно должно быть с мамой.

Хотя после того, как муж объявил о своем намерении стать священником, Зойка все чаще примеряла на себя образ его тетушки, Зайтуны Тахировны. Тоненькая, сухонькая, невысокая, но при этом мягкая, всевещающая и одаривающая умиротворением. Никакой суеты в ней, несмотря на постоянных гостей, толпу внуков, огромное хозяйство, отсутствие воды и туалета в доме – воду из колодца нужно таскать! Для Зойки это настоящий гражданский подвиг, как и лепка вареников вручную, а для тети Зайтуны – обычное дело.

Нет, Зойке до нее – как до Парижа пешком! Она же и прикрикнуть может, и ногой топнуть, а иногда и тарелкой в стену швырнуть. Горячая она, Зойка. Папа так и звал ее в детстве – «Зойка-кипятильник», вскипала легко, натворить всякого могла на эмоциях, наговорить такого, о чем горько потом жалела и винула себя еще долго после.

Тетушка же напоминала волшебную птичку – появится и что-то вытрет, подметет пол, тут приготовит, здесь погладит ребенка по голове, там обнимет и скажет на ушко что-то ласковое. Попросит, и дети гурьбой побегут кормить птицу, за коровами и козами приглядят, ягод наберут. Обращалась к Зойке нежно-нежно – «доченька», каждого из детворы называла «дитя природы». И жила в этом мире с удивительным приятием всего. За собой следить успевала – масочки-кремики там всякие. С мужем была удивительно смиренна. Блюда ему готовила разные, с мясом, хотя сама не ест его. «Не могу, доченька, ну как их есть? Ведь и они дети». Зойке с того дня кусок мяса в горло не лез. Стала задумываться о многом. А тут муж ждет, что она даст согласие на матушку. Какая ж из нее матушка?

Ах, если б только возможно было позаимствовать решительности, бесстрашия, умения отсекал лишнее, как у Кати, или научиться принимать все в мире за данность, с благодарностью и умиротворением, как тетушка Зайтуна...

Но пока Зойка металась и тянула с ответом. А муж хотел, чтоб это было их обоюдное решение, семейное. И ждал.

– Зооооооооо! Ты уснула, что ли?

– А? Прости, Кать, задумалась.

– Я и вижу! Еще по чайку, а? Я ж шоколадку принесла, забыла совсем. – Катька полезла в сумку, расшитую яркими цветами. – Молочную, с орехами, как ты любишь. Потом пообедаем, да? Можно же сегодня без режима? А детей покормим, как попросят... Хм... А привидение у тебя и правда есть. Или это холодильник потек. Гляди, – Катька указала взглядом на вновь появившееся пятнышко. – Детей и близко не было. Я свидетель.

– Не может быть! – Присев на корточки, Зойка тронула пальцем зеленоватую жидкость. Масло. Поднесла палец к носу. Точно, масло. Неужели и впрямь холодильник? Ему ж только год!

– Каааааать, пять секунд!

Зойка схватила мобильник и набрала сервисную службу. Как могла, по-женски, описала проблему. Услышав, сколько будет стоить ремонт, если это то, что они думают, шмякнула телефон об стол.

– Вооот, – протянула она. – А ты говоришь «не вижу проблем». А она вот она. Тут как тут. Чтоб его! Что ж за напасть-то? Кать, может, это все потому, что я до сих пор Толику ответа не дала? Знак? Мелочная я. Он мне о высоком, о том, что примером можем быть, что семья – малая церковь, что все получится... А я? Что я? Я ремонт хочу, стол новый в кухню, этот вон какой обшарпанный уже... Хотя б чуть-чуть освежить... Про переезд молчу вообще, надоел этот север, сил нет! Ну какая из меня матушка, скажи, а? С собой совладать не могу, а тут чуть ли не приходом руководить...

Зойка опустила на стул и, продолжая гипнотизировать пятно, вспомнила, как в прошлом году, вернувшись со свадьбы друзей, они с мужем обнаружили жуткую вонь в кухне и огромную лужу на полу от отдавшего концы холодильника. Отложенные на ремонт деньги пришлось вложить в покупку нового. Зойка же так мечтала обои переклеить, стол в кухне сменить, стену облупившуюся перекрасить...

В тот же суматошный день муж сообщил ей о своем решении стать батюшкой. Погладив ее по щеке, спросил, согласна ли она быть матушкой. Все это казалось сном, не дурным, нет, но и чудесным она назвать его не могла и понятия не имела, как реагировать.

Стыдно было за то, что завидовала втайне мужу и даже злилась иногда – как-то легко у него отношения с Богом складывались. И с храмом. Зойка же той легкости в церкви не испытывала. Хотя в Бога она верила, в ангелов верила, детям по-своему о них рассказывала. Чувствовала она, что ее время придет. Позже... А пока ей бы обои обновить, чтоб без тоски смотреть на стены. Но вместо ремонта, похоже, придется теперь чинить холодильник. Тьфу на него!

– Маааааа, а ты нам дашь чего-нибудь вкусенького? – Степка, старший из бан-

ды желающих перекусить, мялся в проеме кухни. – Мы пикник, можно, устроим? В детской, а?

Зойка очнулась.

– Куда ж от вас деться-то? Конечно, доставай дастархан. Сейчас организуем доставку.

Дастарханом в семье прозвали детский батут на коротких ножках, его покрывали скатертью, а дети садились вокруг прямо на пол, за стол всё равно все не помещались. Да и веселее было им есть не на кухне.

– Мааам!

– Ну чего? – Зойка все еще прокручивала в мыслях сорвавшиеся планы на ремонт.

– Корабли на мели, куда море делось?

– Какое море? Какие корабли?

– Вот эти! – Степка снял с холодильника объемный прозрачный магнит с двумя корабликами внутри. Свекор привез его из поездки и повесил сам. Как раз над тем местом, где появлялось загадочное маслянистое пятно. От моря остались лишь капли, видимо, образовалась трещинка. Зойка крепко сжала в объятиях сына и захохотала.

– Вот тебе и сервисная служба! Бесплатная! – присоединилась к веселью Катя.

– Маам, ты чего?

– Спаситель! И холодильник починил, и привидение изгнал! Иди, иди, давай, стели скатерть, сейчас все кушать будем.

Зойка, мурлыча, затанцевала по кухне, собирая обед. Катя помогала относить тарелки в детскую.

Вечером захотелось свечей.

Вот так сидеть с ногами на диване, в обнимку с подушкой, пить мятный чай и наблюдать огоньки. Малышня была искупана и уложена, дружеская терапия продолжилась.

Доставая с полки спички, Зойка посмотрела на небольшую складную икону с венчания. Богоматерь с Младенцем на одной створке и Господь Вседержитель на другой. «Божья мамочка» – так называла Богородицу младшая дочка. Зойка улыбнулась и зажгла свечи.

– Кать, как думаешь, я справлюсь?

– Уверена. Ты слишком строга к себе, Зой. Все ждешь пятерки от мамы? Давно с ней общалась?

– Да вот, на прошлой неделе созванивались. Ты ж знаешь ее отношение. Толик – «сектант эрпэцешный», а я – дура, раз замуж за него вышла. Поговорить особо и не о чем, так, общими фразами, о внуках да о погоде. И ведь у Толика не лучше...

Их с мужем мамы правда похожи. Такие вот прямоугольные женщины. С тяжелыми ровными телами, узкими бедрами, крепкими ногами и кучей сумок в руках. Сильные, властные, и коня на скаку остановят, и мужика на себе из горящей избы вытащат, а потом плюнут на него сверху и уйдут с гордо поднятой головой. Все лучше всех знают, задав вопрос, ответа слушать не станут: «что с вас взять, убогие

вы». Но если спросить их о том, что они чувствуют, вот сейчас, прямо в эту секунду, где болит, то на мгновение теряются (а что? и мне можно чувствовать?) и внезапно становятся еще сильнее и еще прямоугольней.

– Все у тебя получится, Зой, – серьезно сказала Катя. – Может, в том твое испытание? Стать больше матерью, чем ты от себя ожидала? Я ж вижу, какая ты с детворой, какая с людьми... Устаешь, оно понятно, и спрятаться иногда охота от всего света, но святости ведь от тебя никто и не требует. Мне иногда так тяжело бывает, Вадик же в рейсе по четыре месяца. Иной раз варишь кашу детям, а ноги подкашиваются, руки еле слушаются, недосып жуткий, но стоишь у плиты, шевелишь ложкой. Тут понимаешь, что это Господь тебя на своих руках держит, потому и не падаешь...

– А ведь правда, иногда кажется: всё, делайте что хотите, нет меня, кончилась. Но откуда-то приходят новые силы, и продолжаешь жить... Давай я унесу чашки, ложись уже, поздно. Спасибо тебе за все.

Зойка прошлепала босыми ногами из комнаты, где уложила отдыхать подружку, в кухню. Из любопытства потерла ступней пол возле холодильника – ничего. Сухо. Потянулась, зевая, и, удовлетворенно жмурясь, подумала: «Обоям и новому столу быть! И... матушке – тоже... Нужно прямо с утра позвонить мужу. А пока – спааааать...»

Слово псевдо-Иоанна Златоуста о целомудрии

Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума

Среди многочисленных трудов свт. Иоанна Златоуста имеется проповедь «О целомудрии» (Περὶ σωφροσύνης), извлеченная из кодекса, хранящегося в библиотеке Базельского университета*. Эта проповедь в старых изданиях Златоуста – Савиля, Монфокона и Миня – была известна лишь в латинском переводе**, хотя там и приводился небольшой греческий фрагмент ее начала (15 строк). В 1906 году немецкий исследователь Себастьян Хайдачер (Haidacher) впервые опубликовал полный ее греческий текст. По мнению ученого, она представляет собой подлинную речь Златоуста, которая была адресована только что принявшим Святое Крещение и, вероятно, произносилась на Пасхальной Седмице***.

Некоторые особенности предлагаемой проповеди, тем не менее, все же не позволяют без сомнений причислить ее к творениям свт. Иоанна Златоуста. Так, весьма много обнаруживается параллелей со «Словом о терпении» свт. Афанасия Александрийского (CPG 2235; PG, 26, 1297–1309). Стиль проповеди более поэтичен и более философичен, чем стиль Златоуста, более близок языку Гомера и Еврипида. Прослеживается также множество прямых соответствий со стилем и языком свт. Григория Богослова.

Тем не менее, независимо от того, был ли автором этой проповеди свт. Иоанн Златоуст или кто-то из его современников и последователей, важность темы, которой она посвящена, и ее несомненные богословские и литературные достоинства делают ее одним из ярких образцов византийской гомилетики. Это и подвигло нас осуществить перевод «О целомудрии» непосредственно с греческого оригинала (по изданию Хайдачера), а не с латинского перевода, с которого был сделан имеющийся русский перевод. О его достоинствах и недостатках судить читателю.

* Cod. Basiliens. 39. olim B. II. 15 (IX–X вв.). fol. 289 r–291 v.

** CPG 4557; PG 56, 291–294 *De continentia* [Sp.]. С латинского текста был сделан и старый русский перевод: Свт. Иоанн Златоуст. Беседа о воздержании // Творения свт. Иоанна Златоуста. – СПб.: С.-Петербургская Духовная Академия. Изд. 2-е. 1898; Т. 6. Ч. 2. С. 590–594. (Электронная версия: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/3362>)

*** См.: Haidacher S. Περὶ σωφροσύνης. Drei unedierte Chrysostomus-Texte einer Baseler Handschrift // Zeitschrift für katholische Theologie. – 1906. № 30. S. 575–581.

Слово о целомудрии мне всегда представляется весьма полезным и приличным для Христовых рабов. В особенности же теперь нам благовременно обратиться с ним к вам, так как вы, облекшись во Христа, уже как чада Церкви должны стяжать себе целомудрие прежде прочих благ.

Ведь если кто при виде атлетов, обыкновенно являющихся на Олимпийские игры и намащенными сходящих на ристалище, решил бы заговорить с ними о борьбе, самообладании и победе¹, то он, по справедливому суждению всех, сделал бы это благовременно². Так и нам теперь, при виде подвижников Спасителя, в божественных таинствах восприявших силу от Св. Духа, которых для их пользы я намереваюсь выслать на духовное состязание, естественно побеседовать о целомудрии. В человеческих состязаниях, как известно, венцы даются после победы, на Христовых же ристалищах – прежде ее³.

Для чего же Христос посылает нас на борьбу уже увенчанными? Для того, чтобы одновременно внушить врагам страх, а также возбудить наши чувства; чтобы, взирая на дарованную нам от Бога честь, мы всё говорили и делали достойно Владычной чести.

Ведь если какой-либо царь, облаченный в багряницу и украшенный короною, под влиянием естественных страстей совершает что-либо, не достойное царского величия, то сразу же, как только взглянет на достоинство своего одеяния, испытывает больший стыд. Так же и ты, облекшийся во Христа, всякий раз видя свою душу мучимой постыдным вожделением, тотчас устремляй взор на свое божественное одеяние – и сразу же станешь сильнее всех козней лукавого.

Итак, прекрасное, конечно, дело одобрять и хвалить целомудрие, но обладать им – еще прекраснее⁴. И, без сомнения, немало побуждаются к целомудрию те, кто много говорит о нем и слушает. По этой-то причине Богу и было благоугодно прославление добродетелей святых мужей в Священном Писании, чтобы все люди склонялись к подражанию им и чтобы, строго следуя по их стопам, они вели целомудренную жизнь.

Если во время состязаний в гимнастических училищах многие, при виде увенчанных атлетов, воспаляются [духом состязательности], обнажаются и переносят много усиленных и напряженных трудов, и все для того, чтобы быть увенчанными хотя бы простыми масличными ветвями или венками от Дафны⁵, то с каким усердием мы должны напряженно заботиться о целомудрии при виде других, уже увенчанных от Бога, – чтобы и нам увенчаться небесными венцами за прекрасные и спасительные доблестные заслуги. Разве не возмутительно и не достойно великого гнева то, что атлетов убеждает лист лавра или оливы и тщетная будущая слава, погибающая с этой преходящей жизнью, а нас [нетленные] дары Христовы нимало не побуждают оставить всякое удовольствие и предпочесть страх Божий нашим вожделениям?

Однако подобное соревнование можно видеть не только среди людей [но также и у неразумных существ]. Часто и голубки, видя одну из них, лучше предводительствующую их полетом, тотчас все следуют за ней. Также часто и один благородный жеребенок, резвящийся в конском табуне, увлекает за собою весь табун⁶.

Мы же все составляем одно стадо Христово, есть и у нас молодое жребя – цело-

мудреннейший Иосиф, своими небесными взыграниями призывающий нас, сорабов, к соревнованию ему. Итак, возвеселимся вместе с этим прекрасным юношей, в духовном ликовании⁷ прославляя его целомудрие, не одними словами только, но и через подражание его делам.

В самом деле, он был столь рачительным и твердым стражем целомудрия, что хотя было ему возможно, став распутным, сделаться богатым, и роскошествовать, и начальствовать над госпожой, хотя он мог обладать столь великими благами, он решился лучше умереть, чем сделаться предателем своего целомудрия. Ибо он знал, что богатство, могущество и слава преходят вместе с настоящей жизнью и что выгода от них – только временная, а никакого конца нет у одной только добродетели. Поэтому он набросил на [желание] удовольствия – как некоторую узду⁸ – страх Христов. Богатство же, пышность и посулы своей госпожи он осмел, считая страдания в темнице более приятными, чем жизнь в прекрасных чертогах, – хотя тем, кто отменно благообразен телом, трудно властвовать над желаниями. Он же представил такой образец испытания целомудрия, что красотой своей души смог затмить красоту своего тела⁹, так что по благообразию тела его следует уподобить некой прекрасной звезде, а по красоте души – ангелам.

Нам же надлежит удивляться не только целомудрию юноши, но и тем опасностям, каким он подвергался ради него, считая служение удовольствиям более страшным, чем сама смерть. В этом всякий может удостовериться¹⁰, если тщательно исследует его добродетель и учтет еще и сами времена, в какие он сохранил чистую свою душу. Ведь Иосиф достиг свободы своей души прежде явления на земле Владыки и Творца всяческих¹¹. Он снискивал пропитание в доме нечестивых; многие поощряли его на худшее; у него не было ни одного учителя целомудрия. Все были рабами удовольствия, – все потворствовали своему чреву, никто не делал ничего благочестивого, ничего святого. И, однако, живя среди столь многих таких нечестивцев и видя возлежавшую его невоздержную госпожу, он не оказался предателем небесных сокровищ¹², но сохранил свой храм Духа неопустошенным, предпочитая лучше умереть, чем служить удовольствиям. Он еще не слышал слов Павла, что *тела наши суть члены Христовы*¹³; но прежде чем услышал этот божественный глас, явил себя не уступающим [в целомудрии] тем, кто были почтены небесными обещаниями, уча нас, непрестанно сражающихся в Церкви, тому, как всячески подобает хранить душу от растления.

«Если я, – может сказать Иосиф, – рожденный до явления Божия и еще не видя Владычного образа, принявшего зрак раба, еще не слышавший возвышенного апостола Павла, восклицавшего, что наши *тела суть члены Христовы*, тем не менее посчитал, что Божиим рабам приличествует повелевать удовольствием, и не оказался предателем своего целомудрия, хотя и видел многие грозившие мне опасности, то в какой степени надлежит вам жить в целомудрии со страхом и трепетом, чтобы не оказаться недостойными [небесной] почести и чтобы *члены Христовы* не сделались *членами блудницы*¹⁴!»

Это слово может оградить целомудрием всякую душу; это слово легко изгоняет всякое [плотское] удовольствие; это слово остужает без труда пылающие вожделения. Не так легко льющийся на огонь дождь истребляет пламя, как Боже-

ственное это слово, пришед в душу, быстро угашает всякие лукавые похотения.

Такие же речи нам может говорить и великий Иов, который не только был тщательным блюстителем целомудрия, но даже положил для своих глаз закон не смотреть на лицо девицы, из боязни, чтобы явившаяся красота как-нибудь не восхитила его помышление¹⁵. Кто не удивился и не пришел бы в изумление оттого, что этот муж, поистине храбро боровшийся с диаволом и обличавший все хитрые замыслы лукавого, бежит не медля от лица молодой женщины и отводит глаза от благообразной отроковицы? Видя приступающего диавола, он не убежал, но, полагаясь на свои силы, остался на месте, как лев; при виде же девицы он не останавливался и не задерживался на созерцание ее красоты, но тут же удалялся. Ибо он несомненно полагал, что как в борьбе с демонами нужна мужественная и отважная душа, так, напротив, подвижничество в целомудрии состоит не в собеседовании с девицами, но вследствие удаления от них, чем легко побеждаются [вожделения].

Итак, кто ныне дает [пред Церковью] обещание девства, тот пусть восприимет советы от целомудреннейшего из всех людей, который и сам еще до воплощения Христа был столь рачительным блюстителем целомудрия¹⁶.

И пусть никто не слушает с пренебрежением, что и до воплощения Христа являлись праведники, представлявшие такой образец испытания целомудрия. Ведь тогда не было того, что с такою силою побуждало бы к этой добродетели, и даже святым не вменялось в великое преступление их нерадение о стяжании целомудрия. Как же это так? Да ведь по этой именно причине высочайший Бог, Творец всяческих, и принял наш образ, чтобы свести с неба святость ангелов. Итак, если и после такой оказанной нам чести окажутся люди, которые продолжают предаваться [чувственным] удовольствиям, то невозможно и выразить величину их дерзости, в силу которой, делая члены Христовы членами блудницы, они, насколько от них зависит, делают бесполезным для них человеколюбие Владыки.

Пусть послушают демоны и убоятся, что Бог не отвергает нас, позволяя нам соединяться с Собою, и Сам сочетается с нами. А после этого некоторые из верных отваживаются разрывать связь со Христом и соединяться с блудницами? Не столь велико зло свергнуться с неба и упасть в грязь¹⁷, сколь велико зло, сделавшись частью Христовой, лишиться божественной почести и стать частью блудодейцы. Поэтому, когда порочное вождление воспламеняет твою душу, ты тотчас вспомни о Христе, помышляй о том, что пред тобою стоит Павел, увещающий тебя, и говорит: *разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы?* Если ты приведешь себе на память эти слова, то сейчас же увидишь, как убежит от тебя похоть. Если целомудренная и благонравная госпожа одним своим видом тотчас делает целомудренными своих служанок, преданных постыдной страсти, то что удивительного, если воспоминание о Христе немедленно умерщвляет беспокоящую тебя похоть?

Всегда имей пред своими глазами блистающий Крест, и за это время ты уйдешь чистым от грехов. Подобно тому как столп облачный был образом и пророчеством Креста, который упокаивал множество народа еврейского и не допускал ему нисколько страдать от страха египетского¹⁸, так и ныне Крест перед глазами легко уничтожает всякое лукавое удовольствие и нисколько не позволяет стра-

дать тому, кто достоин нашего благочестия. Ведь он – спасение нашей души и спасительное противоядие от гнусных вожделений. В самом деле, немощи тела исцеляются искусством врачей, а больную душу немедленно излечивают Христовы изречения. Поэтому и тех людей, которые согрешили и еще служат удовольствиям плоти, просим и умоляем пробудиться и образумиться, чтобы им не оказаться совсем во власти страстей, не быть унесенными их натиском и добровольно не подпасть горькому рабству, но противостать в воинском строю, укрепить свой ум страхом Христовым и выгнать из крепости жестокую владычицу [– похоть]. Дабы, по удалении всякого порока и множества грехов, мы могли со святою и чистою душою приступить к божественным и страшным таинствам Великого Бога и Спасителя Иисуса Христа, Которому слава и власть во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: «Такая победа (Кесария), по моему суждению, гораздо выше и почтеннее Юлианова могущества, высокой багряницы и драгоценной диадемы. И повествованием о сем превозношусь я более, нежели как стал бы превозноситься, если бы Кесарий разделял с ним целое царство». (Свт. Григорий Богослов. Слово надгробное брату Кесарию (7, 14) // Григорий Богослов, свт. Собрание творений. В 2 т. – М.: Сибирская благовонница, 2007. Т. 1. С. 143).

² Ср.: «Итак, что же произнесено было сынами? Теперь весьма благовременно возобновить сие в вашей памяти, чтобы иметь вам из сих времен образец как подвижничества, так и мученических речей». (Свт. Григорий Богослов. Слово на память святых мучеников Маккавеев (16, 5) // Там же. Т. 1. С. 210).

³ Ср.: «Итак то, что в Царствии Небесном еще только готовится обетованиями, этим некоторые своим избранием и намерением заранее овладевают, это удерживают и этим владеют». (Свт. Афанасий Великий. Слово о терпении (PG, 26, 1297. Перевод наш. – А.П.).

⁴ Ср.: «И какие произносит она надгробные слова! Прекрасны, даже прекраснейшие из прекрасных были ответы сынов мучителю. Ибо не прекрасны ли те речи, вооружась которыми, низлагали они мучителя? Но еще прекраснее речи матери, сперва увещательные, а потом надгробные». (Свт. Григорий Богослов. Слово на память святых мучеников Маккавеев (16, 5) // Указ. соч. Т. 1. С. 210).

⁵ Намек на миф об Аполлоне и Дафне. Ср.: «...Так, согласно мифу – хотя и нисколько же в нем нет правды – та, которая осуждала преследующего, превратилась в растение; и хотя дева изменила свой облик, но осталась прежней похоть бога, и ветвь срывается и побежденная [похотью] голова [ветвью] от победившей слове [постыдно] венчается. И в самом деле я в своем слове указываю на лавровые венки награжденных в соревновании, которые даются победителям; ибо такова награда победивших, доставляющая им символ некогда побежденного бога, который они [с гордостью] носят на главе, который есть венок Дафны – такова ныне награда тех, кто желают побеждать в играх». (Свт. Афа-

насий Великий. Изъяснение об обмане диавола и о прелести идолов. Перевод наш – А.П.) Об этом также см.: Свт. Иоанн Златоуст. Слово о блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам (12). // Творения свт. Иоанна Златоуста. – СПб.: С.-Петербургская Духовная Академия. Изд. 2-е. 1898. Т.2. Ч.2. С.594-595.

⁶ Ср.: «Однако же чему всегда подвергается пламенность молодых людей, которая легко предается беспорядочным стремлениям, тому подвергся и я, пустившись в путь, как полный отваги молодой конь». (Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает свою жизнь // Указ. соч. Т. 2. С. 199).

⁷ Ср.: «И уже порывается и течет к торжестванию мое слово; оно облачается в веселье, как и все видимое; оно всех призывает к духовному ликованию (εἰς χορείαν πνευματικῆν), – всех, кто постоянно пребывал в посте, в сетовании и в молитве, и днем и ночью просил избавления от обстоящих скорбей и надежное врачество от зол находил в непосрамляющем уповании (Рим. 5, 5)». (Свт. Григорий Богослов, Слово Первое обличительное на царя Юлиана (4, 7) // Указ. соч. Т. 1. С. 63).

⁸ Ср.: «Вот вам слово о дне Обновления! Но и сами обновитесь и, совлекшись ветхого человека, во обновлении жизни (Рим. 6, 4) жителствуйте, наложив узду на все, от чего бывает смерть, обучив все члены, возненавидев или изблевав всякую негодную снедь древа и для того только памятуя древнее, чтобы избегать его». Свт. Григорий Богослов, Слово на неделю новую, на весну и на память мученика Маманта (44, 6) // Указ. соч. Т. 1. С. 555.

⁹ Ср.: «Юноша ли он? Мужественно восстанет против страстей и воспользуется юностью для того, чтобы не подвергнуться чему-либо свойственному юным, но в юном теле показать старческое благоразумие, и возрадуется о победе больше, нежели увенчанные в Олимпии. Ибо одержит победу на общем позорище (имеется в виду зрелище – А.П.) – на позорище вселенной, и победу не продажную. Преклоняется ли он к старости? Но не состарится душой, встретит кончи-

ну как предустановленный день необходимого освобождения, с радостью перейдет в жизнь грядущую, где нет ни незрелого, ни старца, но все совершенны по духовному возрасту. Наделен ли он цветущей красотой? В одной красоте будет просиявать у него другая, в телесной – душевная». (Свт. Григорий Богослов, Слово, произнесенное святым Григорием Богословом о себе самом (26,11) // Указ. соч. Т.1. С.321–322).

¹⁰ Ср.: «В чем всякий может удостовериться, если врачевание душ сравнит с лечением тел, изведает, сколько трудно последнее, и разберет, сколько наше врачевание еще труднее, а вместе и предпочтительнее, и по свойству врачуемого, и по силе знания, и по цели врачевания». (Свт. Григорий Богослов. Слово, в котором Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт (3,16) // Указ. соч. Т.1. С.32).

¹¹ «Что скажем о Маккавеех? Настоящее собрание для них. И хотя немногие их чествуют, потому что подвизались не после Христа, однако же они достойны, чтобы все их чествовали, потому что терпели за отеческие законы. Соделавшись мучениками прежде Христовых страданий, чего не совершили бы они, подвергшись гонению после Христа и став подражателями Его за нас смерти? И без такого образца показав столько доблести, не оказались ли бы они еще более мужественными, если бы страдали, взирая на пример Христов? Но есть также таинственное и сокровенное учение (весьма вероятное для меня и для всякой боголюбивой души), по которому из достигавших совершенства прежде пришествия Христова никто не достигал сего без веры во Христа». (Свт. Григорий Богослов. Слово на память святых мучеников Маккавеев (16, 1) // Указ. соч. Т. 1. С. 208).

¹² Ср.: «Ведь если бы он был бы лишен виноградника, то, пожалуй, и ум его лишился бы отеческого благочестия (τῆς πατρικῆς θεοσεβείας): ведь он оттого и назывался Израильтянином, поскольку был умом, зрящим

Бога». (Свт. Афанасий Великий. Слово о терпении (PG, 26, 1300. Перевод наш – А.Л.).

¹³ 1 Кор. 6, 15.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Иов. 31, 1.

¹⁶ Ср.: «Вас же [состарившихся] пусть не прельщают яства, да не говорит кто: «Я состарился и потому не могу поститься»; но такой пусть вспомнит старца Елеазара, который не был прельщен никакими хитростями царя, чтобы отведать или вкусить чего оскверненного. Юные же между вами пусть приводят себе на память семь благороднейших Маккавеев, и пусть взаимно ободряют один другого, т.е. брат брата, пока не завершат свой мученический подвиг, и таким образом и они будут в Храме Господнем как столпы света». (Свт. Афанасий Великий. Слово о терпении (PG, 26, 1304. Перевод наш – А.Л.).

¹⁷ «Возжелавшая же свято приступить к Святому, если она преуспеет в этом, то этим приобрела чудо удивительное [и зрелище, достойное уважения]; которая же не устояла в своем намерении, та испытала ужасное падение. Ибо гораздо опаснее упасть с высоты, чем упасть на земле; и чем выше обет, тем ниже падение. А обет девы превосходит природу, и возводит ее на небо, и поставляет ликовать с Ангелами». (Свт. Афанасий Великий. Слово о терпении (PG, 26, 1297. Перевод наш – А.Л.). «Это увещание касается всех, но в особенности оно относится к тем, кто подвизается в святости. Желавшие свято приступить к святому, если преуспеют в этом, достигают великих и славных венцов; а кому не удастся довести до конца свое намерение, те испытывают ужасное падение. И, конечно, упасть с высоты, как это понятно и само собой, опаснее, чем упасть на земле». (Свт. Иоанн Златоуст. [Слово] на евангельское чтение, и о девстве, и увещание к падшим девам // Указ. соч. Т. 12. Ч. 2. С. 935).

¹⁸ Исх. 13, 21.

О смирении

Как тело имеет нужду в одежде и когда тепло, и когда настает стужа, – так и душа имеет постоянную нужду в облечении себя смиренномудрием.

Прп. Ефрем Сирин (ок. 306–373)

Смиренномудрый и при величии своем не думает о себе много, а ничтожный и при малости своей много о себе воображает.

Как многие тщеславятся тем, что они не тщеславны, – так превозносятся и смирением... <...> Совершил ли ты какое-нибудь дело смирения? Не превозносись этим, иначе погубишь всё.

Свт. Иоанн Златоуст (ок. 347–407)

Никто не может быть доволен той ступенью совершенства, которую достиг; и кто чище будет духом, тот еще более видит себя нечистым, более находит причины к смирению, нежели к возношению.

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин (ок. 360–435)

Одна только добродетель смиренномудрия такова, что бесы подражать ей не могут.

Священная двоица – любовь и смирение; первая возносит, а последнее вознесенных поддерживает и не дает им падать.

Многие получили спасение без прорицаний и осияний, без знамений и чудес; но без смирения никто не войдет в Небесный чертог.

Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека.

Прп. Иоанн Лествичник (VI–VII вв.)

О смирении

Совершенство смирения в том, чтобы с радостью сносить [даже] ложные обвинения.

Как душа непознаваема и невидима телесными очами, так и смиренномудрый незаметен среди людей

Прп. Исаак Сирин (ок. 640 – ок. 700)

Истинные ученые подобны колосьям в поле. Пока колос пуст, он весело растет и гордо подымает кверху главу; но когда он разбухает, наполняется зерном и созревает, он проникается смирением и опускает голову.

Мишель де Монтень (1533–1592)

Когда не имеете спокойствия, знайте, что не имеете в себе смирения.

Прп. Лев Оптинский (1768–1841)

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, –
Высок смиренъем терпеливым
И крепок верой в Бога Сил,
Перед сатрапом горделивым
Израиль выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь.
Народ завыл, объятый страхом,
[Главу покрыв] золой и прахом,
И внял ему Всевышний Царь...

Александр Пушкин (1799–1837)

Религия производит то чувство, которого не может произвести ни наука, ни искусство и которое есть необходимое условие обеих, – смирение. Наука порождает гордость; гордость, самоуверенность необходима для науки; искусство презирает [суетный] мир, что также необходимо для искусства; но если человек совершенно доволен собою, он не пойдет далее. Надобно, чтобы на верхней ступени науки и искусства человек был еще недоволен собою – смирялся, тогда только ему возможны новые успехи.

Владимир Одоевский (1804–1869)

Смирение – жизнь небесная на земле.

Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости.

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

О смирении

...Христианин покажет прежде всего смирение, свое первое знамя, по которому можно узнать, что он христианин.

Николай Гоголь (1809–1852)

Со смирением и без больших подвигов в рай попасть можно, а без него, как без паспорта, не пустят в рай Божий...

Смиренная душа всегда светла. Омрачение души начинается, когда она станет много о себе думать, ибо это дело темных сил.

...Чаще напоминайте себе о своих оплошностях, которых немало у всех нас бывает. Да хранит вас Господь в смирении.

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

Смирение есть самая страшная сила, какая только может на свете быть.

Федор Достоевский (1821–1881)

...При смирении не может быть неверия; только гордость смеет не верить.

Прав. Иоанн Кронштадский (1829–1908)

Если обступают тебя тучи, <...> если людская неправда или незнание угрожают тому, что кажется тебе нужным, справедливым, добрым, – смирись, не соблазняйся об этих людях. Скажи себе: они лишь орудие в руках Божиих. Значит, не нужно того, что тебе казалось так нужно, значит, ошибается твой ум и близоруко смотрит глаз твой. Ведь ты не знаешь ни своей собственной судьбы, ни судьбы человечества.

Наипаче всего научайся смирению. Трудная эта наука, и многие она имеет ступени. Самая первая ступень – это когда открываются глаза на себя и отпадает то самообольщение, в которое неприметно с раннего детства погружается человек, себя воображая.

Прот. Сергей Булгаков (1871–1944)

Необходимо также отличать смирение, как внутренний и свободный духовный акт, от внешнего послушания. Послушание очень сильно у иезуитов и даже у коммунистов, но смирения [там] нет. <...> Всякий человек, который почитает себя и свой выделенный круг носителем полноты истины, уже поэтому легко впадает в горделивое презрение к миру и к людям. И эта гордость нисколько не ослабляется от того, что он будет лично себя считать грешным и недостойным.

Николай Бердяев (1874–1948)

Болезнь – вот школа смирения, вот где видишь, что нищ, и наг, и слеп.

Важна не «праведность» сама по себе – праведны были и фарисеи, но ложной

О смирении

праведностью <...>, праведностью наружной, надменной <...>. Все добродетели без смирения ничто.

Смиренному и простому не придет в голову ни мания величия, ни страдания от своего ничтожества.

Чем больше человек будет, забывая себя и свое, отдавать свое сердце Богу, делу и людям, тем легче будет ему становиться, пока он не достигнет мира, тишины и радости – удела простых и смиренных душ.

Признаки смиренных – не верить своим достоинствам, не знать даже о них (смиреномудрие), не осуждать, радоваться унижению.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

...Я не думаю, что смирение заключается в том, чтобы давать кому бы то ни было себя затоптать в грязь; какой бы то ни было начальник – офицер в армии, или священник, или начальник бригады – может быть глубоко смиренным, а по чувству ответственности поступать твердо, строго и решительно.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

Бог утром благословляет мир одной рукой, а смиренного – двумя руками. Смиренный выше всего мира.

Девство – одно, а смирение – другое. Многие гордые девственники оказались в аду.

Афонский старец Тихон (XX век)

Смирение. ...Произносишь это слово и сразу же сознаешь, что оно уже фактически не принадлежит к словарю современного человека как обозначение нравственной ценности. Наоборот – вчитайтесь в современную литературу, печать, вслушайтесь в то, что день и ночь преподносится современному человеку по радио, и вы сразу почувствуете, что наш мир <...> не хочет смирения. Воздух, которым мы дышим, пропитан хвастовством: каждый стремится возвысить себя, приписать себе то, что ему не принадлежит, и, главное, всегда и во всем быть правым. <...> Но христианство всегда знало об этой опасности, ибо оно основано на покаянии, на смиренном приятии всей правды о себе, которым только и возвеличивается по-настоящему человек.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Размышления над Евангелием:
страницы протоиерея Сергия СТАЦЕНКО

Первосвященство Христово и наше призвание

На этот раз мы коснемся не Евангелий, но другой части Нового Завета, в которой развиваются евангельские идеи. Если сам евангельский текст не всегда прост для понимания, то еще более «труднопонимаем» текст апостольских посланий, и в первую очередь посланий апостола Павла. Трудно было все в них уразуметь его современникам; даже апостол Петр писал:

..Долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания (2 Пет. 3,15-16).

А поэтому апостольские послания, которые читаются за богослужением, больше всего нуждаются в толковании.

Рассмотрим следующий фрагмент из Послания к Евреям, который достаточно часто слышат прихожане в наших храмах.

Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания [нашего]. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но, Который, подобно [нам], искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.

Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить [жертвы] о грехах. И никто

сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон. Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом [месте] говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека.

Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за [Свое] благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека (Евр. 4, 14; 5, 1-10).

Итак, кто такой первосвященник?

В древней Иудее существовал один-единственный храм в Иерусалиме, построенный царем Соломоном. В этом храме служила чередой священников, которые должны были приносить жертвы, и возглавлял их первосвященник, который исполнял свои обязанности ровно год. Затем его сменял другой, со своей чередой священников; третий, четвёртый...

Используя образ библейского первосвященника, апостол Павел сравнивает его служение со служением Господа нашего Иисуса Христа. Как первосвященник выходит на служение Богу для того, чтобы через жертвы добиваться прощения за духовное невежество и грехи иудеев, так и Христос вышел на свою земную проповедь и на служение людям, чтобы принести свой великий дар за невежество и грехи уже всего человечества. Дальше апостол усиливает свою мысль, говоря, что самый главный Его дар – Крестная жертва ценой собственной жизни.

Христос, который был Сыном Бога, но стал Человеком, при этом смирился, *смирился до смерти, до смерти на кресте*. И тем самым обрел имя *высшее всех небес*.

В православном богословии смирение Спасителя обозначается словом *кенозис*. Это термин греческого происхождения, означающий самоуничижение, которое выразилось и в воплощении Господа в человеческой природе, и в смерти на Кресте. Но в православном богословии кенозис Христов связывается с *теозисом* – обожением, освящением человека Божественной благодатью. В теозисе человек, кенотически отрекаясь от себя, уподобляется Богу и соединяется с Ним. И Первопроходцем в деле нашего спасения стал именно Христос.

Спаситель, по слову апостола Павла, стал Источником вечного спасения для всех тех, кто Ему послушен. И тогда Бог объявил Его Первосвященником.

Христос есть Бог, и Он есть Человек. Как Человек Он понимает все наши слабости и немощи, а как Бог Он может помочь абсолютно во всем, совершить любое чудо. Потому и Бог-Отец приводит Его в мир для того, чтобы сделать Его Посредником, Ходатаем за каждого из нас, Ходатаем, как ни странно звучит, – перед Самим Собой. И мы должны ясно понимать, что удобнее обращаться ко Христу, потому что Он был и остается Человеком, а потому понимает нас. И в то же время мы просим Христа-Бога, который является Творцом и Промыслителем над этим миром, а потому в силах помочь нам в любой нашей нужде.

Но здесь можно усмотреть и другую параллель. Обращаясь к последователям Христа, апостол Петр сказал: *...Вы – род избранный, царственное священство, народ*

святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; [некогда] непомилованные, а ныне помилованы (1 Пет. 2, 9-10). Иными словами, даже православные миряне по отношению к нехристианам, не крещеным, людям, которые еще ищут Бога, являются по статусу равными священникам. И мужчины, и женщины, и старые, и молодые.

И этот священнический статус не должен сводиться только лишь к посещению храма. Как священники, все христиане должны проповедовать, назидать и утешать близких. Христос когда-то возносил молитвы, взывал со слезами к Богу, который мог спасти Его от смерти. И в «мирянском» служении могут быть опасности, скорби и печали, но и уходить от этого мы не имеем права. Некогда Христос сказал: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты (Мф. 26, 39)*, подчинившись тем самым воле Отца и предав Себя крестным страданиям – хотя Он и просил вначале, чтобы чаша этих страданий Его миновала. Так же и мы должны ставить себе задачу не отойти от Христа, сохранить Ему верность и этим исполнить Его волю. Это можно назвать началом служения.

Ну а дальше – это молитва, это назидание, это беседа с близкими; проповедь своим образом жизни, которая имеет даже большее значение, чем словесная. Напомню правило преподобного Серафима Саровского: «Спасись сначала сам, а потом вокруг тебя спасутся тысячи», или по-другому: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Образцом этого для нас является Сам Господь Иисус Христос.

Мы выбраны из людей, но мы уже не просто люди. Как христианское священство – это не просто богослужebные и административные обязанности: на священнике есть надмирный отпечаток присутствия Божия, – так же и простые христиане-миряне, если искренне приняли Христа, тоже несут на себе этот отпечаток.

Итак, все мы имеем призвание Божие и силы для служения. Остается только переступить себя, совершить собственный кенозис... И с решительностью вступить на спасительную дорогу, ведущую в блаженную вечность.

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Всенощная под воскресенье; кто-то ее служит, кто-то пошел исповедовать, остальные – вынимают частицы из просфорок. Просфорок – гора, несколько сотен. Налаженный механический ритм движений: воткнул копьецо – выдернул частицу – в чашку, просфорку в корзину, и т.д. и т.д.

Живо вспомнилось детство: как долгими зимними вечерами в Богучанах всей семьей за большим столом в таком же механическом ритме лепили сотни пельменей.

Похожее ощущение: мир, поступательное делание, семья вместе.

И теплый желтый свет сверху: там, за окном, стемнело, там почти ночь; ангел включил над нами лампу, поправил абажур.

Если уничтожить в море всех кровожадных акул и всех опасных электрических скатов – не всплывет ли на их место ужасный Ктулху?..**

Если достичь исцеления от мелких болячек – не всплывет ли на их место вековая хроническая хворь?..

Подумалось: наши ежедневные грехи, в которых каемся, – порой как черные солнцезащитные очки: убери их одновременно от нас – и мы ослепнем от сияния Настоящего.

А ведь нам жить вечно – именно при этом Свете.

Господи!.. вот к чему надо готовиться.

А я чем занимаюсь?..

Быть – я не могу, так хотя бы – выглядеть...

Ничего нас не спасает ни от чего, только – любовь.

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII – XLV), 2017. Все примечания – ВС.

** Ктулху – спящее на дне Тихого океана фантастическое чудовище, способное дистанционно влиять на разум человека. Впервые упомянут в рассказе Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху» (1928).

С тем, кто тебя любит, можно перестать «выглядеть»; он принимает тебя таким как есть.

Нет, не потекает злу в тебе, и гневается, бывает, и все такое... но – принимает всего.

С тем, кто тебя любит, не страшно. Любовь изгоняет страх.

Любить Бога – человека – запятая: самого себя.

Ни одно из трех не может быть без остальных двух.

А пока этой любви только чаю, но не обрел – крест: мучаюсь...

Пытаюсь заполнить эту дыру чем попало, симулякрами релаксаций, тем, сем... все проваливается в дыру.

И этот крест – до времени – неизбежен.

Перечитываю историю Халкидонского собора.

Какой мрак, по-человечески говоря; какая грязь.

И вот они наконец все собрались, как только император *лично* цыкнул; и 14 заседаний заседали в каком-то там пригороде; и раньше-то все смертно боялись епископа Диоскора и Евтихия и их «черносотенцев» – сколько те «замочили», Флавиана-праведника убили, и никто рот не раскрыл; а теперь-то все с облегчением передохнули, под конвоем-то и в присутствии Высоких Особ, и даже заплакали хором от облегчения и приятства: «Дак сия же есть истинно вера православная! дак мы всегда знали и так и веровали! все ее любим!! кто не любит, ты не любишь?– я?! ты что!! я дак вообще не знаю как люблю! – да-да, и все ее свято исповедуем!..», и на радостях пытались Диоскора даже простить; и потом все хотели смыться по домам, а император опять цыкнул: «Куда-а?!..» – и опять сели, куда деваться (а рысы натерли, а камилавки потные жмут...) на свои места, и все заседали и заседали, и решали все эти протокольные, мало кому по сути интересные, внутрипартийные, в смысле – внутрицерковные, вопросы...

И среди всего этого – Халкидонский орос.

Как жемчужина из грязи; как умершее и воскресшее зерно из земли.

Итак, следуя святым Отцам, все мы единогласно учим, что Господь наш Иисус Христос есть один и тот же Сын, один и тот же совершенный по Божеству и совершенный по человечеству, истинный Бог и истинный Человек, один и тот же, состоящий из словесной (разумной) души и тела, единосушный Отцу по Божеству и тот же единосушный нам по человечеству, подобный нам во всем, кроме греха; рожденный от Отца прежде веков по Божеству, но Он же рожденный в последние дни ради нас и нашего спасения от Марии Девы и Богородицы по человечеству; один и тот же Христос, Сын, Господь, Единородный, познаваемый в двух природах неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно; различие Его природ никогда не исчезает от их соединения, но свойства каждой из двух природ соединяются в одном лице и одной ипостаси так, что Он не рассекается и не разделяется на два лица, но Он один и тот же Сын Единородный, Бог Слово, Господь Иисус Христос; такой именно, как говорили о Нем пророки древних времен и как Сам Иисус Христос научил нас, и как передал нам Символ Отцов.

Господи, думаешь, что же с нами такое...

Почему всё настоящее – можно из нас только палкой выбить... Как же вот так в нашей жизни всё.

В Сергиевом Посаде живем мы, снимая квартиру на Новоугличском шоссе, на девятом панельном этаже. Над нами – только небо.

Балкон тут большой, метров шесть в длину, незастекленный.

Летом в раме бетонного проема во все глубоко-синее ночное бездонное небо сияет Большая Медведица, она же Ковш-Братина, она же – Звездный-Кот-С-Хвостом, можно сидеть всю ночь на скамеечке и смотреть... и не надоест. И чего-то ей говоришь, и она отвечает... (помните, была такая попсовая песня Боярского: «Лишь один вопрос задам Большой Медведице»... потешно, да).

А сейчас – всё в этой раме сплошь брейгелевское, дымное, серо-белое с вплавлениями рдяного и глубоко-коричневого. Справа – темная линия шоссе, уводящая машины на Углич и Калязин; слева – крыши домишек (дачи), подпирающие окоем с линией русских лесов; над крышами туда и сюда броуновски летают рассеянные стаи ворон и галок – черные хлопья сажи... словно кто-то там день и ночь жжет дневники и старые письма (и проходит в аллеях, средь молчанья, где буря много листьев намела).

Сегодня на радио записали рождественскую передачу с Еленой Фроловой – она и певица, и поэт...

Пела она рождественскую песню.

И в ней такое место – «Бог возвращается домой».

Подумал: а ведь правда.

Св. отцы так и говорят: даже если бы не было грехопадения и Креста – Бог всё равно стал бы человеком.

С праздником Введения!

Всегда в Богородицины праздники слышен тихий, отчетливый поющий голос: словно колыбельная, от которой дети, ангелы, Бог и синие и золотые механизмы миров – утихомириваются, но не засыпают, а совсем, совсем даже наоборот.

Так тает снег в марте-апреле (настоящий, таежный), с таким тихим пением: не было-не было – и вдруг он уже стал как крупная прозрачная соль, весь почирканный хвоинками, в кляксах палых сосновых шишек, в мелком сору; и подснежник явил себя свету («а я не сплю!»), и всё журчит – в оттаивающей земле, в небе.

Думаю о судьбах русской словесности и русских... как?.. *словеторов?*..

Перечитываю эссе Саши Соколова:

«Ибо дело было в России, где литература, включая неприкаянную и нищую духом, есть дело чести и доблести, не говоря о геройстве. Она же – дело святое. Она же краеугольный камень культуры. И если в поры экономических неурядиц там слово заменяет валюту, то в годы вялотекущих репрессий – свинец» (Слово памяти Карла Проффера в Нью-Йоркской публичной библиотеке).

Или вот Мандельштам тут же: «Но люблю эту бедную землю, потому что иной не видал»...

И то, как воспринимали Мандельштама, и как хоть кого из «бывших» – того же Сашу Соколова, – ощущение такое, что оно восприятие – *кончилось*.

Действительно, мир переменялся. «Другую землю» видали уже из российских – все, ну или почти все, – и какой маленькой оказалась эта ойкумена... и как мало страсти стоит затрачивать на ее восприятие.

И какой маленькой – и какой *такой же*.

Глобализуясь, человечество атомизировалось; но это вовсе не так плохо, как может показаться. Один из выводов отсюда – раз ты *сам* теперь, то присмотришься к себе; Царство – или геенна – начинаются с тебя. Такое уж ныне время; как там у Льюиса в «Мерзейшей мощи», помните диалог Рэнсома и Мерлина:

– *Христианских королей больше нет. Страны, о которых ты говоришь, стали частью Британии или еще глубже погрязли в неправде.*

– *Что ж, обратимся к тому, кто поставлен сражать тиранов и оживлять королевства. Воззовем к императору.*

– *Императора больше нет.*

– *Нет императора?! – начал Мерлин и не смог продолжить. Несколько минут он сидел молча, потом проговорил: – Да, в дурной век я проснулся...*

Наше время – как никакое другое, представляется мне, время частных личных дел, малых, как стала мала планета, но важных: дел любви ли, каннибализма ли; мадоннского ли, содомского ли свершения.

А тех, старых, и их служения слову (Слову) – мы не забудем: вынь их всех из нас, таких как они есть, из нас таких как мы есть, – нас не останется.

Рассказывали про батюшку, который, видя пришедшую на исповедь именинницу, намеревающуюся причаститься, строго ее допрашивал на предмет знания тропаря своей святой.

А меж тем, никакой иронии тут нет: батюшка, может, и излишне крут, но «месидж» его требования таков: мы совершенно не знаем святых, именем которых называемся. А ведь они – наши старшие братья во Христе...

Ну, «мы» – это условно; кто-то знает, конечно.

Многие, увы, так и считают, что святые – это мифические полубоги, которые сидят в огромном офисе всяк в своей кабинке и отвечают всяк за свое: Спиридон – за квартиру, Антипа – за зубную боль, Флор и Лавр – за животную скотину, и т.д. ...

ОБЩЕНИЕ СВЯТЫХ

Мы когда-то считали, что нимб –
Просто блестящий металлический диск,
Которым голова прикрепляется к доске.
Мы за чудо почитали копоть икон
И неразличимость цветов. Чудес
Мы не знали. Но произошло
Открытие небес, светолитие дня.

Как молоды оказались вы!
Раскрыв рты, мы смотрим на вас,
Как младшие братья, позабыв совок,
Из песочницы восхищенно глядят
На белозубого брата-моряка,
Пришедшего на побывку весной.
Лучистый смех, сиянье погон,
Сильные руки, вверх взмывает малыш.

Так вот что такое пурпур – живая кровь!
Так вот что есть бытие – вохра и санкирь!
Так вот что есть золото – не металл,
Но живое сгущение света! Так вот
Что такое белое!

Когда вы склоняетесь, встаете близ,
Мы забываем уныние и печаль,
Одиночество, тревогу и плен, –
Собственно, все, что и составляет предмет
Нашей слезной молитвы к вам.

Сегодня у метро «Чистые пруды», в киоске, каких много, называющихся «Все книги по 50 руб.», обрел книжку Юрия Никулина «Почти серьезно».

Когда я сказал маме, что собираюсь писать книгу, она меня попросила:

– Только, пожалуйста, ничего в ней не ври. И вообще, когда напишешь, дай мне почитать.

Я думал, что книгу о себе писать, в общем-то, довольно просто. Ведь я достаточно хорошо себя знаю. У меня, как я думаю, окончательно сформировались характер, привычки и вкусы. Не задумываясь, могу перечислить, что люблю, а чего не люблю. Например, люблю: читать на ночь книги, раскладывать пасьянсы, ходить в гости, водить машину... Люблю остроумных людей, песни (слушать и петь), анекдоты, выходные дни, собак, освещенные закатным солнцем московские улицы, котлеты с макаронами. Не люблю: рано вставать, стоять в очередях, ходить пешком... Не люблю (наверное, многие этого не любят), когда ко мне пристают на улицах, когда меня обманывают. Не люблю осень...

Спаси, Господи, раба Твоего, солнечного Юрия.

Высоцкий о своих слушателях: «Мне они нужны даже больше, чем я – им...»

Сам всегда думал, а тут получил подтверждение: все наши пристрастия и восторги – будут взвешены на весах, и взвешиваются уже.

Если кто любит песни Высоцкого – молитесь, как умеете, о нем, ему сейчас весьма непросто.

Прихожанам: думаете, который батюшка сильный?

Который много молится или постится? – Не-а.

Которому много «харизм» дано? – Не-а.

А тот, за которого много людей молится. И держат они его, как штaketину в рассыпающемся заборе...

Никто из нас не остров, сказал мой «сослужитель» о. Джон Донн. И сказал чистую правду.

Спасибо вам – мои родные, друзья, сослужители, прихожане, сотрудники семинарии... спасибо за всё.

Есть расхожее выражение: человек растёт под грузом ответственности.

Если сверху давит, то многие избирают выход – вширь; расползаются, прорываются в тонких местах.

Но есть ещё путь – расти вглубь.

Жизнь продолжается, и путь вроде ясен.

Но, как известно, каждый процесс кроме результата имеет самодовлеющее значение.

Иногда по сему пути некто боголюбец несом Богом на руках (не очень часто).

Иногда – идет-таки своими ногами (совсем редко).

А чаще всего – выдохшегося боголюбца человеколюбец-Бог влечет, например, тащит за ногу, и головенка только о выбоины пути бум-бум-бум...

Под утро приснилось: зона; подросток-шустрила; худыми грязными пальцами, торчащими из серых рукавов, перебирает струны гитары-шестиструнки, не особо настроенной; поет пацаньим ломким голоском, на мотив «голуби летят над нашей зоной»:

«А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъёмный скоооот,
Патамушта все оттенки смысла
Умное число пиридаёт...»*

День святителя Спиридона Тримифунтского; у нас в храме есть, как известно, чтимая его икона с частицей мощей; и вчера на всенощной, и сегодня на двух литургиях – толпы народу, просто по храму передвигаться не было возможности в буквальном смысле...

Ага, скажут! нецыи полуверы идут выпрашивать благ, молиться о жилье, и прочее!..**

Оно так, да не только так.

Потрясающее всякий раз видение, переживание: единый Дух, животворящий и радостный, наполняет храм, исполняет Собою всех сих разномастных пришедших. И святитель Спиридон как бы – всюду среди всех.

* Из стихотворения Николая Гумилева «Слово» (искаж.).

** Считается, что молитвы к свт. Спиридону Тримифунтскому особенно помогают при материальных и денежных затруднениях.

И вот она Церковь Христова, какая уж есть.

Толпа; все стоят друг к другу тесно; настоятель испростыл, хрипит молитву сильным голосом из последних сил, а многие в толпе при сем – на колени пытаются встать и плачут; сипло звучит голос настоятеля, а – благодатно; тут же службу слушают, тут же, притулившись у шаткого аналоя, батюшки тьмочисленную исповедь принимают (вчера на помазание подошло примерно 1200 человек, на ранней сегодня причащалось почти две сотни, на поздней не знаю сколько, а храм-то, сами знаете, небольшенький, трещит по швам, люди стоят и во дворе, и на улице, кто представляет ситуацию – поймет) – какая там кабинка и приватность, всё тут же; кто-то наконец озвучил свой – немудреный и неоригинальный, а ему-то казалось воооон какой страшный и великий! – грех и плачет от облегчения, кто-то толком и о грехах сказать не может, а просто вот высказался – и его выслушали, и тоже глаза блестят; а вот кто-то – это уж наши, постоянные прихожане, «сознательные» – плывут в толпе, даже под благословение доплыть не успевают, но понимают, что тут ситуация экстремальная, только пискнут из толпы в сторону священника: «Батюшка, с праздником!» – покиваешь им, мол, ага-ага, и вас также!.. и поплыли они в людском потоке далее; а кто-то, уже причастившись, пробирается к исповедному аналою обратно и, запыхавшись, почти утерев в давке обязательный платочек, радостно кричит: «Ой, батюшка, а я же еще один грех забыла!.. вот то-то!..» – и все вокруг слышат, и улыбаются, но не зловредно, не искушаются, а держат собою и эту кающуюся, и эту волну общей радости. И, правда, видится воочию, как все эти грехи, ничтожные в сути своей, растворяются, как горсть мутной соли в веселом кипятке, скачущем в жизнь вечную, – «и были они одно тело и одна душа»...

Праздник, в общем.

Ни пересказать-то толком; ни, тем более, усокровиществовать... А оно и есть признаки – жизни вечной, настоящей.

С одним замечательным человеком как-то говорили...

Вот идет ли речь о причастии, о встрече ли с Богом, о Суде и т.д. – может ли быть человек «готов», может ли назвать себя – «готовым»?

Вроде бы – нет.

Но есть, выяснили мы, есть один момент, когда человек по-настоящему «готов».

Он есть.

Когда человек чувствует свою негодность, немощь, бессилие.

И вот тогда он готов – отдать себя в руки Богу...

Это как в детстве с болезнью – мы сдаемся в руки любящих нас, в руки слабости, одеяла, жара, градусника, горячей чашки, когда меняется картина, и в детской сумрачно горит рождественская скарлатина или пасхальный дифтерит, – не всегда, о нет, не всегда так сладостно, ведь и мы не дети, – но спасительно – точно всегда.

Мы не бэтмены.

Вот почему у нас есть Спаситель.

Вот почему мы призваны быть спасителями – со-спасителями – друг другу.

Знаете, как это бывает...

Когда смотришь любимый фильм, смотренный стоицот раз (чтоб хоть чем-то отвлечься от болей – несколько хвор...), а в дверях, просто случайно, походя, застывает сын, смотрит немного и говорит: «Ух ты. Пап, оставь диск, я тож потом посмотрю!..»

Как же это бывает.

(Фильм какой? «Жизнь как чудо» Кустурицы – первый, так уж вышло, который я у него посмотрел, и единственный, который до сих пор почему-то люблю безоговорочно и всегда, видимо, просто на уровне физиологии...)

Один врач мне сказал: «Я служу людям – а вы Богу, но я служу не менее искренно...»

И я не сомневаюсь, ибо он – хороший врач.

Думаю только вот о чем:

Бог и человек сходятся в одной точке – в Христе.

Служа Богу, служишь в первую очередь людям, потому что Бог стал человеком. И никакие жертвоприношения и иератические действия не заменят служение человеку – вот этому, конкретному...

Равным же образом, служа страдающим людям, служишь Богу, потому что Он вочеловечился и страдает всеми страданиями людей, и радуется всеми их радостями.

Потому спор гностиков-агностиков я считаю пустым и бессмысленным. Верно же?

Нет врага.

Среди человеков – нету.

Опыт новомучеников тому свидетель.

Как!!! возопите. А гитлер, а мэнсон, а берия!.. Да, им вполне можно при возможности харю начистить, и от всей души.

Но не они враги.

Враг один – бес.

(Да и тот... чмо какое-то, врагом не назвать)

Вчера был праздник трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого.

Думаю вот о чем: часто ли мы открываем и перечитываем их книги?.. особенно те, которые относятся, так сказать, к догматике.

Скучно, говорите?

Говорите, язык архаический, перевод не тот (одеяло кусачее, подушка душная и пр.)?..

Думаю, не в языке дело... Вернее, в языке, да. Точнее же: в том, что мы говорим с Василием и Григорием на разных языках – потому что живем *не так* и *не тем*, чем жили они... Богословие познается жизнью, не схоластическим умом... (ну, не все «мы», я не обобщаю... но многие из нас).

Есть такой закон: то, что написано в Духе, может быть прочитано и понято – в Духе же.

Троичность Бога, всякие усии, ипостаси и просопоны**, две природы во Христе и как они там взаимодействуют... казалось бы, зачем нам с вами вся эта эллинская премудрость?

А для одной простой цели: знать Бога.

Знать *своего* Бога как можно более точно.

Чтоб не принять за Бога кого-то другого, не обожествить чего-то, что – не Бог..

Ложный Бог, *не тот* Бог – не спасет нас. От одиночества, от скверны, от смерти. Ни от чего. Ложный – не дает жизни.

Вот оно зачем, богословие; вот над чем бились великие каппадокийцы против множества ересей, вот зачем лилась кровь, когда на соборы врывались то безграмотные монахи с дубинами, то преторианцы, распропагандированные броскими лозунгами и подогретые деньгами...

Нам бывает трудно это понять – мы все получили в готовом упакованном виде, а сил открыть упаковку, да еще и жевать и переваривать – у нас, бессильных, нету...

Думаю о свободе...

Что происходит с человеком, имеющим «известность» (неважно, актер он, политик, священник или пр.)?

Он теряет свободу.

Имею в виду сейчас просто – обывательское понимание «свободы»...

Если ты известный некто, то уж в своем фейсбуке не напишешь, чего в ум взбрело или сердце подсказало, – но заводишь отдельную, тайную страницу.

Если ты известный актер – то без темных очков в метро не проедешь.

Если ты известный священнослужитель – а я наблюдал таких, и немало – то одно из верных средств, охраняющих твое здоровье, покой и возможность собрать силы, чтобы и далее свершать своё служение так, как ты считаешь должным, – молчание, в том числе в СМИ.

Если ты известен Богу – то какие ломки сопровождают твое состояние, когда ты собираешься сделать то, что не с маху-то сочтешь угодным Богу, а знаешь, что Он – вот Он, стоит рядом и всё видит.

Страшное средостение между одиночеством – и приобщенностью, свободой – и любовью.

Мы, живущие в мире сем, пытаемся как-то найти компромисс, как-то приспособляемся... а вот как оно будет в «жизни будущего века»? Верю, что гниль греха отпадет – и всё *преобразится* (как, помните, у Льюиса в «Расторжении брака» – ящерица похоти, быв убиенна, *преобразилась* в прекрасного скакуна...), но – как именно?.. не могу помыслить.

Знаю одно: известные слова поэта и летчика Экзюпери (к слову, с этих слов мне приходилось начинать разговор с подростками про секс – и иных более верных я

* *Усия* (греч.) – сущность. *Просопон* (греч.) – лицо.

не находил...), слова про то, что мы в ответственности за тех, кого приручили, для меня звучат еще и так: мы в зависимости от тех, кого приручили.

Мы хотим, чтоб эти узлы зависимости были развязаны?

Или на самом деле – не хотим?

И – кто должен их развязать?

Или – не развязать, но преобразить?

Опять Ты, Господи, Своими пробитыми руками?.. или?..

Если только Ты – то что такое слова о синергии, со-работничестве Богу? Православное «бла-бла-бла», которые мы повторяем век за веком, сдавая в семинариях зачеты по догматике?..

А если – мы? если – я?..

Вчера в храме Воскресения Словущего в Брюсовом переулке был праздник в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших».

Сколько людей плакало перед ней... Иногда кажется, что блестит не риза иконы, не золотые украшения и крестики, положенные к образу в виде благодарности, – блестят слезы человеческие. Сначала – мутные, полные жалобы, претензии, злости на жизнь, а потом – слезы, которыми плачет утешенный и спасенный...

Неделя о Страшном Суде.

Господи, да скорее бы.

Расставить точки над человеческими i... подвести итог: чего мы имеем за период земной жизни, и – главное – как и в какую сторону жить дальше... в жизнь-то вечную.

Утешает одно: не кто-то там нас будет судить, а Сам Господь, который – долготерпелив и многомилостив, хотя и суров. Не думайте, не потаковник. Пастырь, опытно и мудро усматривающий, чего подходяще для овец, чего – для козлов.

Критерий понятен, после вочеловечения Сына Божия: видел ближнего? ну и чего тебе еще, значит – видел Бога. Вот и служи ему...

Больного посети. (Нет-нет, списка там нет, кого можно посещать, кого не рекомендуется! типа, а!! этот болен СПИДом или сифилисом, или там туберкулезом – поделом ему, пусть гниет, его не надо посещать... А вот этот – болен доброкачественным православным насморком, вот его комфортно и безопасно посетить можно, православную марлевою маску нацепив...).

Заклученного тоже посети (Чикатилу, что ли?! да ни в коем разе! а только того, кто невинно страдает за веру!.. Да ведь последних, душа ты моя, в нынешнее времечко практически и нету... кто там страдает за веру, большинство – по своим грехам. Покойный наш духовник Минусинского благочиния, о. Александр Суматохин, говаривал: «Да какие там искушения – обыкновенное головотяпство!». Где они сейчас, страдальцы за веру? Разве что вот – в Сирии. Поедешь в Сирию, туда, где ИГИЛ вихрем воет? Не хочешь? А чего хочешь?.. ах, на Лазурный берег хочешь, или в Ибицу? спасти погибающих в Ибице?.. Ну, вольному воля).

Приими странного – не только бомжа с Курского вокзала (сей образ стал уже

Иерей Сергей КРУТЛОВ. «Царство Божие – здесь»

штампом у проповедников церкви православной). Станным, странствующим, посторонним – время от времени бывает каждый из нас, когда жизнь нас кинет, повернется задом, обманет, поставит подножку, выставит лузером и лохом, анти-социальным элементом (эта формула – «антисоциальный элемент» – в оные времена была уголовно и политически свинцовой)... Не погнушайся принять того, от кого не увидишь отдачи, никаких бонусов, бесплатно, даром, – и то уже подвиг.

Кто видел, распознал и принял всех сих немощных человек – тот принял и Бога в образе человека.

Как просто, скажет кто-то...

Ага.

Как бы не так.

А почему «скорее бы»?

Это другой разговор.

П.С.: воспоминания навалились...

Вспомнил, как причащал периодически на дому трех мужиков... туберкулезники-распадники.

И ничего...

Молод был, бесстрашлив.

Да и Господь хранил.

Мария БУБНОВА

Слышать и говорить

*Слава Тебе за животворящую силу труда...
Из акафиста «Слава Богу за все»*

1

Родилась я здоровой, крепкой девочкой в далеком Магадане. Родители, инженеры-проектировщики, приехали туда по собственному желанию – увлекались геологией. Девятилетняя Лена очень хотела иметь сестру и была рада моему появлению на свет.

Когда мне исполнилось полтора года, в Магадане прошла эпидемия гриппа с осложнениями на уши. В то время лечили пенициллином, который тоже иногда поражал слух. Через некоторое время родители обнаружили, что я не отзываюсь на зов. Так началась моя новая жизнь – в глухоте.

Мама надеялась, что можно вылечить и это не глухота. Но ничего не помогало. Наконец врач утвердил диагноз: глухонемота. То время я не помню совсем, припоминаю себя уже в два с половиной года. Мы переехали в Горький, где родители жили раньше.

Я вижу непонятное шевеление губ мамы и папы. Они общаются между собой как-то удивительно, недоступным способом, а со мной только жестами. Я не могу повторить то, что они говорят, рот плохо двигается, я гортанно извлекаю:

– А-а-а...

– Мба-мба-мба...

...И не могу остановиться. Меня и не останавливают.

Родители смотрят на меня сочувственно и выполняют любые желания. Я быстро поняла, что могу делать все что хочу, однако не престаю границ дозволенного.

Вглядываюсь в фотографию двухлетней девочки. Взгляд обращен внутрь, не пускает в свои мысли, как и окружающий мир не пускает меня к себе. Я не могу еще спросить, то ли я делаю, так ли поступаю. Сомнения, неуверенность удручают

меня. Стараясь утвердиться в непонятном мире, но не умея выразить свою правоту, часто плачу, капризничаю. Вот мама везет меня на саночках, а мне не хочется сидеть, я хочу бежать по снегу, но мама догоняет, усаживает, я сопротивляюсь, плачу от обиды – почему она не понимает, что я хочу сама! Через несколько дней опять санки – значит, мама опять повезет туда, где сделают больно, уколуют, и я уже сознательно вскакиваю с санок. Кажется, мама понимает, потому что берет меня на руки, несет, а я опять плачу: ведь будет больно!

Три недели по четыре укола в день, и так каждые полгода. Терплю, хотя сердце от страха дрожит и жметя к ребрам. Я и сейчас очень боюсь уколов, хотя сама делаю их своим детям.

Когда хочу сказать «Не люблю суп!», с силой отстраняю рукой тарелку. Суп проливается через край, я злюсь – протестую! Гущу не ела до самого замужества.

Пытаюсь угадать, что от меня хотят, или – что хочет мама от папы, а папа – от мамы, а потом вижу их действия, усваиваю, подражаю. Вот папа хмурится, глаза суживаются, веки дрожат. Я что-то сделала не так?

А если это не я виновата? Я волнуюсь, готова расплакаться. Мама подходит, что-то говорит папе, улыбаясь. Он смеется, треплет меня по голове. Я ничего не понимаю, но тоже радуюсь: в семье все спокойно.

Папа что-то говорит, смеется, а в комнате кроме меня никого нет. Я подхожу, заглядываю ему в глаза – кому он говорит смешное? Он берет меня на руки, и мы идем на кухню, где мама жарит котлеты. Я понимаю, что это она звала нас из кухни.

Еще интересней наблюдать разговоры мамы по телефону. Тут я от души болею за нее, следя за выражением лица. Основное впечатление укладывается в понятия «хорошо-плохо». Иногда ошибаюсь, преувеличиваю степень этих понятий и переживаю, сочувствую, жалею...

Когда немного подросла, стала самонадеянно предугадывать то, что хотят сказать мне, и, забегая вперед, действую – бегу выполнять или наоборот, обижаюсь, ухожу. Этим я грешу и по сей день.

В отличие от мамы, сестра со мной весела, как будто не замечает моих проблем. Играет со мной, хотя и старше, и выше меня ростом. Особенно ярко помню, как она зимой резво бежит по дороге, тащит за собой меня, сидящую на санках. Потом она сама села в них и показывает руками: давай, тащи меня! Поднатужившись, с трудом, но радостно тащу слишком тяжелые для меня санки.

Я вижу домашнюю мебель, еду, стены и потолок, дорогу, парк с цветами и деревьями и запоминаю предметы, особенно их расположение, различаю и устанавливаю их свойства и связи. Люблю рисовать. Мама расстилает на полу длинный лист обоев тыльной стороной, я с наслаждением смешиваю краски на куске картона, наношу их толстой кисточкой на мой «холст» – полосками, кругами, просто косыми линиями, стараюсь, чтобы ни одного клочка не осталось свободным, наблюдаю, как что-то возникает из ничего. Мои «картины» были оранжево-малиновых тонов. Зеленого, синего я не люблю. Тем более – черного. Моя ежедневная одежда – красный вельветовый сарафанчик с белой блузкой. Я ни за что не хочу надевать синее платье, хотя на нем вышиты цветы, такие же красивые, как в парке.

Одно из самых сильных и болезненных воспоминаний детства – больничная койка в палате и зримое, осязаемое чувство одиночества. Это было, когда мама привезла меня в Москву из Магадана на первую консультацию по методике Леонгард и на обследование слуха (мама надеялась, что все пройдет). На занятии температура поднялась до сорока. Меня увезли на «скорой» в городскую больницу. Маму туда не пустили. Пролежала целый месяц. Оказалось – аллергия с астмоидным компонентом. Через неделю после выписки – корь, следом – ветрянка...

И вот это чувство одиночества хорошо помню. Лежу на огромной неудобной металлической кровати, боюсь спускаться с нее. Гляжу на сидящую напротив женщину с маленьким плачущим ребенком. Потом перевожу взгляд на мрачную бледно-зеленую стену. На ней расписаны яркими красками симпатичные зверушки в красивой одежде (это уже потом я узнала бы в них крокодила Гену и Чебурашку). Почему я здесь, одна, без мамы? Кто-то берет меня за руку и ведет в огромный зал, где все едят. Меня сажают за стол. Я плохо ем, ищу глазами, где мама. Вдруг вижу окно, куда все подходят и что-то берут. Я бегу туда. Увы! Мамы там нет. Но я терпеливо стою здесь каждый день и жду. Может, мама подойдет сюда?

Ко мне подходят какие-то тети с добрыми глазами:

– Как тебя зовут?

Я молчу, не понимаю их. Не знаю слов, не знаю, как меня зовут. Не знаю, что в холодильнике лежат пакеты с фруктами для меня, никто их мне не дает.

Мама, увидев меня после выписки, заплакала: я стала робкая, забитая, нервно терла правую руку об левую... Но тихо обняла маму и прижалась к ней. Она успокоилась: дочка узнала ее! Она уже знала, что со мной делать.

Болезнь моя и ее последствия задержали обучение речи еще на два года. Двух бабушек унесла преждевременная смерть, а деды со своими семьями живут далеко. Поэтому папа утром уходит на работу на весь день, мама рано идет в соседний техникум, где работает уборщицей, но успевает вернуться к уходу сестры в школу. Все мое детство мама не бросала работу (техничкой, кассиром, дворником – нужны были деньги).

...Я просыпаюсь позже всех. Яркий луч солнца скользит по лицу. Пол некрепко сколочен из длинных досок и поэтому прогибается под тяжестью ног, передает вибрацию кровати, которая стоит вплотную к стене, отделяющей кухню от комнаты. Жду маминого прихода.

Но вот пол передает чуть заметную вибрацию маминых шагов, проносится легкий ветерок. Кровать мягко оседает. Мама! Вижу светлую улыбку. Ее рука ласково скользит по моему плечу. Она разминает мои пальчики и ступни. Потом приближает рот к моему уху и произносит:

– Доброе утро!

Сквозь плотную темноту глухой тишины я вдруг слышу в одном ухе мягкий шумовой поток:

– До...о... у...!

Тишина опять плотно закрывает мои уши. Но мама снова разрывает эту тишину повторным потоком. Я привыкаю к этому звучанию, запоминаю и пытаюсь повторить его. Все-таки это звук. Значит, есть надежда.

Улыбаясь, показывает в окно, направляет в ухо новый звуковой поток:

– Солнышко.

Определяю, как это звучит:

– ...О ...Ы ...О.

Мама поворачивает мою голову и говорит уже в другое ухо. Я смутно начинаю понимать, почему все люди говорят ртом. Она еще много раз будет день за днем повторять эти звуковые потоки, пока я не привыкну к ним.

Потом показывает табличку и произносит:

– Вставай!

Я вижу слово. Его длину. Смотрю на мамины губы: сначала они немного складываются, потом приоткрываются, показывая ряд зубов, потом резко отталкиваются друг от друга, снова складываются и отталкиваются, наконец, губы закрываются, одновременно растягиваясь, как бы улыбаясь. Я вспоминаю и осмысливаю значение *вставай* (оно повторяется каждый день) и пытаюсь повторить за мамой. Потом резко вскакиваю с кровати и чувствую, как она быстро оседает и тут же выпрямляется.

– Иди в ванную!

– Умой лицо!

Я макаю зубную щетку в круглую коробочку зубного порошка, как всегда, пробую на вкус. Он сладковато-мучной. Нюха у меня нет – я постоянно болею носом, горлом.

Потом мы идем к небольшому деревянному ящику с разными металлическими движениями – тренажеру. Мама надевает на меня какие-то черные твердые подушечки с ободком – наушники. Мне неудобно, я не понимаю, чего она хочет от меня. Но она успокаивает жестом, включает тренажер, настраивает регулятор громкости и подносит микрофон ко рту:

– У-у!

Тишина закончилась, я отчетливо слышу яркий вибрирующий поток звонких и резкое дуновение в микрофон шипящих! Я выхватываю микрофон у мамы и сама звучу и слушаю свой голос! Удивляюсь и весело смотрю – что это? Еще больше начинаю понимать, что у меня что-то с ушами, что только в тренажере на несколько минут могу услышать себя, маму ...

Наконец, когда я успокоилась, попривыкла к этому ящичку, мама берет у меня микрофон и руками сверху вниз ударяет по воздуху:

– Па-па-па... Па!

Губы у мамы закрыты, потом резко отталкиваются друг от друга. Я пытаюсь повторить за ней, но выходит:

– Мба-мба-мба...

Сначала я учусь понимать звуки, предметы, и только потом, когда уже понимаю их значение, учусь четко произносить эти слова.

Потом ударяем руками слабее, как бы обмякаем. Надуваем губы:

– Ба-ба-ба... – Ба!

Вижу разные движения рук и губ и понимаю отличие звучаний друг от друга:

– А-а-а! – руками медленно сверху вниз, губы приоткрыты, как бы тихо кричат.

– О-о-о! – руки вверх, губы открыты, сложены овалом.

– У-у-у! – руки вперед от себя, губы складываем в трубочку.

– И-и-и! – указательные пальцы снизу вверх, губы растянуты, как бы улыбаются, открывая зубы. Я даже понимаю, что «и», в отличие от первых трех звуков, высокий, и это приводит меня в восторг!

Через несколько месяцев я увижу в Москве храм Василия Блаженного с разноцветными куполами, остановлюсь от восхищения и сразу подумаю о звуке И! Именно этот храм, тянущийся ввысь, в небо, напомнил мне этот звук! «Это собор». Я возражаю: «Нет! – и указательными пальцами два раза показываю вверх. – Лили-бор!».

...Мама снимает с меня наушники. Я чувствую приятный шум в ушах и легкую усталость. Тишина опять привычно обволокла меня.

Мама зовет меня с табличкой:

– Иди ешь.

Радостно бегу в кухню. Аккуратно разбиваю ложечкой верхушку любимого, всмятку сваренного яйца и ем с маленькими кусочками хлеба, намазанными сливочным маслом.

Мне хочется пить, и я зову маму, подношу руку ко рту, держа воображаемый стакан и запрокидываю голову.

Мама возмущается:

– Скажи: дай! – Резко взмахивает ладонью и движениями к себе. Я повторяю за ней и чувствую, как с движением рук легче выталкивается звук.

Я повторяю «Дай», понимая, что не добьюсь от мамы ничего, пока не произнесу это слово. И получаю чашку сладкого чая.

– Пойдем гулять!

И вместе с табличкой «Надень» подает мой любимый красный сарафан с белой блузочкой, носки, панамку. Я надеваю все это с нетерпением, застреваю в рукаве, мама помогает, и мы, наконец, выходим на улицу.

...Во дворе я немного играю с соседскими ребятами. Их матери и бабушки не обращают внимания на мою глухоту, ласково относятся ко мне. Илюша, Андрюша и другие играют со мной в мяч, прятки, догонялки, лазают на деревья. С ребятами я не замечаю своего недостатка, но иногда чувствую разницу между нами – когда они разговаривают или спрашивают меня, а я не могу ответить.

Иногда Андрюша дразнит меня, но я понимаю, что он хулиганит, и не обращаю внимания. С Леной, соседкой с верхнего этажа, у меня хорошие отношения. Она старше на несколько лет и очень любит меня. Она живет с больной мамой, в квартире бедная обстановка. Мы ходим друг к другу в гости, она дает мне все игрушки, поднимает меня на руки и кружит. (Но настоящая искренняя дружба появилась позже – с детьми, которые, как и я, оглохли в раннем возрасте и также стали заниматься по методике Леонгард. Жестов я не знала до отрочества, хотя мама иногда показывала фигуры из пальцев – А, О, С, Т и другие буквы).

Мама держит меня за руку. Что-то с шумной вибрацией и ветром проносится

мимо меня, я провожаю взглядом большой и подвижный предмет. Мама показывает рукой:

– Там ав-то!

Я читаю и понимаю это, но прошло много времени, пока наконец-то смогла произнести:

– Там афо.

Поиграв на детской площадке, мы идем по дороге. Мама, к моему удивлению, начинает скакать то на одной ноге, то на другой: «Оп-оп-оп...» Скакать, держась за руку мамы, необыкновенно весело и легко, чувствую себя птичкой, за спиной развеивается подол платья! Потом уже, в ярких снах, я летаю под самым потолком, выпархиваю в окно и парю над землей...

Мама, запыхавшись, садится на скамейку. Достает таблички «красный», «синий»:

– Дай красный цветок.

Рядом разросся сказочно красивый шиповник. Я осторожно отрываю от колючей ветки яркий цветок и несу маме. Она берет его, гладит меня по голове:

– Хорошо! Теперь синий...

После прогулки мы опять играем. Мама достает удивительную картонную коробочку, с загадочным видом смотрит туда. Я вся замираю в ожидании: что там?

– Та-ам – прррр!

Мама достает из коробочки ярко-красную блестящую лошадку, которую я готова без конца разглядывать, трогать, но мама ставит ее на стол, двигает вперед и говорит:

– Прррр бежит!

Я послушно повторяю за ней, с интересом наблюдая – что же будет делать эта «прррр»?

Мама надевает на мои плечи плетеную упряжку с бубенчиками, сама берет концы, и я бегу по комнате, изображая лошадку, везущую маму по дороге.

Зовет меня, растрепанную, к столу. Продолжаем слуховую игру.

В мамином конспекте за 1979 год появится запись: «После тренажера захотела послушать, как пищат утка и собака, на правое ухо».

Мама стирает белье в тазу, я стою рядом. Рукой в мыльной пене она берет табличку: «Стирай носки». В другой руке у мамы великолепная стиральная доска. Вот бы и мне такую! Но она слишком большая и тяжелая, так что ограничиваюсь тем, что намыливаю на левой руке носочки и промываю в воде.

Вечером папа приносит маленькую стиральную досочку. Теперь и я с радостью тру на ней свое и куклино белье! Для мытья полов у меня свой тазик с ручками и тряпочка. Мама с табличкой «отжимай» показывает, как по-настоящему отжимать тряпку.

Люблю помогать маме вертеть мясорубку, лепить котлеты: круглые, прямоугольные, треугольные; печенье «Узелок». Учусь читать вслух сказку «Колобок» и лепить настоящий колобок из муки и сметаны. Не могу дождаться, когда мама достанет его из духовки и он остынет.

Вот подходит к концу мой обычный день. Я очень люблю вечер, вечером при-

ходит с работы папа. Когда включается свет в прихожей, я бегу и бросаюсь к нему на грудь. Он обнимает меня, я тихонечко отхожу и жду, когда он поест. Мама объяснила мне:

– Подожди! Папа ест!

Наконец папа садится на диван и сажает меня на колени, обнимает, пытается поцеловать в щеку, а я вырываюсь, потому что у него борода колючая. Папа смеется...

Еще я очень люблю накрывать на стол для всей семьи и ждать, когда все соберутся на ужин. Раскладываю тарелки, ложки, вилки – как на картинке в «Трех медведях»: это – папе, это – маме... Особенно весело ждать гостей, тут я – хозяйка дома! А потом, когда все усядутся, поедят и начнут разговаривать, я ложусь на спинку дивана и за всеми наблюдаю, пытаюсь понять, чему они смеются.

Я смотрю не только на губы, но и на лицо, глаза говорящего. Когда он волнуется, мне трудно понять его, тоже начинаю волноваться. И когда смеется – тоже трудно понять из-за растянутых губ, прошу его не смеяться и говорить внятно. Постепенно поняла еще одну вещь: не всегда человек говорит то, что у него на душе. Иногда я обманываюсь в лице даже близких: например, не хотят показать свою болезнь, и я уверена, что они здоровы, с ними все в порядке. Я не разбираю их кашель, какой он, не слышу их больного голоса и другого, что можно определить по тонкому слуху. И все же, мне кажется, глухих трудно обмануть. Я сама понимаю, когда в магазине или на рынке обсчитали меня, но предпочитаю не ругаться и ухажу. Но это бывало редко.

Отголоски того глухонемого периода сохранились и сейчас, много лет спустя. Я по привычке гортаню (то есть извлекаю звук из гортани) при надевании слухового аппарата, настраивая громкость:

– А. а. а.

Так резко, хрипло, что мои дети пугаются и вопросительно смотрят на меня. Я смеюсь:

– Это я включаю аппарат, не пугайтесь!

А еще временами, когда долго не могу заснуть, сама себя покачиваю телом, ритмично. Точно так же я одна покачивалась на кровати без мамы, когда лежала в детских больницах.

2

Мама озабоченно собирает мои майки, колготки и другую одежду в чемодан, о чем-то думает, наморщив лоб. Я подхожу к ней, трогаю за руку, смотрю ей в глаза.

Мама улыбнулась, берет со шкафа одну из наших книжек. Под картинками мы вырезаем полоски из бумаги, заклеиваем тексты и крупно подписываем: авто, поезд, самолет... Она перелистывает альбом, находит картинку и показывает:

– Вот! Мы едем на поезде в Москву!

Я вспоминаю, как мама на занятиях руками крутила воображаемые колеса и пыхтела: «Ту-у-у!» Я бегаю за ней по кругу и тоже пыхчу. Жду с нетерпением встречи с поездом.

Наконец все собрались и присели на дорожку. Папа встает, а за ним и все мы, сестренка обнимает маму, потом меня. Мы одеваемся тепло, выходим на улицу. Темно, снег искрится. Я на ходу, держась за руки мамы и папы, высовываю язык и ловлю на него хлопья. Потом прищуриваю глаза и сквозь щелки вижу длинные лучи лампочки...

Мы садимся в полупустой автобус с двумя большими усами наверху. Я еще не знаю, как он называется, через год дам название ему: трамвайбус. Когда я сообщила об этом, пассажиры почему-то засмеялись, и мама тоже!

Мы едем довольно долго. Смотрю на мелькающие дома, деревья и потихоньку засыпаю. Просыпаюсь, когда папа уже снимает меня с плеч. Оглядываюсь: длинный ряд больших, темных автобусов на колесиках. Так вот как выглядит поезд! Папа сажает нас в поезд, и мы следим за ним, идущим вдоль вагонов.

– Пока, папа!

Мама ведет меня в одну из комнаток, и мы садимся. Мама укладывает меня на нижнюю полку к стене, сама ложится рядышком.

Просыпаюсь от ласкового маминого поглаживания. Скоро Москва. Надеваем шапки, пальто, выходим на платформу. Мама достает книжку и показывает картинку:

– Это тоже вокзал, платформа... А это – метро.

Сколько народу! Я невольно сжимаю мамину руку, боясь потерять ее.

Выходим из метро и идем по нарядной улице. Вот мы в лифте с закрытыми ставнями поднимаемся на наш новый ночлег.

Мама остановилась у двери с многочисленными звонками и приклеенными надписями, достает ключ (позже я узнала, что его дали друзья, а хозяйка уехала в отпуск) и открывает дверь. Мы робко входим. В коридоре стоят несколько холодильников и вешалок. Осторожно пробираемся к нашей – третьей комнате. Она оказалась небольшой, уютной. Поставили сумки с чемоданом в углу и пошли на кухню. И там оказалось три плиты и несколько тумбочек. Так я узнала, как выглядит коммунальная квартира.

Мы позавтракали и поехали за первым в моей жизни слуховым аппаратом. Его везли специально для меня из Дании, сначала в авто, потом в самолете, потом снова в авто. В большом здании женщины, улыбаясь, разворачивают коробочку и вынимают маленький предмет, размером с кусочек туалетного мыла. Потом прикрепляют сбоку тоненькие проводочки и вставляют мне в уши розовые стеклянные пробочки. Они хоть и красивые, но такие холодные! С ними стало как-то неудобно в ушах, но когда настроили аппарат на самую малую громкость и включили его, я услышала беспорядочный шум. Это так ошеломило меня! Первый раз в жизни уже не дома, за тренажером, могла услышать все вокруг – шорох коробки в руках женщин, чей-то разговор, какой-то гул в большом здании. Я не хотела расставаться с аппаратом, но мама сказала:

– Потом!

Потом мы поехали туда, где большой усатый дядя усадил меня в кресло и мягко вложил в мои уши теплую замазку, похожую на пластилин. Улыбнулся:

– Жди!

Я терпеливо сижу и жду. Он осторожно вынул два слепка из моих ушей. На следующий день мы снова приехали, и он вручил нам готовые розовые, мягкие вкладыши из специальной резины, которые как будто приросли к моим ушам. Отныне и до сих пор я пользуюсь только такими индивидуальными вкладышами. Они делаются на заказ.

...После обеда и короткого сна мы сидим за небольшим столиком. Я рисую полку и нас с мамой, бочком на ней. Потом метро с автоматом, эскалатором. Мама подписывает слова, и я все больше узнаю и постигаю их значение. Аппарат теперь ношу один час с перерывами в течение дня. Мама сшила для него фланелевый мешочек с резинкой и повесила мне на шею. Вот сейчас она достала аппарат и приближает к губам, произносит «У-у» или «аф-аф». Подносит аппарат к моему рту, и я повторяю произнесенное мамой в микрофон, слушаю свой голос. В аппарате слышу все по-другому, чем в тренажере, и могу ходить с ним куда угодно. Я слушаю, как журчит вода из-под крана, как звонко падает ложка, и смех в аппарате стала распознавать – его невозможно спутать ни с каким другим звуком.

Идем гулять. Мама разрешила мне лазать на лесенку около дома, качаться на качелях! Я не гуляю одна, без мамы, как другие дети. Она сидит на скамейке, а я верчусь на перекладинах. Вечером коридор оживает: пришли с работы жильцы комнат.

Мама сидит в кухне и о чем-то разговаривает с соседями. Они видят меня, улыбаются и гладят по голове, угощают печеньем. Дядя Саша, папа моего нового приятеля, несет кипу бумажных полосок, фломастеры, и вскоре везде появились таблички: «стол тети Ани», «холодильник тети Люды», «звонок», «комната соседей»... Все как у нас дома!

Как только я появляюсь в коридоре, кто-нибудь зовет:

– Маша! – и ждет, оглянусь ли я. Если услышу свое имя – дает игрушку или шоколадку. Если нет – еще раз зовет, пока не откликнусь. Позже, много лет спустя, я стала перелистывать мамины конспекты занятий того времени и спросила, что значит интригующая фраза – «работа на рефлекс»? Она вспомнила этот эпизод.

Наконец мы расходимся по комнатам. Мама укладывает меня спать на кушетку. Я не хочу расставаться с аппаратом и кладу его под подушку. «Пока!» – говорю ему и маме, и моментально засыпаю.

На следующее утро мы едем к тете Миле на занятие. Я не перестаю восхищаться станциями метро. Мама достает записную книжку и загадывает мне слово: к ___ а. Я отгадываю: это кошка!

Приехали в НИИ дефектологии. Перед дверью кабинета мама поворачивается ко мне:

– Скажи: привет!

Мне немного страшно. Но в кабинете нас встречают ласковые карие глаза тети Милы, они сразу успокаивают меня. Я робко говорю:

– Пывé!

– Привет, Машенька! Как ты живешь?

Пытаюсь ответить:

– Хошо! Мето, качеи...

Тетя Мила серьезно слушает меня, потом что-то говорит маме. Я осматриваюсь. В кабинете много аппаратов, наушников, тренажеров, столиков и ярких игрушек. Тетя Мила достает пирамидку, разбирает на части:

– Это большой круг, средний, еще меньше и маленький... – Перемешивает их: – Сложи.

Я думаю, потом нанизываю их по очереди на палочку. Она одобрительно улыбается, берет плюшевого мишку и говорит, показывая его движения:

– Мишка упал. Лапа болит. Мишка не плачет. Мишка сидит. Теперь ты покажи! – И передает мишку мне.

Я повторяю за ней слова и радуюсь, что сказала так много и долго, совсем как мама!

Тетя Мила прикрывает рот тетрадкой и говорит:

– У-у!

Я вслушиваюсь, но пока слышу неопределенное. Она повторяет, и я переспрашиваю:

– У-у?

Она кивает головой, отодвигается немного дальше и говорит:

– Мя-у.

После трех повторений с трудом определяю. Все-таки в тренажере это звучит по-другому, надо привыкнуть к аппарату. Тетя Мила поворачивается к маме и долго говорит ей. Та быстро записывает в тетрадь.

Наконец тетя Мила обнимает маму на прощание, а та горячо благодарит ее.

Лишь несколько лет спустя я поняла, почему мама всегда смотрела на нее с благоговением. Эмилия Ивановна Леонгард спасла ее от отчаяния, да и не только ее, но и многих матерей оглохших детей. Это она посоветовала маме обязательно достать хороший слуховой аппарат для меня. Благодаря ей началось мое медленное вхождение в мир слышащих.

А тогда день завершился прогулкой по Александровскому саду. Мама подводит меня к маленькому домику и покупает нам бутерброды с красной икрой, сладкий чай. Я пробую на язык эти невиданные соленые шарики и не замечаю, как все слизнула с булки. Вот это счастливое мгновение запомнилось мне, и когда говорят о Москве, я вспоминаю эту икру на фоне красных стен Кремля, грот, где пережидали дождь...

Дома я играю с мальчиком в прятки. В разгар игры мама зовет меня в комнату. Вижу доброе, миловидное лицо незнакомой женщины. Мама представляет:

– Это тетя Аня, хозяйка комнаты. – И обводит руками все пространство.

Тетя Аня гладит меня по голове и угощает конфетами. Мы садимся, она режет мне апельсин, мама показывает ей мои рисунки. Потом она укладывает меня спать. Тетя Аня тихонечко включает ночник на стене, гасит свет и ставит себе раскладушку. Мама сидит на кровати у моих ног и читает тетрадь, в которой записала слова тети Милы.

Завтра меня опять ждет любимое метро. Но здесь поджидает еще одно открытие: метро не только под землей проходит, но и по земле. Смотрю на появившиеся

из туннеля улицы, мосты, высокие дома, стеклянные станции. Наконец выходим и идем пешком. Пока поднимаемся по лестнице, репетируем:

– Тетя Ира, привет!

У меня плохо получается:

– Тятя Иа, пыве!

Дверь открывает светловолосая женщина. Улыбается нам:

– Вы минута в минуту! Молодцы!.. А почему мама развязывает шарф? Ты... что?
– Вопросительно смотрит на меня.

Я растерялась, пытаюсь ответить:

– Я не...

– Достаяю? Так и скажи, а не стой, как барыня... – И показывает с иронией это так, что я представляю себя ленивой и краснею. Хорошо понимаю ее по губам, она четко артикулирует, чуть громче обычного. Мама внимательно слушает и записывает в тетрадь. Три таких толстых тетради – зеленая, желтая и красная – до сих пор хранятся у меня.

Мы идем в комнату, тетя Ира по пути задает мне новые вопросы:

– На чем ты приехала? Ах, на поезде? В каком вагоне? А номер?

Я растерянно смотрю на маму – про номер мы не проходили. Тетя Ира продолжает:

– Что ты любишь делать? Рисовать? Хорошо, нарисуй два гриба.

Мы садимся за маленький столик, и я рисую. Потом тетя Ира вынимает из моего кармашка аппарат, настраивает громче и говорит:

– Будем слушать.

На этот раз я определяю по слуху уже не одно слово, а сразу два: «утка плавает», «мама пишет»...

– Покажи!

И я плыву уткой, «пишу», как мама, и так далее. Тетя Ира улыбается:

– Хорошо! Встаем! Поднимаем руки: «У», опускаем вниз: «Па!» У-па-ла! – И мы падаем на пол. Эта речевая зарядка мне очень нравится, и я еще хочу размахивать руками и топтать ногами, но тетя Ира говорит:

– Хватит! Делаем перерыв! – Я с удивлением отмечаю, как незаметно пролетел час занятия! Мы идем в прихожую, я решительно одеваюсь сама. Тетя Ира продолжает:

– Отдохнете, пообедаете – и придете опять, поиграем!

Мама ведет меня в ближайшее кафе. В голове все еще стучат слова, звуки, которые услышала у тети Иры, но постепенно затихают. И за компотом я, наконец, расслабляюсь, смотрю с интересом на стену кафе, на сидящих...

Но вот пора к тете Ире. Она встречает нас снова вопросом, и я напрягаюсь, чтобы понять ее быструю речь по губам. В комнате сидит какой-то мальчик с его мамой. Тетя Ира зовет его и ставит рядом со мной посередине комнаты. Втроем говорим «та-то-ту», поднимая правую руку и медленно опуская в такт ритмам. Я вижу, что мальчику так же трудно говорить, как и мне, тетя Ира то и дело показывает на свой рот, как произносить это трудное «т». Тетя Ира удовлетворена, отпускает мальчика с мамой, а я прыгаю птичкой, размахивая руками: «пи-пи». Тетя

Ира воет «у-у-у!» – она волк. Так мы отрабатываем незаметно сложные для моего рта звуки.

Потом тетя Ира показывает нам альбомы других ребят, которые у нее были. Мне хочется так же красиво рисовать события каждого дня, и я обещаю себе стараться дальше. Наконец прощаемся и выходим.

Так полетели дни наших игровых занятий у тети Иры. Утром я с мамой дома читаю, леплю, рисую в альбоме под текстами мамы. Потом обедаем и уезжаем к тете Ире. В метро мама составляет мне кроссворды, я решаю их. Или рассказывает, куда мы едем, описывает, например, деревья, пишет слова песни... У тети Иры я учусь улавливать интонацию в голосе:

– Где мама? – высоким голосом, поднимая ладонь вверх.

– Тут! – указывая на маму, низким голосом. Лицо тети Иры, разные звучания при вопросе и ответе завораживают меня.

– Ты меня слышишь?

– Я слышу тебя!

Вечером мы пишем письмо папе и Леночке. Точнее, мама просит меня нарисовать что-то, и я рисую папу, сестренку, себя и маму. Подумав, пририсовала еще тетю Аню. Потом подписываю: «Это семья. Я ем, пишу, рисую, играю у тети Иры, гуляю. Пока! Маша».

А мама написала такое письмо:

«4 декабря 1979 г. ...Ирине Владимировне мы очень понравились. Она меня искренне похвалила и сама прямо сияет вся, рада за нас, хоть конечно, есть за что и стружку снимать. Но главное все же (и Эмилия Ивановна это говорит) – Маша зазвучала... «Сырье» я привезла хорошее. Теперь уже сразу начали «лепить». Я очень вовремя явилась, хорошо, что не затянула. Сама бы я не додумалась, а меня уже за эти два дня научила Ирина Владимировна, как надо действовать, чтобы Маша говорила сама. Начали учиться читать, это процесс кропотливый... Маша трудится с удовольствием, с Ирины Владимировны глаз не сводит и очень переживает, если не знает чего-то. Прямо-таки белеет вся и страдает. Это ей тоже надо, а то она ко мне привыкла, но учиться будет со временем и у других.

Вчера занимались с перерывом с девяти до четырнадцати, устали. Сегодня (и всю неделю, кроме понедельника) будем заниматься с четырнадцати часов дня, раньше все забито, а это удобней, чем ездить к восьми утра. В двенадцать тридцать мы уже уезжаем из дома, и в восемнадцать только приезжаем. С утра – дома занимаемся. В связи с этим отменила дневной сон. Сегодня Маша выдержала день хорошо. В двадцать тридцать укладывается спать сама...»

Однажды в перерыве между занятиями встречаем в кафе того мальчика с мамой, который произносил «та-то-ту». И обрадовались друг другу! Представляемся:

– Максим.

– А я – Маша.

...Десять лет спустя мы встретились на Всесоюзной родительской конференции 1989 года и стали друзьями на всю жизнь. Между нами завязались очень интересные беседы – о Боге, общих увлечениях – книгах, мы полюбили историю. И

наконец, с удивлением вспомнили, что у нас был один и тот же сурдопедагог – тетя Ира Чистова. Максим рассказал, как она сказала ему:

– Встань!

Он встал на ноги со стула. Но тетя Ира испытующе посмотрела на него:

– Встань на стол!

А он не понял. Ведь мы, глухие, не слышим это слово ежедневно и не понимаем его значение в разных ситуациях. И тетя Ира заботилась о том, чтобы мы понимали слово «встань» везде, где можно, даже «встань на голову». Тут я вспомнила, как с табличкой «прыгай» мы весело прыгали, она вперед, я за нею – на двух ногах, потом назад, на одной ноге... Так мы учились, обыгрывая каждое слово. Читали «стол» и бегали на кухню, в комнату дочки Кати – ко всем столам в квартире.

Максим окончил обычную школу, затем исторический факультет Нижегородского университета. Работает в музее Морского гидрофизического института, в котором работал его отец – ученый физик-моревед. Когда-то пределом мечтаний родителей было поступление сына в обычную школу, потом – чтобы поступил в университет. Но он пошел гораздо дальше.

...Но вот пришло время уезжать домой. Тетя Аня даже заплакала, провожая нас до метро. Мы прижались к ней, помахали рукой и уже идем одни. Прошло, наверно, всего десять дней, а сколько слов я узнала, немного даже «говорю». Сколько нового увидела – и интересных мест, и хороших людей! Но я думаю уже о своей квартире в пятиэтажном доме, о папе с сестренкой.

...Подходим к поезду. Мама говорит мне: ищи наш шестой вагон. И я бегу с желанием помочь маме. Останавливаюсь, машу ей: вот он, шестой!

Дома заждались нас папа с Леной. Мы пьем чай всей семьей, мама показывает мой альбом-дневник, я декламирую тети Милин стишок о мишке... Взбираюсь на плечи папы и ложусь на шею, как кошка. Папа рассматривает мой слуховой аппарат и одобрительно кивает. Через месяц я стала носить аппарат уже целый день. Мама понемногу увеличивает громкость до тех пор, пока она не достигнет нормального для моих глухих ушей усиления – четырех с половиной. Можно бы и больше, но аппарат начинает свистеть. Я потихоньку привыкаю к шуму в ушах, он меня не оглушает, не пугает. Постепенно начала различать в аппарате неразборчивый разговор людей, шелест бумаги, рокот проносащихся машин, резкое дуновение ветра, лай сидящей поблизости собаки... Уши устают не только от шума, но и с непривычки, поэтому ноют и немного чешутся. И когда на ночь снимаю аппарат, то испытываю облегчение и крепко засыпаю беззаботным сном.

Виктор МОИСЕЕНКО

От Сырдарьи до Калинина

*Сырдарьинские этюды**

В середине 60-х, пережив трудные военные и послевоенные годы, дождавшись определенной стабильности, часть сырдарьинских семей опять кинулась на поиски лучшей доли. Везде в стране требовались рабочие руки, повсюду появился стабильный заработок. Устроившись на новом месте, перетягивали родственников, друзей, соседей по улице. Для переселения в разные годы были «модными» определенные города и районы России. Сейчас можно стрелками на карте указывать направление миграции сырдарьинцев с начала шестидесятых годов.

На нашей улице начиналось все с Крыма, где, после проведения канала от Днепра, осваивались новые земли, создавались совхозы. В такой совхоз в 1965-м году уехали очень хорошие знакомые нашей семьи – Квашины. До переезда, по выходным, они часто гостили у нас, и мы даже в шутку называли воскресные дни «квашинскими». Очень дружна была мама со своей ровесницей тетей Верой. Они даже оставляли общий стол и уходили в «залу» для отдельного разговора. У стариков Квашиных был единственный сын Иван, ровесник моих старших братьев. Его жена Гала и была инициатором отъезда, а старики остаться одни, особенно без четырех внучат, не могли.

Около месяца от Квашиных не было писем, и каким было радостным первое письмо от сватьи Веры для мамы. За годы общения они хорошо изучили друг друга, и первое письмо подробно рассказывало о бытовой стороне жизни на новом месте. Тетя Вера Квашина описывала, как нашли через улицу хозяйку с коровой, какое на вкус и по цене молоко, цены на овощи и фрукты на рынке и на чем готовят еду.

Через некоторое время стали приходиться уже не такие радостные письма, а в одном, описывая новую работу сына и снохи, тетя Вера писала, что жалеют о ста-

* Продолжение. Начало в ВС №№ 4 (XXXII), 2013; 1-2, 3, 4 (XXXIII–XXXV), 2014; 1-3 (XXXVI–XXXVIII), 2015; 1-2 (XL), 2016; 2 (XLI), 2017.

ром месте, как оказалось, старикам не очень подошел крымский климат. Тетя Вера стала жаловаться, что у нее «судорожат» ноги и при кашле в легких булькает. Но постепенно Квашины приспособились к климату и смирились с бытовой стороной жизни. Внучатам больше нравилось в Крыму, чем в малекском совхозе. Но стал больше выпивать дядя Архип, вина вокруг было с Черное море. А вскоре стариков отделили от семьи сына, оставив им маленький купленный домик. Иван с Галой получили от совхоза коттедж. Вот тут мы стали получать письма с размазанными от слез строчками. Мама сажала нас с сестренкой писать по два успокоительных письма на каждое полученное от сватьи, а Крым стала называть «окаянным».

Поехал на разведку в Крым и наш молодой сосед Манаков. После окончания сырдарьинского педагогического института он распределился учителем английского языка в школу Белогорского района. Его родители также около месяца ждали от него письма, а получив первое – успокоились и тоже стали поговаривать о переезде в Крым. Но однажды, после какого-то письма, старший Манаков, в бриджах на подтяжках и цветной рубашке-«финке», умчался до железнодорожной станции, чтобы ехать в Ташкент. Человек он был пробивной и сумел улететь в Симферополь из Ташкента в каком-то почтово-грузовом самолете. В Симферополе, добираясь до сына, неожиданно встретился с ним в троллейбусе. Показал удивленному сыну письмо от хозяйки дома, в котором тот квартировал. Добрая старушка писала родителям, что их сын в беде, что его вот-вот «охомутает» гулящая девка, а он парень добрый и доверчивый и ничего не хочет слышать о беспутности невесты. А дело и правда шло к свадьбе, он уже писал об этом родителям. Младший Манаков прочитал письмо, сказал отцу, что разберется и если это правда, то вернется домой. Отец чуть ли не в этот же день был в Ташкенте. А младший Манаков, убедившись в правдивости рассказов хозяйки дома, перебрался в соседний Бахчисарайский район, где народ, особенно ученики, оказались сложнее, чем в прежнем районе, – и к новому году вернулся домой. О Крыме друзьям и соседям рассказывал с раздражением.

«Ожило» направление в Луцк, куда проложил дорогу Витя Захарченко. Он перетаскал туда, как цыплят, четырех сырдарьинских красавиц, поочередно разводясь с ранее привезенной. Не сделав желаемой военной карьеры и застряв в звании майора, он сильно запил. Бывшие жены в Сырдарью не возвращались, в Луцке жизнь была сытнее, многие зарабатывали на контрабанде из Польши. Присылали посылки оставшимся в Сырдарье родственникам.

Сырдарья «не простила» Вите четвертой увезенной невесты. Эта была первая красавица Сырдарьи – Нина Рюмшина. Она была намного младше майора, наивнее предыдущих жен, и после нескольких лет жизни с пьяницей-мужем психологически сломалась. После развода с ним приезжала навестить родственников. Несмотря на молодые еще годы, она странно горбилась, а от былой красоты не осталось и следа. Но с Луцком расстаться не захотела и она. Там уже сложилась приличная диаспора из бывших сырдарьинских жителей, родственников и друзей уехавших невест.

Нашу семью тема переездов и поиска новых мест не должна была волновать ни с какого боку. Мы пустили в Сырдарье глубокие корни, и нас как будто все

устраивало. Тем неожиданнее оказалось желание старшего брата Саши переехать в Краснодар. В Краснодаре уже двенадцать лет жили двоюродные братья Дима и Николай, сестра Марина и их мама тетя Фекла. Это была семья репрессированного в 1937 году брата отца – дяди Феди. Братья работали в Краснодаре на автобусе, как и Саша в Сырдарье. Услышав о переезде, мама сразу заявила, что это «работа» снохи Веры. Действительно, жена брата мечтала о большом городе, о перспективах для двух подрастающих детей и потихоньку подталкивала мужа, заведя частую переписку с его двоюродными братьями. В 1968 году, в мае, взяв отпуск на автотранспортном предприятии, брат решил ехать на разведку. В случае положительного решения, его жена после отпуска должна была занести на подпись его заявление об увольнении.

Провожать Сашу до Ташкента вызвался его сменщик на новом «Москвиче». Мы стояли у ворот дома брата и ждали маму. Он разговаривал со сменщиком, сноха Вера причесывала дочку, я раскачивал руку деда Мельника, – и тут увидели подходившую к нам маму. Она шла медленно, но в лице ее было что-то такое, что брат оборвал разговор и насторожился, а дед быстро вошел в ворота. И тут началось такое... Мама стала громко причитать: «Да кто же тебя толкает из родного гнезда? Да ты же мой помощник, да ты же мой защитник! Да что мы будем делать без тебя?». И так громко и с таким подвыванием, что не только из ближних, но и из дальних соседних домов выскочили люди. Сноха стала успокаивать маму, мол, он только на разведку, только погостить, и еще неизвестно, получится или нет... Но мама на нее даже не глядела, а продолжала плакать и причитать. И вдруг так же неожиданно развернулась и медленно пошла к своему дому...

А дальше было так: брат доехал до Краснодара, остановился в семье у тетки. Наутро побывал на новой работе. Ему показали его автобус, на работу брали с удовольствием. Но к вечеру он сел под грушей и прокурил всю ночь в раздумьях. А утром братьям сказал: «Нет, поеду-ка я домой».

А мама как будто была уверена, что он вернется. Восприняла все естественно, хотя до нее доходили слухи, что старшая сноха жаловалась друзьям, мол, свекровь все «перебила». Брат, судя по всему, о несостоявшемся переезде не жалел.

А в 1973 году, заканчивая среднюю школу, я окончательно решил поступать в российский вуз. Мне хотелось новых впечатлений, новых знакомств; была и мечта о трудовых подвигах, так как в десятом классе все классные часы мы проговаривали о новых комсомольских стройках и даже обсуждалось одно предложение: всем классом после школы ехать на строящийся КамАЗ. Часть класса была на стройках. Сергей Байгулов семь лет проработал на стройках в Комсомольске-на-Амуре. Луиза и Валя Цой после работы на новых стройках остались жить в Кемерове; в Новосибирске осталась Тамара Михайлова.

Три сырдарьинские семьи в свое время переехали на постоянное место жительства в строившийся подмосковный наукоград – Зеленоград, скучали по Сырдарье и поддерживали связь с земляками. Хвалили в письмах соседний областной город Калинин, ныне Тверь.

В городе было четыре вуза. Поступать в Калининский университет на исторический факультет я поехал сразу после выпускных экзаменов в школе, не дожидая-

ясь выпускного бала. Знакомые написали о месячных подготовительных курсах в университете перед вступительными экзаменами. Втайне я побаивался получить ту же сцену, что устроила мама старшему брату. Но меня до обидного легко отпустили: мама была уверена, что я не поступлю. Наши школьные знания с российскими не сравнить, считала она. Ведь три месяца в году мы пропадали на сборе хлопка, а потом ускоренно догоняли учебную программу.

В ночь перед вылетом я допоздна гулял с друзьями, лег спать в два часа ночи, а вылет самолета был в 7:30 утра. В 5 часов утра подъехал к дому старший брат на недавно приобретенных «Жигулях». Сквозь сон я слышал их разговор с мамой во дворе и даже вопрос брата: «Не передумал ли?». Малодушные под утро на время посетили меня. Было трудно просыпаться, и мелькали мысли: не поехать ли подавать документы в Самаркандский университет: об истфаке этого университета были хорошие отзывы... Я дошел до ведра с холодной водой, побрызгал на лицо, и все встало на свои места. Мама проверила в чемодане положенную с вечера иконку Николы Чудотворца, положила кусочек домашней лепешки...

Взлетное поле ташкентского аэропорта в 1973 году было отделено металлической решеткой, и сразу с площади после регистрации билета и багажа пассажиры шли с вещами к своему самолету. Мы собрались под днищем ТУ-114, женщины прятались от утреннего солнышка в тени самолета, а мужчины рассматривали снизу самолет, и, как всегда, нашелся очкастый умник лет сорока, который указывал на слабые конструктивные места в этом чуде авиационной техники.

С московского аэропорта я на электричке добрался до станции метро Павелецкая, от нее до Комсомольской и с Ленинградского вокзала, не заезжая к знакомым землякам на станции Крюково, два часа сорок пять минут пути любовался российскими просторами. Зеленая электричка шла по зеленому коридору из трав и лесных деревьев. Сказочные остановки – Подсолнечная, Подберёзово – будили в памяти «Берендеево царство» Пришвина и «Мещеру» Паустовского. На платформе Калинина я пропустил весь поток прибывших со мной пассажиров в тоннель под путями, а сам подошел к работавшим путейцам и спросил о возможности снять в городе квартиру. От путейцев отделился мужчина лет тридцати и продиктовал мне адрес своей тети, проживавшей в Заволжском районе, по Силикатному проезду, № 9. Подробно объяснил, как туда добраться. Я спустился в пустой тоннель, вышел на железнодорожную площадь, полюбовался парком, окруженным литой металлической решеткой. Скоро подошел нужный мне трамвай номер шесть из двух новеньких чешских вагонов, и сказка продолжилась. Трамвай пересек весь город, по мосту проехали Волгу (я сравнил ее ширину с родной рекой Сырдарьей). Проехали Тверцу и въехали в частный сектор. Эта была та же Сырдарья, с бегающими по улицам собаками, с просто одетыми людьми и пробивавшейся у заборов травой. И это разделение – красивого европейского центра с нарядным людом и простоты окраинной жизни – мне очень пришлось по душе. Вот и остановка «Проезд Котовского», а рядом Силикатный проезд, а вот и тетя Катя Гусева – шестидесятидвухлетняя женщина, без разговоров указавшая комнатку в своем доме за десятку в месяц. В 150 метрах находился пологий берег Волги, усаженный созревающей колхозной капустой, – к вечеру я успел сюда сбегать и искупаться. Там познакомился

с двумя братьями Неверовыми, запросто переплывавшими широкую Волгу туда и обратно. Старший, Борис, был студентом юридического университета КГУ.

В пятидесяти метрах от дома находилась столовая первого силикатного завода. От Силикатного проезда трамвай проезжал еще две остановки до места под названием Александровка, разворачивался среди окружавших остановку огромных сосен и уходил обратно на железнодорожный вокзал. А Александровка станет еще одним, кроме Волги, моим любимым местом отдыха.

Подготовительные курсы себя оправдывали, дали возможность систематизировать знания, познакомиться с другими поступающими и увереннее себя чувствовать к началу вступительных экзаменов.

Хозяйка относилась ко мне по-родственному. Часто говорила, что я не поступаю, но тут же заявляла, что это примета такая – если она будет часто такое повторять, то случится обратное. Тетя Катя очень сильно поддержала меня в те сложные месяцы.

Пришло время вступительных экзаменов. В тот год учитывался средний балл аттестата и большую роль играла оценка на первом экзамене по профильному предмету – истории. Конкурс был 9 человек на место, больше только на юридическом факультете – 10,2 на место. С Божьей помощью, каким-то чудом, я успешно сдал устные предметы, написал сочинение и увидел свою фамилию в числе поступивших сорока абитуриентов, к которым добавились десять человек с рабфака – годовичных курсов для рабочих и солдат. Наш курс поделили на две группы, выбрали старост и за каждой группой закрепили преподавателя.

Старостой нашей группы избрали Ларису Плечкову, девушку из группы рабфаковцев. Доброжелательная, хорошая гимнастка, к сожалению, она станет первой из нашего курса, оставившей этот мир, если не считать Женю Иванова, который покончит с собой сразу в год окончания университета. Лариса уйдет в 2002 году; в 2003-м – Наташа Чуркова. Остальные, слава Богу, пока здравствуют и надеются на очередную встречу однокурсников.

В начале сентября вместо учебы нас ожидал полуторамесячный выезд на сбор картофеля. За Калининским университетом был традиционно закреплен Весьегонский район, самый дальний и самый северный. Студенты со старших курсов предупредили нас о необходимости запастись теплыми носками, резиновыми сапогами и теплыми, непромокаемыми куртками. Второго сентября между корпусами общежитий выстроилась вереница машин с отентованными кузовами и закрепленными в них скамьями. Ехали около шести часов. Под конец приелась даже живописная красота проезжаемых мест. В Весьегонске, в районном центре, водители получили распределение по разным колхозам. Наш автомобиль прибыл в деревню Гора, в колхоз имени Максима Горького. Дело было к вечеру, нас встретили председатель колхоза Волков и бригадир Юрий Иванович, который и распределил нас по домам. Виктор Молотов, Николай Лучинин и я попали к Марье Ивановне Опаркиной, одинокой старушке с частично парализованной левой ногой, и летом и зимой обутой в валенок. Четырнадцать девчонок разместили по другим домам.

Я погрузился в новый, удивительный мир – мир среднерусской деревни.

Марье Ивановне выделили от колхоза 30 килограммов говядины, которую она тут же засолила, и сразу выписали сто литров молока, за которым вечером нужно было ходить на ферму. Колхозный завхоз поставил в избе три новые раскладушки. Телевизора не было, была только радиоточка, благодаря которой мы через несколько дней узнали о перевороте в Чили 11 сентября и о смерти президента Сальвадора Альенде.

Нашу тройку не привлекали к уборке картофеля, а кидали то на прорыв водопроводной системы на колхозной ферме, то на ночную просушку зерна, то на выпас деревенского стада, на ремонтные работы... Пасти коров было делом небезопасным. Породистый бугай по имени Яшка мог появиться рядом совершенно неожиданно. С ним мог справиться только бригадир Юрий Иванович, который спокойно брал его за кольцо в носу, и тот шел рядом, как ласковый теленок. Уже при нас бык поломает четыре ребра деревенскому мужику, зашедшему на ферму к вечерней дойке что-то сообщить жене. Не загнанный в стойло Яшка бродил по ферме, поддел мужика рогами и закинул его на поленицу заготовленных к зиме дров. А в августе он неожиданно подошел к Марье Ивановне, которая набирала воду из колодца. И старушка долго уговаривала его не забрасывать ее в колодец. Марья Ивановна говорит, что он понял ее речь и пожалел. Нам во время пастьбы советовали находиться с противоположной от Яшки стороны стада.

Раз в неделю бригадир Юрий Иванович топил для нашей тройки свою домашнюю баню.

Домик Марьи Ивановны находился посреди деревни, но на краю дороги, ведущей к деревянному коровнику и колхозным хозяйственным постройкам. Из окон домика был прекрасный обзор всей деревни, что заменяло Марье Ивановне телевизор. Обычно утро начиналось с ее восклицания: «О, Танька проснулась! Опять ищет глазами, к кому пойти завтракать...». Это говорилось о непутевой тридцатилетней женщине с поломанной судьбой, из-за пьянства лишившейся семьи и детей, но очень словоохотливой, которую жители подкармливали. Если она завтракала у Марьи Ивановны, то мы успевали узнать множество новостей о деревенской жизни, о бывших жителях деревни, проживавших в различных городах СССР. Главным направлением, куда уезжала молодежь Весьегонского района, был промышленный Череповец Вологодской области. В деревне Гора была модна песенка, понятная только весьегонцам: «Черепане, черепане, черепане-черепки». Это о своих земляках, которые уже не весьегонцы, но и не череповчане...

На третий день нашей деревенской жизни у нас появились проблемы. Местная молодежь из деревни Гора и окружающих деревень весь год ждет сентября, когда можно поухаживать за студентками и погонять «волосатых очкариков». На танцах в сельском клубе после рабочего дня нас старались задеть локтями, спровоцировать на драку. Так продолжалось около двух недель. Навещавший нас из Калинина университетский преподаватель был в курсе, советовал связаться с активистами комсомольской организации колхоза. Но оказалось, что эти активисты и были основными зачинщиками столкновений. До драк не

доходило только благодаря двум студенткам-второкурсницам, которые с прошлого года были знакомы с местными парнями и, как могли, сдерживали их. Тогда накопленный бойцовский пар местная молодежь сбрасывала в драках между собой. Кроме кулаков использовали штакетник от библиотечного палисадника, который находился рядом с клубом. Но не ходить в клуб было бы сочтено за трусость.

В двадцатых числах сентября я получил письмо из дома. До сих пор помню конверт из темно-голубой бумаги с оттиском красного герба в левом углу. Письмо адресовалось Опаркиной Марье Ивановне для передачи Виктору. Марья Ивановна удивленно спросила, неужели ее и в Ташкенте знают? Письмо было от отца, он писал, что все рады моему поступлению, передавал от всех приветы и родительский наказ – уважать начальство. А потом о грустном, о чем не хотели писать в августе. Погиб в драке мой друг с соседней улицы – Афо Абдуладзе... Разбился на мотоцикле насмерть мой одноклассник Олег Никитенко, а другой одноклассник, Сева Карчуганов, поехал учиться в Самарканд и был местными гопниками порезан на железнодорожном мосту. Севу успеют довезти до больницы, но он получит инвалидность, после этого замкнется... Через два года женится на женщине с тремя детьми; родятся двое своих. Все дети будут петь в корейской христианской церкви, эта же церковь и похоронит еще молодого, сорокапятилетнего Севу. Но все это будет потом...

Деревня Гора была окружена дремучими лесами, а возле каждого дома горели ягодами рябины. Обилие грибов рядом с деревней обогащало наш пищевой рацион. Ходя по грибы, мы доходили до соседних деревень Хрищато и Федоровка, тоже очень живописных.

Марья Ивановна была искусная рассказчица, и мы часто после ужина заслушивались ее рассказами. Особенно интересны были воспоминания о молодости, о деревенских праздниках. Всё разрушила война. Муж погиб на фронте, она осталась с маленьким сыном. Работала дояркой. В первую же военную зиму сильно обнаглели волки. Все мужчины-охотники были на фронте, и идти в четыре часа ночи на ферму на дойку было очень опасно. Шли группой, вооруженные палками и с керосиновыми фонарями. Но однажды возвращаться пришлось одной. Марья Ивановна понадеялась на свою большую собаку, всегда ее сопровождавшую. На полпути их окружили волки. Собака бросилась в драку и дралась так отчаянно, что дала возможность Марье Ивановне добежать до дома, и уже у крыльца та услышала истошный крик своей раздираемой собаки. Даже по прошествии тридцати лет Марья Ивановна вспоминала это со слезами. Уже во время нашей работы, в конце сентября, волчица загрызла на ферме теленка, и местные охотники, во главе с бригадиром Юрием Ивановичем, отправились в лес на ее поиски, но безрезультатно. Повалился в деревню ходить и хорек, у многих подушил кур. У Марьи Ивановны подушил цыплят, остался один, который стал ручным. На ночь она его прятала в ведре.

За трудной колхозной работой Марья Ивановна запустила воспитание сына. Он стал пьяницей. Женился, появилось двое детей, но жена уехала от него в Ленинград. Он часто требовал у матери на выпивку. Однажды, когда она отка-

залась дать ему денег, наставил на нее ружье. Вот тогда и парализовало у нее ногу. А сын вскоре сгорел от водки.

С начала октября начали желтеть березовые рощи, за которыми высокой стеной еще сильнее загустели зеленую хвойные деревья. Зарядили дожди, а еще не убрана была картошка и не приступали к уборке льна. С уборкой зерна успешно справились. Ночные смены на сушилке прекратились. Во время дождя нам устраивали выходные. Мы набирали в хорошей деревенской библиотеке книг и читали.

Отъезд нам назначили на пятнадцатое октября. С Марьей Ивановной мы прощались как с родной, она всплакнула. Колонна машин из разных колхозов собралась в Весьегонске. Нам дали два часа на прогулку по районному центру. Мы побывали в краеведческом музее. По улицам перекатывались желтые листья, моросил дождь. В некоторых домах дымили трубы, и этот запах дыма, деревянные дома с наличниками, простые, доброжелательные лица горожан создавали ощущение уюта. И тогда подумалось, что я хотел бы жить в таком краю всю жизнь...

В Калинин меня ждал дом тети Кати, Силикатный проезд с голыми деревьями, вдалеке виднелось пространство над Волгой. Был только один день на приведение себя в порядок – стрижка, глажка; в понедельник началась учеба.

Запомнилась первая лекция, ее читал Георгий Иванович Семенюк, подробно рассказывавший о русских историках. Он был поклонник истории, написанной Соловьевым, шутил над Ключевским и был почтительно вежлив к истории Карамзина. Лекцию Георгий Иванович читал артистично, «играл» голосом, жестами кулировал.

Учиться было очень интересно. Кроме отечественной истории и истории древнего мира, много времени было отведено истории КПСС. Преподаватель английского языка Елена Петровна Ратнер приобщала нас к культурной жизни города: всю нашу группу повела на очень хорошую постановку «Робин Гуда» в ТЮЗ. А преподаватель физвоспитания Александра Тимофеевна Логинова подготовила курс к лыжному походу по местам боев прославленной 216-й гвардейской дивизии, освободившей Калинин 16 декабря 1941 года. Во время оккупации в нашем общежитии была устроена немецкая комендатура; в спортивном зале пытали и убивали наших пленных солдат. И еще пятнадцать лет назад в душевой спортзала студенты боялись купаться поодиночке. Старые вахтерши рассказывали, что не раз приглашали священников, чтобы освятить и «успокоить» спортивный зал.

Наступившие холода особого дискомфорта не доставляли. Домик тети Кати был теплый, в чешских трамваях под сиденьями был подогрев. Но где-то в конце ноября в настроении случился какой-то сбой, появились мысли, правильно ли я сделал, покинув родные теплые края... В течение недели эти сомнения нарастали. И тогда я с утра в воскресенье отправился в Москву и напрямик – в аэропорт Домодедово. В здании аэропорта встал в толпу земляков, ожидающих вылета в Ташкент, а затем дождался прилета самолета из Ташкента и первого появившегося в здании сорокалетнего узбека с четырьмя оплетенными мир-

зачульскими дынями поприветствовал и разговорил. И сам удивился своему первому вопросу: «Выполнила ли республика план по хлопку? Какая область идет на первом месте и кто замыкает?». Земляк отвечал, не удивляясь и обстоятельно, что республика уже собрала четыре миллиона девятьсот тысяч тонн хлопка. Как всегда, впереди Бухара и Кашкадарья, а замыкает Джизакская область. Мы с ним так и пошли, разговаривая, на перрон к электричке, доехали до Павелецкого вокзала, распрощались. Я по кольцевой направился на станцию Комсомольская к Ленинградскому вокзалу, а он к брату на Парковую улицу у Измайловского парка. Мне полегчало.

А через две недели неожиданно приехали, не предупредив, родители. Это была «инспекционная» поездка. Отец подробно расспросил о моем поведении хозяйку, побывал в университете и долго говорил с деканом, Николаем Васильевичем Ефремовым. Они с отцом были ровесники и фронтовики, и оба остались очень довольны разговором. После этого я чувствовал доброжелательное внимание со стороны прихрамывающего после войны декана, которого до этого мне пришлось видеть только раза четыре. Родители жили в гостинице цирка, познакомились с городом. Их поразили путевой дворец Екатерины, красота центра города и здание кинотеатра «Звезда», проект которого был разработан для Самарканда, но воплощен почему-то в Калининe. Согревающим душу южанина зданием была и кафе-шашлычная «Восток».

После отъезда родителей опять произошел эмоциональный спад. Сказывался недостаток внеучебного общения, и когда объявили о дополнительных местах в общежитии, я решил на переезд. А к тете Кате время от времени потом заезжал.

Комендант общежития корпуса «А» – пожилая суровая женщина – повела меня на четвертый этаж. Прошли все левое крыло до самой последней двери с табличкой № 106. Она отворила и зашла первой. Жильцы комнаты ее встретили радостными возгласами. Когда я вошел туда, то буквально обомлел. В огромной торцевой комнате, самой большой в общежитии, которую жильцы называли «базар-вокзалом», жило шесть человек и пустовала седьмая койка. А жильцами оказались студенты из Узбекистана. Много лет практиковался набор студентов из сельской местности Узбекистана на филологические факультеты российских ВУЗов целевым образом по результатам собеседования, без экзаменов, в надежде, что после обучения они будут нести знания о русском языке и литературе в отдаленные кишлаки. Когда земляки узнали, что я из Сырдарьи, тут же позвали друзей из соседних комнат, так как все крыло четвертого этажа занимали наши узбекистанцы.

Три года обучения в университете я прожил в общении с земляками, в освоенном ими городском пространстве. Они хорошо ладили со студентами всех факультетов, с комендантом общежития, закармливая ее привезенными из дома и полученными в посылках копченой рыбой и фруктами. В 106-й комнате жили Салом из Джизака – высокий, басовитый, страстью которого было наглаживание стрелок на брюках; Тахир из Самарканда, два казаха из Навои – Олмаз и

Колдыбек, Нуриддин из Бухары и сурхандарьинец Тулкин, которого здесь звали Толик.

Так я стал для студентов других факультетов, кроме исторического и филологического, «рыжим узбеком», проводя время после занятий в окружении земляков. Ни о какой хандре и скуке речи теперь быть не могло. Народ был с юмором, находчивый. Они со смехом вспоминали свои первые студенческие годы, когда кто-то мог, перечисляя произведения Пушкина, сказать «Бахчисарайский водопровод» вместо «Бахчисарайского фонтана», а на вопрос «Партийные ли у вас родители?» ответить: «Да, когда я уезжал, отец был коммунистом. Сейчас, наверно, уже партийный стал».

Кроме учебы мои земляки пытались заработать дополнительные к стипендии деньги. Кто-то сторожил на лодочной станции, кто-то через ночь работал на хлебокомбинате, а несколько человек, как Мавлян из Хорезма, освоили покупку бракованных тарелок со складов конаковского фаянсового завода, где браком считалась маленькая, незаметная глазу шероховатость, образованная при обжиге, и переправляли все это в Узбекистан. Его земляк Амир наладил покупку и перепродажу в Узбекистан нитей торжокской золотошвейной фабрики. Эти ребята после окончания университета так и не расстанутся с Калинином. Женятся, заведут семьи...

Учебная работа на курсе была поставлена так, чтобы опровергнуть поговорку, что студенты живут весело от сессии до сессии. В семестр дважды устраивалась аттестация по предметам, по результатам которой неуспевающих грозились не допустить до экзаменов.

На первом курсе был любимый всеми студентами преподаватель истории древнего мира – доцент Тарасенко, преподававший предмет доступно и с юмором. Доцент читал нам лекции и проводил семинары, не вставая со стула, у него были больные ноги. Дополнительные сведения, расходившиеся с официальной наукой, и острые шутки Тарасенко позволял себе, видно, еще и потому, что знал о своей неизлечимой болезни. Сразу после летней сессии университет прощался с ним на баскетбольной площадке между четырехэтажным домом преподавателей университета и общежитием корпуса «Б». Рядом с гробом стояли жена и единственная дочь, лет сорока. Вспомнилось, как в апреле он советовал нам, иногородним студентам-первокурсникам, к полуночи на Пасху отправиться на остановку трамвая «Вторая городская», где собиралась чуть ли не четверть города, а толпу у церкви сдерживала многочисленная милиция. Тарасенко был верующим человеком.

Очень памятен первый приезд после зимней сессии домой, в конце января 1974 года. Почему-то все казалось маленьким и узким – дома, улицы. Так, наверное, все прощаются с детством, с его ощущениями.

На вторую осень я не попал на осенние работы в колхоз, так как все лето работал в студенческом отряде в Старицком районе в деревне Паньково. Отряд назывался «Спартанцы-74». Мы строили дома для колхозной молодежи и в сентябре, вместо колхоза, разъехались по домам.

На втором курсе сложным считался предмет по истории средних веков,

лекции по которому читал профессор Марэн Михайлович Фрейденберг. Студенты шутили, что после сдачи этому профессору экзамена можно жениться, так как теперь быть отчисленным из университета за неуспеваемость не грозит. Марэн Михайлович и кандидатскую, и докторскую диссертации защитил по истории хорватского города Дубровник. Из-за пятой графы он был невыездным, несмотря на то, что был ветераном войны и орденосцем, и копаться в архивах Дубровника поручал своим студентам, которые могли ездить туда по туристическим путевкам. Многим из них было обещано быть аспирантами в команде профессора, но повезло очень немногим. Самый способный студент с нашего курса – Женя Иванов, – обманувшись в надежде продолжить научную карьеру, повесился у себя во Ржеве в ноябре 1978 года.

После третьего курса сентябрь и половину октября я провел в Сырдарье, будучи освобожден от работы в колхозе после летней работы на калининском камвольном комбинате, где всю смену подвозишь бобины к ткацким станкам. Это время совпало с отпуском брата Володи, который к тому времени из Самарканда перебрался в Ургенч. Он работал прорабом на строительном участке, работой был доволен, но не складывалась семейная жизнь. Он развелся уже со второй женой, оставив ей квартиру на улице Шолохова в Ургенче, на берегу канала Шават. Дважды разводился и брат Миша, у которого в каждой семье осталось по ребенку. Володя весь отпуск наставлял меня, чтобы женился как можно позже: с возрастом, считал он, браки устойчивее. Но у меня и мысли не было ни о какой женитьбе. Самаркандец Тахир уговаривал перевестись в самаркандский университет, хвалил город и говорил, что в Калинин мне без них будет скучно...

Но вот в коридоре общежития, на лестничной площадке второго этажа, я увидел выходящую из комнаты № 44 с чайником на кухню брюнетку с длинными волосами – и сразу понял, что это судьба. Это была первокурсница с французского отделения факультета романо-германской филологии. Так что переводиться в Самарканд мне не пришлось. Через два года я играл свадьбу, жена перевелась на заочное отделение и поехала со мной по распределению в далекий лесной Сонковский район, на границе с Ярославской областью.

Началась новая – лесная – глава моей жизни.

АВТОРЫ НОМЕРА

АЛИМДЖАНОВ Бахтиёр – историк, кандидат исторических наук. Независимый исследователь. Живет в Санкт-Петербурге.

БАБАДЖАНОВ Бахтияр – востоковед, исламовед. Доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Института востоковедения АН РУз, доцент Ташкентского Исламского университета. Автор более ста научных работ. Почетный профессор Государственного университета Киото. Живет в Ташкенте.

БАРАНОВ Владимир – историк философии. Кандидат философских наук; старший преподаватель кафедры истории культуры гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Член Международной ассоциации патрологических исследований (AIER/IAPS). Живет в Новосибирске.

БУБНОВА Мария – домохозяйка, живет в Иваново.

КОТЮКОВА Татьяна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории РАН. Живет в Москве.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

МОИСЕЕНКО Виктор – историк, преподаватель истории и обществоведения. Работал директором школы в Сонковском районе Тверской области, заведующим методическим кабинетом городского отдела народного образования г. Сырдарья. Живет в Ташкенте.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Работает в журнале поэзии «Арион». Живет в Подмосковье.

ПЕРНБАУМ Алексей – кандидат физико-математических наук, переводчик святых отцов. Староста Вознесенского храма села Еремеева Истринского района Московской области. Живет в Москве.

ПИНЧУК Ольга – выпускница литературной школы CWS, публиковалась в журнале «Север», альманахе «Пашня-2». Живет в Москве.

ПОТОРОЧИНА Елена – искусствовед, младший научный сотрудник Института искусствознания АН РУз. Живет в Ташкенте.

РОГОЖНИКОВА Ксения – поэт, детский писатель. Автор шести сборников стихов. Ведет семинар прозы и детской литературы в Открытой Литературной Школе Алма-Аты (ОЛША). Живет в Алма-Ате.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Иеромонах Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ТАЛАЛАЙ Михаил – историк, кандидат исторических наук. Лауреат Макарьевской премии (2013). Автор многочисленных статей в российских и итальянских периодических изданиях по истории Русской Церкви в зарубежье. Живет в Милане.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/department_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XLVI
№ 1, 2018, январь-март

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . . 2018 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . . 2018).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568